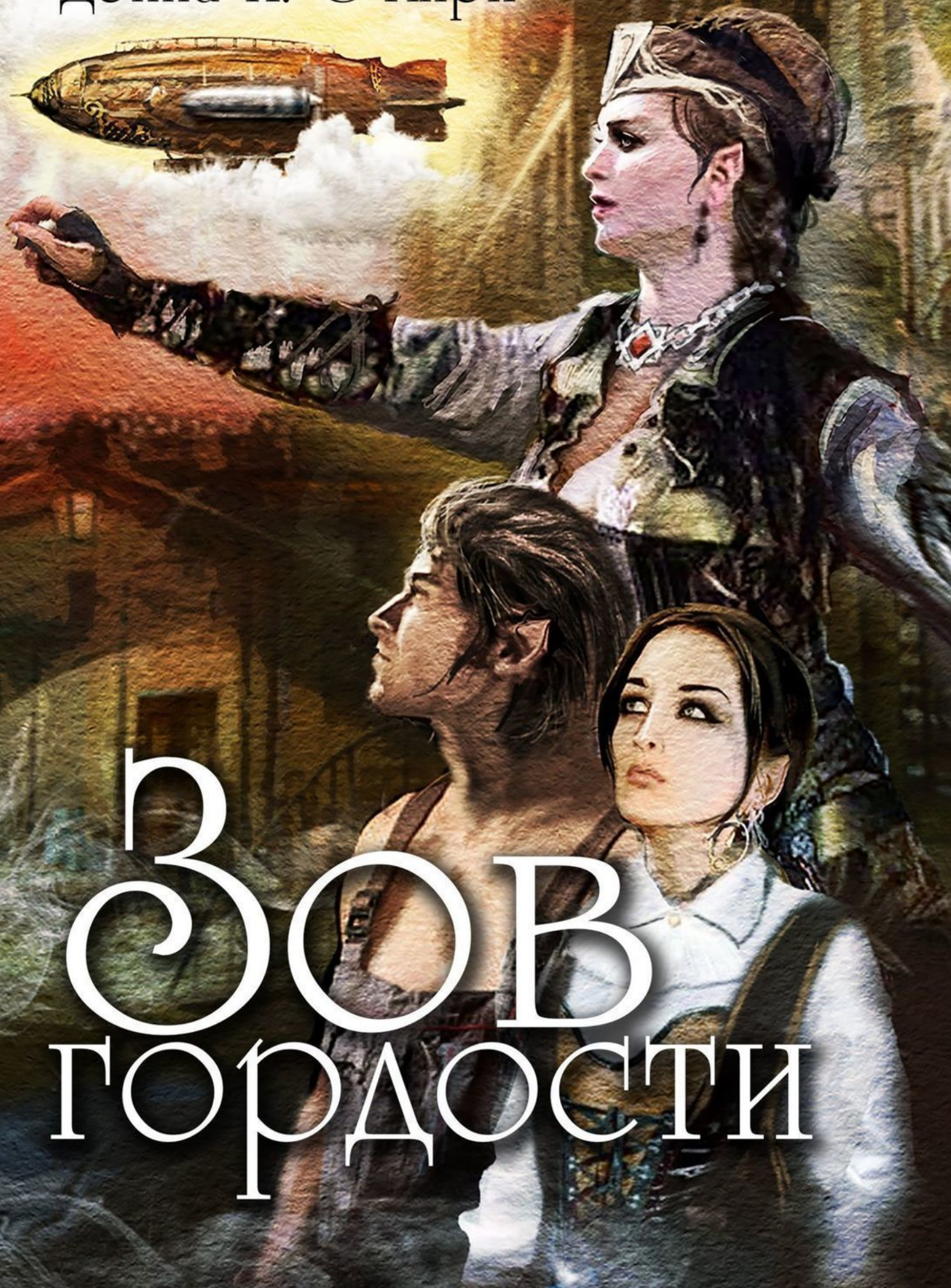

Донна К. О'Лири

ВОЗ ГОРДОСТИ

Донна О'Лири

Зов гордости

«Издательские решения»

О'Лири Д. К.

Зов гордости / Д. К. О'Лири — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507060-9

Древняя Империя, униженная поражением в последней войне, живёт надеждой на возрождение. В полотне её истории причудливо переплетаются эпоха пара и воспоминания о магии, радикальные идеи и политические интриги, судьбы эльфов из разных слоёв общества и жажда обрести утраченную гордость.

ISBN 978-5-00-507060-9

© О'Лири Д. К.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Интервью	10
Глава 1. Охотники	12
Глава 2. Смыслы	21
Глава 3. Посильное бремя	27
Глава 4. Газетные вырезки	37
Глава 5. Глас народа	44
Глава 6. Сомнения	51
Глава 7. Вопрос цены	57
Глава 8. Дурные предчувствия	66
Глава 9. Искра	74
Глава 10. «Волей свободного народа эльфов»	79
Глава 11. Вырезки	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Зов гордости

Донна Кейлин О'Лири

Дизайнер обложки Александр Соловьёв

Редактор Дмитрий Константинов

Корректор Дмитрий Константинов

© Донна Кейлин О'Лири, 2019

© Александр Соловьёв, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-7060-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Их атаковали неожиданно.

Над головами замолотили звонки, замерцали аварийные светильники, а из блестящего медного раструба громкоговорителя раздался голос вахтенного офицера:

– Боевая тревога! Боевая тревога! Всем занять свои посты! Машинное отделение, полный вперед! Сбросить носовой балласт! Каждая третья ячейка, быстро!

Мэрруон подскочил от неожиданности так, что врезался макушкой в открытую крышку бункера правого двигателя. Зубы клацнули, в голове загудело.

От поста управления донёлся новый звонок. Стрелка на машинном телеграфе дрогнула и перепрыгнула в сектор «Полный ход». Дежурный механик среагировал мгновенно – ухватился за полированные рукояти управления обеими турбинами и перевёл их вперед, подтверждая полученный приказ.

– Мэrr, Эрри, дуйте в носовой балластный отсек! – заорал механик, оглядываясь через плечо. – Каждая третья ячейка, вы слышали!

Мэрруон захлопнул крышку бункера, руки тряслись. Потом понёсся вперед, в направлении носа корабля, мимо укрытой кожухом турбины, которая всё повышала тон своего гудения, раскручивая обороты.

Он догнал Эрри у самого люка из машинного отделения. Та оглянулась на бегу:

– Шевелись, Мэrr! Не отставай!

Её каблучки загрохотали по решётчатым мосткам в глубине корабля. Русая косичка прыгала между лопатками на вытертой коже рабочей куртки.

Имперский Воздушный флот охотно брал на службу эльфиек. По одной простой причине – они были лёгкими. Значительно легче эльфов. Правда, и значительно слабее тоже. Поэтому ворочать балластные мешки с песком дежурный механик отправил их вместе. Мужчину и женщину.

Ради баланса.

Они бежали к носовому отсеку, а над их головами из всех раструбов громкоговорителей гремел металлом голос командира корабля, капитана первого класса Телленхард:

– Экипаж «Императрицы Эрраниэль»! К нам направляется стая каких-то летающих хреновин. Не иначе, это новое изобретение тех проклятых гоблинских ублюдков, до которых ещё не дотянулся сверкающий меч Империи. Эти летучие крысы слишком малы, чтобы причинить нам ущерб, ведь мы – линейный дирижабль. Мы просто поднимемся вверх и оторвёмся от идиотов, которые осмелятся сунуться вслед за нами. Быть готовыми к бою! Всем твёрдо стоять на постах и выполнять свои обязанности! И не ссать! Вперед, Империя! В бой, «Императрица»!

По переговорным трубкам пронеслось эхо разноголосого согласного рёва.

«Да уж, капитан. Умеее вы вернуть нужное слово».

Они влетели в носовой отсек. Здесь стоял полумрак, сквозь небольшие иллюминаторы проникало совсем немного света.

– Аварийные фалы! Быстрей! – выкрикнула Эрри, хватая ртом воздух. Беготня на такой высоте не прошла даром.

Он выдернул из настенных креплений два плетёных троса с карабинами на концах, перебросил один ей, второй защёлкнул на стальном кольце собственного рабочего пояса.

– Готова? Открываем!

Они завертели рукояти приводов. Палуба посреди отсека лопнула ровной линией, щель начала стремительно расширяться, створки с гудением от набегающего воздуха пошли вниз, внутрь ворвался ветер, набросился на одежду и волосы.

Тогда они их и увидели.

Снизу, от земли, раскрашенной широкими мазками в осенние цвета, к ним поднимался рой странных летательных аппаратов. Верхние большие воздушные винты вращались так быстро, что сливались в серебристые полупрозрачные диски. Передние пропеллеры, тянущие машинки за собой, были значительно меньше.

«Кажется, я знаю, что это, – подумал Мэрруон. – Гироплан. Вроде бы так эта штука зовётся».

– Вот заразы! – Эрри сплюнула вниз, в открытый люк. Глянула на него. Лицо у неё было перекошено нехорошей гримасой, в которой смешивались страх и отвращение. Словно заметила, что к её ноге подбирается мерзкое насекомое.

– Давай, Мэrr! – она старалась перекричать свист ветра. – Оторвёмся от этих убудков! Он кивнул.

– Каждый третий, помнишь? Давай, ты с левого борта, я с правого. Начали!

Балластные мешки с песком крепились двумя застёжками. Одна на ремне, что охватывал его сбоку и прижимал к борту, вторая замыкала петлю, в которой мешок висел.

«Раз замок, два замок».

Первый куль с песком скользнул вниз по жёлобу, подпрыгнул на узкой дорожке палубы, оставшейся вдоль пропасти люка, и кувыркнулся в бездну. С другой стороны вслед за ним ухнул ещё один, сброшенный Эрри.

«Каждый третий, раз, два, три. Раз замок, два замок. Раз, два, три. Раз замок, два...».

Примерно на середине отсека он услышал, как Эрри за его спиной ругается самыми страшными словами. Он быстро оглянулся, но к счастью, она не оступилась и не грохнулась в люк, чтобы повиснуть под носом дирижабля на страховочном тросе. Нет, она стояла на палубе, вцепившись левой рукой в ремень очередного мешка с песком, а правой указывала вниз и ругалась так, что кровь стыла. Будто хотела руганью отогнать что-то, подбиравшееся к ним снизу.

Мэрруон выглянул в люк. Чуть сбоку к ним поднимался гироплан, его двигатель трещал, как сумасшедший, нос был задран вверх, пропеллер вращался с бешеной скоростью. За прозрачным колпаком кабины виднелся пилот в кожаном шлеме и очках-консервах. Под очками вперед торчал длинный острый нос.

Гоблин.

– Сучьи выродки, убудки, чудовища! – Эрри почти срывалась на визг. – Жаль, мы не принялись за вас раньше!

Она рванула ремень и столкнула мешок вниз, слепо надеясь каким-то чудом попасть в приближающегося летуна. Бесполезно, естественно. И тут Мэрруон заметил, что по бокам гироплана торчат длинные штанги, выходящие за пределы большого несущего винта. На их концах были продолговатые ребристые коробки, направленные передними гранями в их сторону. В этих гранях виднелось множество отверстий, так что они походили на пчелиные соты.

– Эрри! – Он заорал во всё горло, сложив ладони рупором. – Эрри, надо шевелиться! Нужно сбросить балласт и доложить на мостик! Слышишь?

Та подняла голову. Кивнула. Повернулась к ряду мешков с песком. Он тоже.

«Раз, два, три. Раз замок, два замок».

Всё вокруг загрохотало, как будто снизу через открытый люк в отсек влетел крупный град. Чего, конечно, быть просто не могло. Ведь град не умеет лететь вверх. Или...

Мэрруон оглянулся.

Весь отсек пестрел рваными дырами. В бортах, в палубе, в опущенных вниз створках люка. По другую сторону от него, на том краю ветреной бездны стояла Эрри, вцепившись в шею. Сквозь пальцы хлестала потоком кровь, заливая руки, вытертую овчину воротника рабочей куртки, грудь, живот.

Ещё меж пальцев торчало хвостовое оперение железной стрелы. Стрела пробила ей гор-тань и вошла почти вертикально вверх, вглубь черепа.

Потом она вдруг дрогнула, будто из неё вырвали стержень, удерживающий в вертикаль-ном положении. Повалилась навзничь, на узкую полоску палубы между бортом и провалом в небо. Тело её задёргалось, руки выпустили горло, ноги засуетились в судороге. Подковки на башмаках заколотили дробь по металлическому настилу.

Он замер. Неизвестно насколько. А когда пришёл в себя, было уже поздно.

Через люк внутрь отсека влетел гарпун, за ним тянулся трос. Прошил борт дирижабля, чем-то щёлкнул и замер, намертво застряв. Следом раздалось ещё два или три таких же удара. На глазах Мэрруона наконечник гарпуна проник внутрь отсека с внешней стороны обшивки, звякнул пружинами и выбросил крестом зазубренные клинья. Клинья зацепились за шпангоут и обшивку, как крюки якоря-кошки.

Тросы гарпунов поочерёдно рванулись и натянулись. Мэрруон услышал шипение. Глянул вниз.

На тросах висели фигурки, бешено вращавшие рукоятками подъёмных механизмов, закреплённых на груди. Стремительно карабкались вверх, прямо к нему.

Он механически рванулся было сбросить следующий мешок с песком, но вовремя сооб-разил, что от этого всё равно нет никакого толку. Захватчики уже прицепились к дирижаблю и останутся с ним, даже если он уйдёт ввысь.

«Абордаж. Нас берут на абордаж».

Он потянулся к поясу, чтобы отстегнуть аварийный фал и выбежать из отсека.

Пальцы наткнулись на рукоять.

Кортик.

Самая бесполезная вещь, смысла которой не понимал никто из молодых матросов. За каким демоном они должны постоянно таскать на себе эту железяку?

Внезапно он обнаружил этот смысл.

Перебирая руками шпангоуты, дошёл до ближайшего впившегося в обшивку гарпуна, вытащил кортик из ножен и стал пилить трос.

Снизу до него долетел крик. Он не оглянулся, продолжал резать, кромсать твёрдое волокно витой верёвки.

Рядом что-то ударило в борт, брызнуло искрами, и ушло наружу, оставив рваную дыру. Мэрруон вздрогнул, но не оглянулся, не посмотрел, что это было. Начал пилить ещё быстрее. Не замечая, как моментально кожа, трущаяся о стальную гарду, набухает волдырём мозоли.

Трос лопнул и молниеносно скользнул вниз, будто его и не было. Послышался выкрик, тут же увязший в свисте ветра. Мэрр шагнул дальше и начал резать следующий канат.

Он почти успел перепилить его, когда грохнул взрыв и часть борта исчезла. Отсек на какие-то секунды наполнился пороховым дымом, который быстро выдуло прочь. Но за эти несколько секунд у Мэрруона появилась компания.

Незнакомец стоял в дальнем конце отсека, ближе к носу, рядом с пробоиной в обшивке. Невысокий, коренастый, с кривоватыми ногами. В ветрозащитных очках, над которыми ветер ерошил спутанные пряди рыжих волос.

Потом незнакомец вытянул из ножен на бедре короткую саблю и ухмыльнулся.

Его зубы были жёлтыми, неровными, с заметными клыками.

Человек.

«Проклятый примат, животное, грязная обезьяна» – механически подумал Мэрруон, не испытывая почти никаких эмоций, и выставил в его сторону кортик.

Человек ухмыльнулся ещё шире.

– Ты стоишь у меня на пути, эльфийская дохлятина. – Он указал саблей за спину Мэр-руона, в сторону люка, ведущего из отсека. – Будь добр, спрыгни вниз, не путайся под ногами.

Мэрруон промолчал, только ткнул кортиком воздух перед собой. Ему хотелось проорать что-то грозное, вроде «Вперёд, Империя!», но ни гортань, ни губы не слушались.

Тросы, прикреплённые к гарпунам, продолжали скрипеть и подрагивать под весом поднимающихся людей. Человек вдруг присел немного и закрутил саблю перед собой, вычерчивая в воздухе быструю восьмёрку. Затем глянул ещё раз на своего противника, слегка наклонив голову.

– А, чёрт с тобой. Некогда возиться.

И выбросил вперёд левую руку.

Грохнуло, отсек заволокло дымом, а Мэрруона словно ударили кувалдой в левую часть груди, под самую ключицу. Его отбросило, разворачивая вокруг оси, и впечатало лбом в шпангоут. Последнее, о чём он успел подумать, сползая на палубу и в пучину беспомощности, было:

«Богиня, почему так?».

Интервью

Некоторое время мы сидим в тишине. Диктофон на столе начинает равномерно мигать светодиодом, намекая, что перешёл в режим ожидания. Наконец Мэрруон Гасваллаун вздыхает и переводит взгляд с вида за окном на меня.

– Вот так, собственно, началась война для меня. Реальная, а не та, что прежде – в газетных сводках или в вибрации, с которой «Императрица» сбрасывала бомбы. Тут всё стало настоящим. Схватка, кровь и смерть. В тот раз они впервые смогли до нас дотянуться, попытались дать сдачи.

Он снова отворачивается. Пылинки медленно кружатся в лучах солнечного света, заливающего кабинет через распахнутые окна.

Вскоре Гасваллаун возвращается из своих мыслей, но смотрит не на меня, а на толстый альбом в кожаной обложке, на котором лежит его ладонь. Он раскрывает его, переворачивает несколько страниц, бережно перелистывая полупрозрачные листы папиросной бумаги, которыми они проложены.

Подвигает альбом ко мне.

– Вот. Наш экипаж. Снимок по случаю первого боевого вылета.

На чёрно-белой фотографии, пожелтевшей по краям, я вижу группу в комбинезонах и лётных куртках, выстроившуюся на фоне громады пришвартованного дирижабля. Видно, что фотограф старался, но так и не смог втиснуть его в кадр целиком.

Гасваллаун замечает мой удивлённый взгляд и улыбается.

– Да, всё верно – здесь все. Чуть больше двух дюжин на такую махину. Простая арифметика – чем легче экипаж, тем больше запас бомб и дальше вылет. И обратите внимание на комплекцию. Вот этот...

Он указывает пальцем на мужчину в строю.

– ... был самым крупным из нас, старший механик. Хотя вряд ли он был выше ростом, чем вы. И уж кого среди нас точно не было, так это бойцов. В итоге в тот раз мы потеряли почти треть команды, прежде чем сбросили тех людей за борт. А могли потерять ещё больше, не окажись у капитана револьвер.

Он показывает на эльфийку посредине, единственную, на голове которой красуется фуражка, заливчатски сдвинутая набок. Качество фотографии не на высоте, но выразительные черты лица и светлые волосы вполне различимы.

Гасваллаун продолжает рассказ:

– На этом снимке она кажется блондинкой, но на самом деле капитан Телленхард была совершенно седой. Хотя ей не исполнилось ещё и ста пятидесяти лет. Поговаривали, что это у неё после войны на островах. Так и называли за глаза – «Седая волчица».

Он усмехается.

– Да, понимаю, но ничего не попишешь – с фантазией на флоте туго. Немного не тот уровень, чтобы придумывать изящные эпитеты. Ну да ладно, это прозвище ей вполне подходило. С «седой» всё ясно, а «волчица» потому, что если нужно, готова была так вцепиться в провинившегося, что просто ух! И ещё упрямая. Устав ведь поначалу запрещал иметь на борту огнестрельное оружие – ну, знаете, вопросы безопасности и всё такое. Но капитан наплевала на правила и брала свой револьвер на все вылеты. В тот раз его шесть пуль нам очень пригодились.

Он снова замолкает, долго разглядывает фото, в его выцветших голубых глазах мерцают странные искорки. Наконец протягивает палец в сторону одной из фигурок.

– Вот. Это она. Эрри.

Я всматриваюсь в силуэт на краю строя. Девушка в мешковатом комбинезоне, кожаной куртке на меху и сдвинутой на затылок вязаной шапке. С улыбкой до ушей.

– Она всегда была такой бойкой. Научила меня всему, что следовало знать на корабле. И ещё... кое-чему. Эрри, звонкая ты хохотушка. Если бы тогда... Кто знает.

Один из величайших художников последних полутора сотен лет долго молчит, рассматривая скучный прямоугольник фотографии. Так, словно в нём заключена вся его жизнь.

Затем вздыхает и поднимает на меня глаза.

– Знаете, мы начали совершенно не с того. Если вы *действительно* хотите понять, как Империя вляпалась в ту войну, рассказывать нужно с самого начала. Когда все ещё были живы.

Глава 1. Охотники

Снег, что шёл перед этим два дня подряд, засыпал лес воздушным, искристым покрывалом. Еловые лапы утонули в пуховых одеяниях, лёгкая серебристая пыль летела в воздухе, осыпаясь от малейшего движения воздуха. След, оставленный косулей, вспарывал ровную поверхность сугробов, не позволяя сбиться с пути.

Эйслинн Гасваллаун свесилась с седла, внимательно присмотрелась к следам. Оглянулась на остальных, приложила палец к губам и сделала знак рукой: «Спешиваемся». Спрыгнула вниз, провалилась в сугроб по колени.

– Адовы демоны, Эйси! – прошипел Сейтенин Трайтреттон. Спускаясь с коня, он задел широкую еловую лапу, и теперь вокруг него кружилось маленькое снежное торнадо. – Ты уверена, что пора?

Эйслинн кивнула и ответила шёпотом:

– Она шагах в ста впереди, не больше. Теперь пойдём пешком.

– Эйси, ты серьёзно? Такие сугробы – мы выдохнемся уже шагов через двадцать.

Та только усмехнулась.

– А нам дальше и не надо. Мне хватит, чтобы не промахнуться. Если пойдём верхом, то спугнём косулю, и она уйдёт в чащу. Там мы её точно не догоним. Лошади не пройдут. Ещё вопросы?

– Ребята, а можно я останусь? – раздумывая на морозе Тэйриэнна Трайтреттон скорчила просительную гримаску. – Я лучше за лошадьми присмотрю.

Сейтенин хмыкнул.

– Так и скажи, что не хочешь смотреть, как я всажу арбалетный болт в эту косулю. Ты же так любишь всяких зверушек.

– Ты болван, Сет, вот единственное, что я хочу сказать.

– Какой смысл в охоте, если не охотится?

– Тише вы! – Эйси шикнула на них. – Будете так орать, никому поохотиться не удастся. Ладно, Тэйри, оставайся с лошадьми. А вы – Мэrr, Арри – берите арбалеты и пошли.

Она обращалась к двум оставшимся членам команды. Один из них, рослый эльф, блеснул голубыми глазами из-под низко надвинутой шапки из волчьего меха, кивнул с улыбкой Тэйриэнне, и накрутил на левое предплечье ремень пружинного арбалета. Другой, самый молодой из всей компании, с сомнением посмотрел на борозду в снегу, оставленную прошедшей недавно косулей.

– Слушай, Эйси, будет лучше, если я останусь тоже. Вдруг волки?

Сет прыснул в кулак, а Эйслинн зашипела кошкой:

– Нет уж, Мэrrуон, демон тебя дерит. Во имя чести семьи Гасваллаун ты пойдёшь с нами, а не станешь отсиживаться в кустах.

Мэrr отвернулся, стукнул кулаком по низко нависшей еловой лапе, вызвав небольшую лавину. Буркнул:

– Ненавижу, когда она себя так ведёт.

Эйси пропустила его бубнёж мимо ушей, а эльф в волчьей ушанке поинтересовался:

– «Так» – это как?

– Командует, – неохотно пояснил Мэrrуон.

– Если бы командовал ты, – парировала его сестра, – то мы весь день разглядывали бы картины в галерее родителей и слушали твои рассуждения о технике, мазках, свете и тени. Наши гости умерли бы с тоски, а на семью Гасваллаун легло бы несмываемое пятно позора. Поэтому команду я.

Она закинула за спину колчан со стрелами, защёлкнула на груди застёжки его ремней и вынула из чехла, притороченного к седлу, охотничий блочный лук.

– Так, а теперь послушайте меня, мальчики. Дальше идём веером. Я с правого края, Сет с левого. Вы двое – посередине. Ты, Киарран, – она кивнула голубоглазому в волчьей шапке: – пойдёшь ближе к Сету. Ну а ты, Мэрр – рядом со мной. Запомните – идти от дерева к дереву, внимательно смотреть перед собой. Как увидите косулю, сразу останавливаетесь и сигналиваете остальным. Только знаком, не надо вопить на весь лес, ясно?

Все кивнули. Сейтеннин спрятал ухмылку, не мешая Эйси «командовать». Та, однако, заметила и обратилась к нему.

– И последнее, Сет, специально для тебя. Будешь стрелять, целься лучше, во имя Богини. Надо попасть в грудь, шею или голову. Не вздумай всадить ей болт в брюхо. Привкус дерьма или желчи совсем не украшает блюдо из дичи. Я дам тебе выстрелить первым, не бойся. Но если увидишь, что у тебя поганая позиция, лучше не стреляй. Не порть добычу.

На этот раз он кивнул без улыбки. Эйслинн ещё раз оглядела всех.

– Ну, пошли.

И тут же обернулась на эльфийке, остающейся с лошадьми.

– Да, Тэйри, на всякий случай. Если вдруг без нас действительно появятся волки.

– Что? – пискнула та встревожено.

– Ты тогда ори погромче, не стесняйся. Волки сейчас ещё сытые и пугливые. Они лучше убегут, чем станут с тобой связываться.

Сет зажал рот рукавицей и затрясся от хохота. Тэйриэнна покраснела и погрозила ему кулаком.

– Двинулись. – Эйси полезла по сугробам направо от следа косули. Остальные заняли свои позиции и широкой цепью пошли вперёд.

Буквально через несколько шагов лошади и Тэйри скрылись среди заснеженных деревьев. Стало тихо и невероятно спокойно. Косые лучи низкого солнца пробивались сквозь ажурные зимние декорации, заставляя их сверкать с одной стороны, а с другой – отбрасывать длинные синие тени.

Краем глаза Эйси заметила, что Мэрруон вдруг замер и вскинул ладонь. Она остановилась и вопросительно посмотрела на него. Он кивнул и указал рукой вперёд. Эйслинн всмотрелась в переплетение заснеженных зарослей. Там двигалось тёмное пятно.

«Глазастый дьяволёнок!», – с нежностью подумала она о брате, показала ему жестом: «Виду».

Плавным движением вытянула из колчана стрелу, наложила на тетиву. Прикинула расстояние.

«Шагов шестьдесят. Я бы отсюда не промахнулась».

Она мысленно представила в пальцах правой руки усилие от натянутой тетивы, как стрела срывается и уходит вперёд, выталкиваемая суммарной энергией дуг из пружинной стали и двух овальных блоков. Как пронзает воздух и в два удара сердца достигает жертву, как широкий наконечник рассекает шкуру и внутренности, мгновенно убивая косулю.

«Я-то не промахнусь. Но у нас гости. Надо дать им развлечься».

Она спросила жестом:

«Остальные?».

Он двумя короткими движениями показал:

«Видят. Подходят».

Эйслинн кивнула, ткнула рукой в ту сторону, где будет она. Мэрруон энергичным взмахом привлёк её внимание и упёр большой палец себе в грудь:

«А я?».

Она милостиво покачала головой, повела ладонью вниз:

«Оставайся на месте. Мы справимся».

Он вздохнул облегчённо, уселся в сугроб.

«Маленький неженка» – без всякой злости подумала Эйси и двинулась вперёд, расталкивая снег коленями.

С той позиции, на которую она выбралась минутой спустя, цель была видна, как на ладони. Деревья и кусты образовывали естественную анфиладу, несколько тонких осин, нагруженных сейчас снегом, сгибались арками. А в конце этого волшебного коридора, словно перенесённого сюда из иллюстраций к сказке, стояла цель. Молодая косуля, утопавшая в сугробе по брюхо, увлечённо объедала тонкие веточки кустарника с засохшими листьями, уцелевшими с осени.

Эйслинн затаилась за деревом. Меховое пальто, отороченное белым песком и покрытое белым же сукном, отлично помогало в маскировке. Только капюшон мешал, сужал поле зрения. Она отбросила его на спину, встала наизготовку – ступни параллельно, тело прямо, левая рука с луком вытянута строго в сторону, в направлении цели. Двумя пальцами захватила тетиву и натянула её до щеки. Задала необходимое возвышение, несколько раз глубоко вздохнула, ловя момент, когда прицел проходит нужную точку.

«Ну, где же вы? Я дала вам достаточно времени, чтобы подобраться поближе. Если вы не выстрелите сейчас, это сделаю я. И плевать мне на ваше...».

В лесу по другую сторону от косули щёлкнуло, она дёрнула головой вверх, но что-то уже врезалось ей в заднюю часть, швырнуло в сторону. Так, что животное закрутилось и рухнуло в снег. Тут же стуком отозвалось соседнее дерево, и с него посыпался белый каскад. Косуля вынырнула из сугроба, сделала отчаянную попытку отпрыгнуть в сторону, но задние ноги не слушались – из бедра торчал арбалетный болт. Ещё один просвистел над самой её спиной, врезался в заснеженный куст, встряхнув его так, словно тот взорвался. Эйси спустила тетиву.

Она знала, что попадёт. Уже в момент выстрела. Но не изменила стойку, не сдвинулась ни на дюйм. Быстрым движением выхватила новую стрелу и опять натянула лук.

Первая стрела ударила косулю в грудь, сбила её в прыжке. Вместо того чтобы укрыться в кустах, животное клюнуло мордой снег, зарылось в сугроб. Эйси ждала, готовясь выстрелить ещё раз, если в искрящейся на солнце морозной пыли обозначится хоть какое-то движение. Но секунды шли, снежинки оседали, а в сугробе никто так и не пошевелился.

Зато кусты по ту сторону от полянки, где только что кормилась косуля, пришли в движение. С ветвей посыпались хлопья снега, и лес огласил восторженный вопль Сета:

– Нет, вы видели? Видели?! Как я в неё попал!

Эйслинн опустила лук.

«Ну конечно. Что бы мы без тебя делали».

Она направилась к месту, где косуля скрылась в сугробе.

С другой стороны спешил Сет Трайгтреттон, прыгая в снегу так, что в воздух взлетали белые вихри.

– Ты видела? Эйси? Ты же видела? Это я в неё попал!

– Конечно, видела. Неплохой выстрел, Сет. При условии, если ты не распорол ей кишки.

– Я целился! В бок целился, в грудь, как ты сказала!

За Сейтенином на поляну не спеша выбрался Киарран. Снял шапку и отряхнул с неё снег. Кивнул Эйслинн.

– Я тоже стрелял. Только промазал. Вон мой болт.

Он указал на дерево. Сет оглянулся на него с торжествующей улыбкой.

– А я два раза успел.

И добавил великодушно:

– Тебе надо тренироваться почаще.

Они сошлись у ямы в снегу, где исчезла косуля. Та лежала, вытянув вперёд шею и поджав под себя передние ноги, словно продолжала прыжок. В снегу виднелись красные мокрые

комки. Из правой части груди торчало древко стрелы с хвостовым оперением. Лицо Сета вытянулось.

– Это твоя?

– Ага, – Эйси нагнулась, ухватила косулю за правую заднюю ногу, приподняла, чтобы осмотреть. Похоже, всё обошлось – брюхо не пробито.

Она подняла взгляд на Сета:

– Не переживай. После твоего выстрела она бы уже никуда не делась. Видишь?

Она покачала торчащий в туше арбалетный болт.

– Похоже, что ты перебил ей позвоночник повыше крестца. Задние ноги уже не работали.

Так что я просто избавила её от страданий.

Заглянула в его растерянные глаза.

– Твоя добыча, не сомневайся. Можешь с полным правом повесить голову косули на стену.

Сет облегчённо вздохнул.

– И что дальше? Отнесём её к лошадям?

Она покачала головой.

– Нет. Выпотрошим здесь. Какой смысл тащить в дом дерьмо и кровь? У кого верёвка?

Киарран поднял руку.

– У меня.

– Хорошо. Свяжи ей задние ноги. Вон тот сук вполне подойдёт, чтобы вздёрнуть тушу.

Голубоглазый эльф сдвинул шапку на затылок, взял косулю за передние и задние ноги, поднял из сугроба. В его руках она казалась совсем небольшой, не крупнее средней собаки.

Эйси сняла пальто, набросила его на куст по соседству. Посоветовала спутникам:

– Лучше снимите свои шубы тоже, чтобы кровью не измазаться.

Пока Киарран связывал косуле задние ноги, перебрасывал верёвку через сук и вытягивал тушу вверх, она вынула из ножен на бедре охотничий нож и проверила остроту лезвия. Потом подозвала Сейтеннина.

– Сет, первым делом нужно выпустить из туши кровь. Я покажу тебе, где резать. Только не перестарайся. Не усложняй таксидермисту работу.

Она кивнула голубоглазому, закончившему привязывать верёвку, на которой вниз головой висела косуля.

– Спасибо, Арри. Сходи за Мэрром и Тэйри, приведи их вместе с лошадьми. Пожалуйста.

Подошла к туше, ощупала шею.

– Вот здесь, видишь? Короткий, но глубокий разрез. Давай.

Сейтеннин встал рядом с косулей, примерился. Пару раз прерывисто вздохнул. В воздухе расплылось облако морозного пара. Потом решительно ткнул ножом в шею.

Дымящаяся струя тёмной крови хлынула из раны, пробила в снегу глубокие лунки. Сет заметно побледнел, румянец на щеках стал казаться ярким, словно нарисованным на лице фарфоровой куклы.

– Молодец, – похвалила его Эйслинн. – Первый раз потрошишь дичь?

Он сглотнул, кадык на шее дёрнулся.

– Угу.

– Это вопрос привычки. И практики. Полезный опыт. Если ты только стреляешь и не знаешь, что делать с добычей дальше – это не охота. Так, баловство.

Струя крови, парившей на морозце, быстро иссякала. Эйслинн подняла руки, подтянула кожаный ремешок, которым были перевязаны на затылке её волосы. Потом похлопала себя по бокам стёганого жилета, надетого поверх толстого свитера.

– Ну вот. А сейчас мы вспорем ей брюхо и избавимся от кишок. Надеюсь, что ни ты, ни я нигде их не продырявили.

Она тронула тушу. Кровь из раны на шее уже не лилась, а капала.

– Вставай сюда. Нет, сейчас просто смотри. Я разрежу, а потом покажу, как убрать внутренности. Готов?

Эйси вспорола брюшину. На них дохнуло теплом и запахом свежей крови.

– Ага, ну вроде бы все кишки целы. Гляди сюда, Сет. Видишь, вот тут, рядом с печенью? Это желчный пузырь, от него надо избавиться в первую очередь. Если этот поганец лопнет, то испортит нам всё мясо.

Она ловко вырезала желтоватый кусок плоти вместе с прилегающей частью печени и отшвырнула его в сторону. Покосилась на спутника.

– Вообще-то древняя традиция учит, что охотник должен съесть кусок сырой печени своей первой добычи. Ну, чтобы удача его никогда не покидала.

Эйси сделала паузу, чтобы полюбоваться на его вытянувшуюся физиономию, а затем добавила:

– Но мы этого, конечно, делать не будем. Мы же не дикари какие-нибудь...

– Великая Богиня, какой ужас! Фу! – долетел до них выкрик.

Они оглянулись. У входа в заснеженную анфиладу появились лошади и остальные участники охоты. Тэйриэнна зажимала рот и нос рукавицей и старательно отворачивалась.

– Привет, Тэйри! – Эйслинн помахала ей окровавленным ножом. – Не подходи ближе, мы сейчас закончим. Видела волков?

Та в ответ только промычала что-то нечленораздельное. Сет хихикнул. Она снова повернулась к распоротому брюху косули.

– Ладно, давай продолжим. Засучивай рукава, будем выгребать всё это наружу. Только осторожно.

За несколько минут внутренности добычи перекечевали на снег. Потом Эйслинн тщательно осмотрела освободившуюся брюшную полость.

«Вроде бы, всё хорошо. Сет, как я и думала, всадил болт наискось через бедро в позвоночник. Вот, наконечник застрял в раздробленных костях. А моя стрела пробила лёгкое и сердце. Чистый выстрел. Кто молодец и лучший охотник? Я, конечно. Но эту добычу пусть забирают Трайгтреттоны. Гости превыше всего, да».

Она набрала пригоршню снега, обтёрла края раны и шкуру косули от крови. Кивнула Сету:

– Всё. Отвязывай её, пора возвращаться. Твой болт и мою стрелу вырежет кухарка, когда будет разделять тушу.

Эйси зачерпнула ещё снега, протёрла быстро розовеющей кашицей руки. Пальцы покалывало от холода. Да не только пальцы – нос и уши мороз щипал тоже. Солнце опускалось за лес, между деревьями залегли быстро густеющие тени.

Она надела пальто, с наслаждением спрятала руки в тёплый мех рукавиц. Сейтеннин тем временем с помощью Киаррана привязывал косулю позади своего седла. Лошади недовольно фыркали и косились в сторону пахнущей кровью туши.

Она поднялась в седло, подъехала к Тэйриэнне, кивнула в сторону кучки внутренностей, темневшей посреди красного пятна на снегу.

– Вот теперь без волков точно не обойдётся. Этот запах они за мили учуют.

Тэйри покосилась украдкой и тут же снова отвернулась. Эйси продолжала разглагольствовать:

– Им этот запах куда интереснее твоего. Ты чем обычно пахнешь? Хорошим мылом и духами. Ни один нормальный волк на такое не клонет. Разве что...

Она покосилась на волчью шапку Киаррана.

– Разве что это будет не совсем обычный волк.

Тэйриэнна сверкнула белозубой улыбкой, Эйси подмигнула подруге в ответ. Потом оглянулась:

– Ну, вы закончили? Ехать пора, стемнеет скоро.

Охотники усаживались в сёдла. Сейтеннин пытался напустить на себя важный вид, но рот у него постоянно так и расплывался в мальчишеской счастливой гримасе. Киарран промолчал, как обычно, только блеснул голубыми глазами из-под пушистого меха шапки и улыбнулся. Улыбка предназначалась явно не Эйси. Она кивнула и ещё раз осмотрела полянку.

– Поехали домой. Веди нас, Мэрр.

Глеаннхаль, поместье семьи Гасваллаун, укрывалось посреди огромного сада. К парадному крыльцу от двух древних каменных столбов, обозначающих ворота имения, вела широкая аллея, обсаженная рядами старых лип. Сейчас и они, и фруктовые деревья за ними были покрыты снегом, отчего казалось, будто дом и хозяйственные постройки окружает настоящий зачарованный лес.

Мэрруон свернул на боковую дорожку, не доехав до главного входа шагов пятьдесят, и повёл кавалькаду охотников на задний двор, к конюшне. Дворовые собаки, учуяв свежую кровь, приветствовали их громким лаем.

Ворота конюшни распахнулись, вокруг них закружилось облако морозного пара от тёплого воздуха, вырвавшегося наружу. На посиневшие в сумерках сугробы упали полосы жёлтого света.

Вышедший на улицу конюх был невысок, не больше половины обычного роста эльфа, однако широк в плечах. Из-за этого его фигура на коротких ногах казалась почти квадратной. На нём были войлочные сапоги, стёганные штаны и подбитый овчиной жилет поверх синей суконной рубахи. На широкой, немного приплюснутой голове красовался вязаный колпак неопределённого цвета, из-под которого торчали пряди седых волос. Нос у конюха был длинный и крючковатый, раздувающийся на конце во внушительную шишку лилового цвета.

Старый гоблин приветливо помахал рукой прибывшим:

– Госпожа Эйси! Господин Мэрруон! Молодые господа! Рад вас видеть!

Эйслинн остановила лошадь и спрыгнула с седла.

– Привет, Рори! Я не видела тебя утром, когда мы уезжали.

– Ах, госпожа Эйси! Утро и день – время для молодёжи. Черёд стариков приходит в сумерках, вместе с бессонницей.

Он принял у неё поводья и ласково похлопал лошадь по шее. Посмотрел на остальных, уважительно кивнул при виде косули, которую Сейтеннин с помощью Киаррана отвязывал от своего седла.

– Хорошая добыча, господин. Поздравляю.

Сет оглянулся, поморщился и бросил отрывисто:

– Не нуждаюсь в оценках гоблина. Займись лучше лошадьми вместо того, чтобы трепать языком.

Широкая улыбка исчезла с лица конюха, он еле заметно качнул головой и повёл коня Эйси внутрь. Сама Эйслинн наградила Сета выразительным взглядом, отобрала у брата поводья его лошади и распорядилась:

– Мэрр, покажи Сету, где кухня. Пусть тащит туда свою драгоценную добычу.

Она отвела гнедую кобылу внутрь. Следом за ней эльф в волчьей шапке, Киарран Гиндиллир, вёл своего коня и лошадь Тэйриэнны.

Конюх-гоблин уже поставил коня Эйси в стойло и спешил им навстречу, чтобы забрать с улицы последнюю лошадь. Она остановила его, легонько похлопала по плечу:

– Извини, Рори.

Гоблин улыбнулся немного печально.

– Ничего страшного, госпожа. Я никогда не был особо популярен.

– Вот уж нет. Хотя он и гость, правил приличия ещё никто не отменял. Пусть распоряжается у себя дома. Я поговорю с ним.

– Спасибо, госпожа Эйси, но не стоит. Я понимаю – молодость, горячая кровь, первая добыча. Не время любезничать со слугами. В его годы я сам слабо годился в образцы для подражания.

– Всё равно. Здесь наш дом. И наши правила. Давай я помогу тебе расседлать лошадей?

Гоблин замахал на неё руками.

– Что вы, что вы, госпожа! Ни в коем случае! Не хватало ещё, чтобы ваш отец подумал, будто я не справляюсь с работой. Что, если он решит выставить меня за дверь?

Она покачала головой:

– Этого никогда не случиться, Рори, ты же знаешь.

Вмешался Киарран.

– Иди, Эйси, а я помогу... господину?

– Рораху, – конюх поклонился. – Рорах Бодарзун, к вашим услугам. Не господин, просто Рорах.

Эльф поклонился в ответ.

– И, тем не менее, почтенный Рорах, я настаиваю на своей помощи. В конце концов, я не молодая привлекательная девушка, мне не нужно столько времени, чтобы подготовиться к ужину. Лучше уж я скоротаю время за полезным занятием. Иди, Эйси. Тэйриэнна ждёт тебя снаружи.

Она улыбнулась обоим и выскользнула из конюшни. Там Тэйри поймала её под руку и шепнула на ухо, дохнув теплом:

– Не сердись на Сета, Эйси. Вся эта охота... он просто перевозбудился. Важничает.

– Вот и пусть важничает дома.

– Извини за него. Он скоро повзрослеет.

Эйслинн вздохнула.

– Надеюсь. Ладно, пойдём в дом.

Они направились к боковой двери. Солнце село и ощутимо похолодало, снег поскрипывал под сапогами. Наконец девушки взбежали по ступенькам, распахнули дверь и оказались в уютном тепле. Эйси потопала ногами, сбивая с них снег, потом схватила Тэйриэнну за руку и потянула за собой. Они влетели в гостиную, к подножию лестницы, ведущей на второй этаж.

– Мама, мы дома!

Сидевшая в глубоком кресле эльфийка подняла голову и отложила в сторону книгу. На первый взгляд сложно было представить, что это мать двоих детей – настолько молодо она выглядела. Кожа на лице казалась безупречно гладкой, без намёка на возраст. Густые русые волосы были заплетены в две блестящие косы и уложены в высокую причёску. Одетая она была в юбку цвета малахита, замшевые домашние туфли, блузу из бледно-голубого шёлка и вышитый жилет, отороченный беличьим мехом. Крупные жемчужины в серебряных серьгах и в ожерелье мерцали искорками, отражая пламя свечей.

– Ну, наконец-то! Мы уже беспокоились, что вы не успеете к ужину. Как всё прошло?

– Просто замечательно! Я выследила косулю, потом Сет её подстрелил, а я не дала ей сбежать! – говоря это, Эйси сбросила меховое пальто на руки подошедшей горничной. Тэйриэнна тем временем возилась с застёжками своей шубки. Горничная перебрала пальто через руку и присела перед молодой эльфийкой, чтобы помочь.

Мать улыбнулась и сложила перед собой изящные длинные пальцы.

– Прекрасно! Значит, моя девочка снова оказалась лучшей. Надеюсь, ты развлекала не только мужчин? Тэйри, тебе не было скучно?

Тэйриэнна наконец избавилась от шубы и передала её горничной.

– Что вы, госпожа Иделисса, вовсе нет! Это была прекрасная прогулка. Хотя в самом конце ваша дочь едва не бросила меня одну на съедение волкам.

Она сморщила притворную гримасу обиды.

– Всё было не так! – запротестовала Эйси: – Совершенно не так! Не слушай её, мама. Тэйри сама напросилась остаться с лошадьми, лишь бы не идти охотиться. Думаю, она просто струсил.

– А вот и не угадала! – Тэйриэнна развела руки и закружилась на месте, приподнявшись на цыпочки. Плотная шерстяная юбка взлетела колоколом. – Мне не хотелось лазить по сугробам и черпать сапогами снег. Да и зачем? Я же знала, что вы справитесь.

– Bravo, Тэйри. – послышался мужской голос. Отец Эйслинн, Килледон Гасваллаун, появился в дверях и прислонился к косяку, скрестив на груди руки. – Вижу, ты хорошо усвоила науку администрирования. Зачем делать что-то самой, если всю работу можно поручить другим?

Глава семейства Гасваллаун был заметно старше жены. Высокий и широкоплечий, он уже вступил в ту пору зрелости, когда на протяжении доброго столетия угадать его точный возраст становилось непростой задачей. Только седые пряди в волосах, собранных на затылке в небрежный хвост, подчёркивали если не груз прожитых лет, то уж точно – выпавшие в прошлом на его долю испытания. Что ещё бросалось в глаза при виде отца и дочери – это обилие сходных черт. Младший Гасваллаун, Мэрруон, гораздо больше унаследовал от матери.

Довольная похвалой Тэйриэнна показала Эйси язык и присела в шутовском реверансе. Килледон тем временем продолжил:

– Единственное, чего я не понял из вашего рассказа – что в итоге случилось с косулей?

– Ох, папа, ну что же с ней могло случиться! Мы её выпотрошили и привезли сюда. Мэрр и Сет уже уволокли тушу на кухню.

Иделисса Гасваллаун покачала головой.

– Богиня, представляю, что там сейчас творится. Грязная мёртвая косуля в царстве чистоты и высокой кулинарии. Меллина, вероятно, рвёт и мечет. Пожалуй, мне стоит сходить и всё проверить.

– Госпожа Иделисса, пожалуйста, уговорите её приготовить хоть что-нибудь из этой косули, – Тэйриэнна сложила руки в умоляющий жест. – Если Сет не сможет сегодня вонзить зубы в свою добычу, завтра он превратится в невыносимого зануду, и мне придётся всю дорогу слушать его нытьё.

Эйслинн хмыкнула.

– Я пыталась удовлетворить его внутреннего зверя куском сырой печени прямо на месте, но... Ох, Тэйри, прошу тебя! Это всего лишь шутка, не надо так бледнеть.

Иделисса поднялась с кресла. Она почти не отличалась от девушек стройностью фигуры. Успокоила Тэйриэнну:

– Не переживай, мы что-нибудь обязательно придумаем. До ужина ещё целый час. А теперь отправляйтесь наверх и приведите себя в порядок. У Линетты уже, наверное, готовы ванны для вас. Кыш!

Иделисса махнула на подруг рукой и направилась в сторону кухни.

Девушки взбежали по лестнице. С галереи над северной частью гостиной они попали в длинный коридор, который шёл вдоль всего второго этажа дома, рассекая его подобно позвоночнику. Газовые светильники кругами голубоватого света озаряли стены, облицованные тёмными деревянными панелями. Грани бронзовых держателей ламп поблёскивали бликами. Из задней части дома, с его хозяйственной половины, доносилось негромкое мерное

дыхание паровой машины, приводившей в действие всю механическую начинку – водяные насосы, систему центрального отопления. Всё, вплоть до вертелов, вращавшихся над жаровней на кухне.

Комнаты подруг были рядом, примерно посередине коридора. Разбежавшись, Эйси едва не столкнулась с горничной, выходящей из двери.

– Ой, прости, Линетта!

Служанка легонько присела с поклоном:

– Ваша ванна готова, госпожа Эйси. С ароматом сирени, как вы любите. Простите, но я не знала, какой запах нравится вашей гостье.

Эйслинн повернулась к Тэйриэнне и слегка наклонила голову набок, уперев кулаки в бока.

– Ну, госпожа Трайгтреттон, чем бы вы хотели пахнуть сегодня вечером?

Тэйри закусила уголок губы и возвела задумчивый взгляд к потолку:

– О, я даже не знаю. Столько соблазнов сразу. Что насчёт... персика?

– Не вижу для него никаких препятствий. Сейчас не сезон, так что никто не спутает тебя с тарелкой фруктов.

– Тогда прекрасно. Я и персик – мы будем вне конкуренции.

Горничная улыбнулась и снова слегка присела.

– Ваша ванна будет готова через минуту, госпожа.

Они с Тэйри прошли в её комнату. Эйслинн вошла в свою. Сквозь приоткрытую дверь из ванной комнаты просачивались завитки пара и аромат парфюмерии.

Она поспешно стянула с себя одежду, свалила её на кресло с высокой спинкой. С наслаждением избавилась от толстых шерстяных носков, правый был совсем мокрым – она всё-таки умудрилась зачерпнуть снег, пока лазила по сугробам. Ванная комната встретила её блаженным влажным теплом, пар приглушал свет ламп, словно туман. Над краями блестящей бронзовой ванны поднималась шапка пены, благоухавшая сиренью.

Она перекинула ногу через край, погрузила её в мягкую воздушную подушку. Вода была в меру горячей – то, что нужно. Эйси забралась внутрь, медленно опустилась. По коже пробежало волнующее покалывание. Она устроилась удобно, развязала и отбросила кожаную ленточку, стягивающую волосы на затылке. Подняла и свесила за край ванны влажные пряди.

Вода ласкала тело, расслабляла и успокаивала мышцы. Аромат сирени заполнил нос, лёгкие, насытил мир покоем и умиротворением. Она коснулась кончиками пальцев тёплого металла бронзовой чаши, провела по краю, узнавая знакомые щербинки и радуясь им, как старым приятелям. Потом вытянула руку и отстучала по керамической плитке стены выверенную последовательность ударов. Несколько секунд спустя с той стороны донёсся глухой ответный стук. Тэйриэнна тоже успела забраться в свою ванну.

Эйси улыбнулась.

«Персик».

Глава 2. Смыслы

«Есть распространённое заблуждение, что война начинается с первых выстрелов. На самом деле всё начинается с мыслей. Идей. Чувства неудовлетворённости».

Из интервью Мэрруона Гасваллауна.

Митинг проходил в театре университета. Стулья, что обычно заполняли партер, сдвинули к стенам, зрительный зал перед оркестровой ямой заняла толпа. Через перила галёрки свешивались многочисленные головы.

Опущенный занавес украшали плакаты, приколотые к тяжёлому бархату. Была парочка типографских образцов с традиционными призывами к «возрождению» достоинства Империи – явно из коллекции какой-то политической партии. На плакатах, нарисованных от руки, карикатурные капиталисты всех рас пожирали плоды труда рабочих-эльфов. Большинство авторов принадлежали к двум художественным школам. Одни были уверены, что единственные цвета, подходящие для агитации – это красный и чёрный. Второй стан живописцев исповедовал принцип, что каждая буква в слове должна иметь собственный цвет.

Короче говоря, на занавесе царил смысловая и цветовая какофония. Некий общий знаменатель сборищу пытался придать транспарант, венчавший всё это многообразие. На нём значилось глубокомысленное: «Будущее эльфов – забота каждого патриота».

Выступления проходили по схожему сценарию. Большинство ораторов вешали о чём-то своём. Дело доходило до того, что вступительную часть своей речи некоторые из них посвящали тому, чтобы опровергнуть тезисы предыдущего, высмеять их или поиздеваться. Аудитория жизнерадостно поддерживала шпильки и остроты дружным хохотом и выкриками – зачастую неприличными. Один из уже выступивших ораторов, обиженный таким способом ведения дискуссии, попытался прорваться на сцену и доказать свою правоту кулаками, но его быстро скрутили и выставили вон. Из-за двери удалось расслышать только обрывки выкриков про «дуэль» и «бой до крови».

Всё это сборище было организовано студенческим кружком «Молодёжь за будущее». Сейтеннин Трайгтреттон, будучи его членом, притащил на митинг свою сестру и Эйси и, надуваясь от важности, словно индюк, комментировал происходящее. Девушки, утомлённые шумом и утратившие спустя полчаса после начала какую-либо смысловую последовательность в речах выступающих, откровенно скучали.

Вдруг после того, как объявили очередного оратора, по залу пробежал общий взволнованный гул. Сет тоже засиял и усердно заплодировал.

Сестра посмотрела на него подозрительно:

– Ты чего это так возбудился?

– Тэйри, это же он!

– Брат, ты ставишь меня в двусмысленное положение. Что значит – «он»?

Сейтеннин налил краской и бросил раздражённо:

– Какая всё-таки ты... Это же Бриттгерн!

– Так-так, дружок, мы ещё обсудим с тобой, какая я всё-таки такая. Позже. А про этого твоего Бриттгерна я что, должна была непременно слышать? Он известная личность? Писатель? Актёр?

– Богиня, Тэйри, ну ты даёшь! Руддрайг Бриттгерн, лидер «Движения достоинства». Как можно о нём не знать?

– Знаешь, Сет, я почему-то уверена, что о моём существовании он тоже не догадывается. Так что мы квиты. А его движение – оно что, входит в правящую коалицию?

– Пока нет.

– Может, у них есть свой министр? Или у нас с ними общие знакомые?

– А ты не пробовала расширить свой скудный кругозор за пределы полезных знакомств, Тэйри? Он говорит умные, правильные вещи.

– Мама с папой за ужином тоже иногда говорят умные и правильные вещи. Одна из них – что тебе, Сет, лучше сосредоточиться на учёбе, чем таскаться по всяким бесполезным митингам.

– Ребята, – вмешалась в спор Эйслинн. – давайте вы будете грызться между собой дома, хорошо? Послушаем лучше, что скажет этот ваш Бриттгерн. Похоже, он единственный взрослый тут. И как, интересно, его сюда занесло?

Поднявшийся тем временем на трибуну оратор и вправду был примерно втрое старше любого из присутствующих на митинге. Высокий, худощавый, без каких-либо выраженных черт во внешности. Он приветливо помахал залу рукой.

– Дорогие друзья! Рад, что вы пригласили меня и не забыли дать слово. Я, например, в вашем возрасте считал, что старшие вряд ли смогут научить меня чему-то полезному. Что молодёжи свойственна большая широта взглядов и смелость в поиске путей решения проблем, стоящих перед обществом. Поэтому отрадно видеть, что вам показались интересными и мои идеи тоже.

Бриттгерн поклонился залу, тот отозвался новой порцией аплодисментов.

– Отрадно также, что не вся наша молодёжь замкнулась в собственном мире, где есть забота лишь о сиюминутных удовольствиях и личных успехах. Что не все смотрят на мир через узкую призму потребления. По прозвучавшим уже выступлениям я вижу, что здесь собрались те, чьи взгляды шире, кого интересуют судьбы всего народа, будущее нашей прекрасной родины. Те, чей взгляд не затуманила пелена привычки. Ведь очень часто мы воспринимаем нашу страну, наш дом, как данность. Она существует непрерывно на протяжении тысячелетий и иногда так легко думать, что её устои, традиции, само бытие империи эльфов является чем-то само собой разумеющимся. Но это не так. Наш дом не возник сам по себе, он не был подарком, свалившимся на головы наших предков откуда-то сверху. Точно так же и важнейшие принципы устройства жизни в Империи не упали с неба подобно дождю или снегу. Свобода и счастье, благоустроенная, щедрая земля – всё было создано и завоёвано нашими пращурами. Всё, что мы имеем сейчас, произрастает из воли и усилий предыдущих поколений. Точно так же, как в нас самих содержится будущее – наше личное и всего народа эльфов. Только через наши усилия, а если потребуются – то через самоотречение и самопожертвование – возможно наступление нового мира, нового порядка. Общий подъём народа складывается из отдельных усилий его членов. Ваших усилий. Моих усилий. Усилий каждого. Из воли большинства.

Уверен, что вы понимаете – нынешний порядок вещей ущербен, противоестественен и поэтому абсолютно неприемлем для всех, в ком живо чувство здравого смысла, природной гармонии и естественной, врождённой гордости, присущей эльфам. Я знаю, что все вы, заглядывая внутрь себя, видите огромный потенциал, ту энергию и жажду свершений, которая способна изменить мир. Так что же нужно сделать, чтобы привести нашу жизнь к тому виду, о котором все мы мечтаем?

Чтобы наши объединённые усилия не пропали впустую, мы должны, во-первых, чётко определить свои цели. Во-вторых, мы должны понять и отринуть все те искусственные, навязанные нам нормы и ограничения, что мешают взлёту эльфов к процветанию, счастью и благоденствию. Наша общая задача – сбросить оковы, опутавшие наши руки и ноги, избавиться от паразитических наростов, которые подобны наслоениям ракушек на корпусе корабля. Посмотрите внимательно вокруг себя – и вы обнаружите их. Я говорю не только о несправедливых международных договорах. Я говорю также о наших собственных, изживших себя правилах. Я говорю о силах, оскверняющих государство изнутри. Приглядитесь – и вы ясно уви-

дите тех, кто не связан с судьбой этой страны, этого народа. Тех, кто не имеет корней. Тех, кто не строил Империю, не созидал её богатств, не определял принципов нашей цивилизации. Тех, кто пришёл и присвоил достижения эльфов. Это паразиты, это существа без корней, без родины. Сегодня они воспользовались удобным стечением обстоятельств и процветают здесь. Завтра – отправятся в Эрдин. Послезавтра – переберутся через океан и продолжат там высасывать соки из тела той страны, в которой окажутся, где уже успели свить уютные гнёзда их соплеменники.

– Проклятые гоблины! – выкрикнул чей-то молодой голос неподалёку от Эйслинн и её друзей. Аудитория поддержала его недовольным гулом. Бриттгерн продолжал:

– Сущность этой части общества подобна раку. словно болезнь, она поражает здоровый организм нации, питается её жизненными силами, ничего не давая взамен. Присваивает и порабощает. Это как саранча, перелетающая с одного цветущего поля на другое. Пожирает, обогащается и ищет новую жертву. Если мы хотим изменить судьбу нашей прекрасной Родины, то нашей первой заботой должно стать стремление избавить её от болезни, освободить могучие внутренние силы от навязанных ложью оков. В этом я вижу свою цель – показать, что процветание сообщества эльфов возможно лишь через осознание имеющихся болезней и решительное исцеление от них. Только очистившись, мы – и вы в первую очередь – сможем полностью применить все свои способности, реализовать все наши планы. Исполнить наши мечты.

Бриттгерн прижал к сердцу сжатый кулак и поклонился залу. Тот в ответ взорвался аплодисментами. Сейтеннин колотил в ладоши так, что за них становилось страшно.

Тэйриэнна зажала руками уши и со страдальческой гримасой покосилась на Эйслинн. Та сочувственно кивнула и наклонилась к подруге.

– Не хочу травмировать самолюбие твоего братца, но, по-моему, мы впустую угробили вечер.

– Ага. Давай, чтобы не было так больно за бесцельно потраченное время, закончим его по-взрослому. По бокалу вина?

– Лучше по два. Идём?

– Да, сейчас. Только скажу этому олуху, чтобы шёл домой.

Тэйри потянулась к Сету, подёргала его за рукав. Тот оглянулся с непонимающим выражением.

– Сет! СЕТ! – Тэйриэнне пришлось напрячь связки, чтобы перекричать толпу. – Мы с Эйси уходим. Тебе бы тоже лучше идти домой.

Сейтеннин кивнул и снова повернулся к сцене. Тэйри опять потянула его за одежду. На этот раз раздражённо.

– Сет, ты слышал, что я сказала? Иди домой, твоё домашнее задание само себя не сделает.

Тот отмахнулся не глядя. Тэйриэнна поджала губы и собралась было ткнуть его в бок, но Эйси перехватила её руку.

– Пойдём. Пусть развлекается, раз уж это так для него важно.

Тэйри вздохнула сокрушённо, затем пожала плечами и вслед за подругой стала протискиваться к выходу.

У входа в университет Руддрайг Бриттгерн выслушал свою порцию благодарностей от организаторов митинга, дружелюбно покивал в ответ на околесицу, которую они несли. Затем обменялся со всеми крепкими рукопожатиями, повернулся, спрятал руки в карманы пальто и направился в сторону станции трамвая.

– Господин Бриттгерн!

Он оглянулся.

– Да?

Молодой эльф с намотанным впопыхах на шею шарфом смотрел на него взглядом восторженным и немного испуганным. Словно поклонник, добивающийся внимания звезды театра.

– Вы что-то хотели, юноша?

– Да. Господин Бриттгерн... видите ли... то, что вы сегодня сказали. Не знаю, как объяснить, но мне кажется... что вы... что вы нашли слова, которые...

– Которые вы хотели сказать сами?

– Да! Да, господин Бриттгерн! Понимаете, я... я много думаю. И мне всё время кажется, что есть нечто, что я не могу объяснить. Я это чувствую, но не могу выразить. А тут вдруг приходите вы – и говорите! Говорите всё то, о чём я думал, о чём хотел сказать. О важном.

Руддрайг улыбнулся.

– Рад слышать, юноша. Рад слышать. Как вас зовут?

– Сет... Сейтеннин Трайтгреттон, господин.

– Не нужно называть меня господином, Сет. Если так получилось, что мы думаем об одном и том же, это даёт нам право говорить по-дружески. Не хочешь немного прогуляться? Даже в свете фонарей было заметно, как его собеседник зарделся от удовольствия.

– Если я вам не помешаю...

– Ну что ты, напротив. Для меня будет радостью пообщаться с тобой. Это намного лучше, чем обращаться ко многим и не слышать того, что они хотят сказать в ответ. Прошу.

Некоторое время они шли рядом молча. Затем он спросил юношу:

– Почему ты пришёл на митинг, Сет?

– Я? Ну, понимаете, мне просто кажется – то, как мы живём сейчас... всё это неправильно. Так не должно быть. Не с нами. Не с нашей расой. Не с теми, кто владел этим миром прежде. Что всё это как-то...

– Недостойно?

– Да! Вот именно! Понимаете, я смотрю вокруг себя и чувствую, что мир устроен... ну, несправедливо, что ли. Не так, как следует.

– Сет, возможно, я тебя разочарую, но мир вообще очень мало связан с таким понятием, как «справедливость». Поверь, это не цинизм, не следствие разочарования в порядке вещей из-за моего возраста. Это простая констатация. Природа равнодушна к нашим представлениям о том, какой бы нам хотелось её видеть. Она такова, в каком положении находятся в настоящий момент её составные части. Вещи правильные и неправильные дополняют и уравнивают друг друга. Только и всего.

– Даже если часть из них уродливы? Если противоречат природе? Здравому смыслу?

– Увы. Знаешь, в чём причина успеха зла? В его способности к мимикрии. Оно вторгается в ткань мироздания, но ему хватает изворотливости сказать: «Нет, я не то, что вы думаете. Я не зло. Я – часть естественного порядка вещей. Я – противовес. Я – тень, я родная сестра света. Чем был бы он без меня?». А дальше происходит ещё одна и самая страшная вещь.

– Какая?

– Привыкание, Сет, привыкание. Мы смотрим на зло и говорим себе: «Ну как же? Это всегда здесь было. Я помню этот порядок вещей с момента своего рождения, более того – мои родители, мои более древние предки утверждают, что мир был таким всегда». Кто мы такие, чтобы оспаривать вечность? А, Сет? Что скажешь?

– Господин Бриттгерн... простите, но я не знаю, как к вам обращаться иначе. Но что мы можем поделать? То, что вы сейчас говорите – это всё понятно. Вы не поверите, но мысли об этом жгут моё сердце каждый день.

– Почему же не поверю? Примерно ту же боль ощущаю и я. Немного дольше, чем ты, но не в этом дело.

– Тогда что нам делать? И самое главное – можем ли мы сделать хоть что-то?

- Это хороший вопрос, Сет. Скажи мне, будь добр, кто определяет, что ты делаешь? Сейтеннин замешкался.
- Что вы имеете в виду?
- Это очень простой вопрос на самом деле, Сет. Подумай, от кого зависит, как ты поступаешь в жизни? Не в плане мироздания, а в обычных, повседневных вещах? Юноша задумался. Руддрайг его подбодрил.
- Тут нет ничего сложного. Просто вспомни свой обычный день. Кто будит тебя по утрам?
- Будильник.
- Для чего?
- Чтобы привести себя в порядок и позавтракать.
- Кто определил этот распорядок?
- Ну, так у нас в доме заведено.
- Твоими родителями?
- Да.
- Кто они?
- Государственные чиновники.
- Ага. Администрирование. Ничего плохого на самом деле, просто разумный распорядок дня. Хорошо, что потом?
- Ничего особенного. Потом я иду в университет.
- Похвально. Нет, я на самом деле считаю, что это хорошо. Учёба. Понимание того, что лежит в фундаменте. Знание о предках, их наследие, мудрость. Известно ли тебе, что я долгое время преподавал? Историю, да. Поэтому для меня всегда в радость говорить с теми, кто вкусил образования. Кто опирается на нечто большее, чем простые потребности. Прости за нескромный вопрос – ты единственный ребёнок в семье?
- Нет. Есть ещё сестра.
- Младшая?
- Нет, она старше на два года.
- Вот как? Хорошо.
- Я бы не сказал.
- Почему?
- Сет замялся и молчал какое-то время, пока они шагали по тротуару.
- Понимаете, я иногда чувствую, что моя сестра важнее, чем я.
- Почему ты так решил?
- Мои родители... Знаю, что это прозвучит глупо, но иногда мне кажется, что их гораздо больше интересует Тэйри. Так её зовут – Тэйриэнна. Она первенец, с ней... как бы это сказать... Все надежды родителей, что ли. Она учится на кафедре администрирования и поэтому... ну, она – продолжательница семейных традиций. Династии. Только и слышишь за ужином: «Как твои дела, Тэйри? Что сказал профессор такой-то?». Понимаете, она совсем недавно стала совершеннолетней, а с ней уже давным-давно разговаривают на равных.
- Сет пинком отправил слипшийся комок снега из-под ног на мостовую.
- Иногда мне кажется, будто родители не замечают до сих пор, что я тоже вырос.
- В голосе Бриттгерна прозвучало участие:
- Сет, возможно, ты излишне к ним строг. Кто знает, как они на самом деле к тебе относятся. В конце концов, никто не мешает продемонстрировать свою зрелость. Только умоляю, не стоит ради этого впадать в юношеское буйство. Ну, знаешь – в приключения и попойки с друзьями. На мой взгляд, это худший способ, который убедит их скорее в обратном. Если хочешь доказать им, что достоин уважения и внимания – совершай что-то значимое.
- Что?

– Поступки. Поступки, Сет. То, за чем стоит не каприз, а осознанный выбор. Убеждения. Твёрдая платформа. То, что позволяет выйти за рамки, которыми кто-то ограничивает и направляет тебя сейчас.

– И что, например?

– Нечто значительное. Не знаешь, что именно?

Они остановились на углу квартала, под газовым фонарём, выхватывающем в освещённом круге на тротуаре серое месиво из снега, пропитанного водой. Правее, чуть поодаль от них, виднелся навес над остановкой парового трамвая, под которым угадывались редкие в это время фигуры горожан. Бриттгерн повернулся лицом к Сейтеннину, поднял руку и положил юноше на плечо.

– Сет, позволь мне быть откровенным. Мне нравится твой ход мыслей, твой энтузиазм. Будет очень печально, если такой порыв угаснет, завязнет в рутине. Поверь, я видел такое не раз. И это очень грустное зрелище. Смирение. Капитуляция перед лицом несправедливости. Давай, я предложу альтернативу. Приходи вот по этому адресу.

Он порылся в кармане, протянул молодому эльфу картонный прямоугольник.

– Что это?

– Это, мой друг, путь к осуществлению нашей мечты. Там я хочу собрать таких, как ты – неравнодушных, молодых и энергичных. Тех, кто станут самой надёжной и активной частью моего «Движения достоинства». Нашим «Союзом действия». Теми, кто не побоится вступить в борьбу за нашу мечту. За наше будущее.

Глава 3. Посильное бремя

«Основание для перемен есть всегда. Потребность в них может зреть годами.

Для их начала обычно не хватает сущего пустяка. Кого-то, кто скажет:

«Я знаю, что делать».

Таредд Сеанимар. «Сто лет на службе Империи. Мемуары».

Анлуадд Маннавид предчувствовал потерянный вечер. Не сказать, чтобы это сильно нарушило его планы, но будучи эльфом деловым, он старался избегать бессмысленных поступков. Особенно, если они вели к потере такого невозполнимого ресурса, как время.

Он вздохнул и постарался утешиться мыслью: «Надеюсь, это ненадолго». В конце концов, Теддельмид Глеввин обещал, что встреча не затянется дольше, чем на час. Оставалось надеяться, что с возрастом Тед утратил страсть к дурацким розыгрышам, которыми славился в молодости. А ведь было время...

Он отодвинул шторку на окне и выглянул наружу. Паровой экипаж катил по улицам района столицы, куда промышленному магнату уровня Маннавида не было никакого резона соваться. До войны эти кварталы были заселены преимущественно так называемым «средним классом» – государственными служащими, мелкими предпринимателями и специалистами всех мастей. Врачами, архитекторами, адвокатами и инженерами. Послевоенная нужда значительно сократило число эльфов, входящих в эту группу населения, и поэтому в район, некогда славившийся своей порядочностью и добрыми традициями, потянулись разнообразные сомнительные персонажи. Художники, писатели, музыканты и, что самое ужасное, актёры. Вся эта довольно праздная публика притащила с собой свой не менее праздный и неопределённый образ жизни. Включая вычурные наряды, шумные пирушки с показным буйством и весельем, сопровождаемые потоками дешёвого алкоголя и многочисленными скандалами и слухами, о которых впоследствии писали все газеты.

Он заметил идущую по тротуару эльфийку. Она была одета в наряд, смешивающий всё, что только можно. И нельзя – тоже. На ней был кожаный жакет для верховой езды, коричневый, с синими суконными рукавами. Снизу декоративная юбка, длинный разрез в её передней части открывал стройные ноги женщины в облегающих брюках. Невысокие сапожки на каблуках поблёскивали многочисленными пряжками и застёжками. На голове эльфийки была шляпка, из-под которой в тщательно продуманном беспорядке торчали локоны, окрашенные на концах в оттенки красного. При ходьбе она изящно опиралась на трость, мужскую по виду. Форма рукояти трости намекала на то, что внутри вполне может быть спрятана рапира.

Зрелище было совершенно в духе этого района – буйное, безвкусное, возмутительное с точки зрения хорошего тона, и, вместе с тем, волнующее и привлекательное.

Эльфийка внезапно обернулась, словно почувствовала взгляд, заметила отодвинутую шторку за окном экипажа и послала в его сторону воздушный поцелуй. Анлуадд немедленно, словно пойманный на месте преступления мальчишка, отпустил занавеску и откинулся на спинку сидения.

«Актриса», – подумал он.

«Или того хуже – циркачка». Последнее даже более вероятно, если учесть, с какой грацией она двигалась. Где-то на периферии сознания мелькнула мысль, что гибкость и грация открывают интересные перспективы в определённой сфере взаимодействия между мужчиной и женщиной, но он поспешил отогнать от себя эту опасную идею. Всё-таки для промышленного магната его уровня появляться в этом районе было слишком рискованно. Очень скоро

поползут слухи, которые напечатают в местных жалких газетёнках, затем эти сплетни докажутся до страниц газет более солидных.

Хотя, с другой стороны, зачем приезжать сюда самому? Всегда можно прислать экипаж, не настолько заметный, как его личный «Серебряный призрак», отделанный лакированным красным деревом и хромированной бронзой. Что-нибудь скромное, из главного офиса...

В окошко со стороны водителя деликатно постучали. Затем решётчатая заслонка отъехала в сторону, и послышался голос:

– Прибыли, господин Манनावид.

Экипаж свернул. Анлуадд снова отодвинул шторку. Они въезжали в ворота небольшого особняка. Внутренний дворик уже был заставлен прибывшими ранее машинами.

Они остановились у парадного подъезда. Двигатель издал шипение, сбросив лишнее давление пара. Кузов качнулся, сообщая, что водитель покинул своё место, чтобы обойти экипаж и открыть дверцу.

Наконец она распахнулась.

– Прошу вас, господин Манनावид.

Он знал, что водитель, прежде чем предложить ему выйти, уже осмотрел двор на предмет возможных угроз. Шофёр «Призрака», Мирддон, ветеран войны и бывший чемпион столицы по борьбе, исполнял также роль его телохранителя.

Анлуадд вышел, потопал по гравию, разминая ноги.

– Поставь машину, но будь наготове. Если это будет какое-то глупое сборище, я уйду раньше.

Мирддон кивнул. Манनावид направился к входу.

В вестибюле его встретил хозяин особняка, отставной пехотный генерал Инберрон. Старый эльф выглядел величаво и держался с достоинством. По крайней мере, Анлуадд Манनावид не заметил в его приветствии ни малейшего признака подбострастия, хотя по слухам, всё состояние старого вояки не превышало суммы, которую промышленник тратил на содержание прислуги в своей резиденции.

Генерал был одет в простой мундир с повседневными эполетами, без золотого шитья и кистей. О многочисленных наградах напоминала лишь колодка из орденских планок на левой стороне груди. Единственным орденом, который Инберрон позволил себе надеть, была восьмиконечная «Звезда Империи» на чёрной атласной ленте под воротником – высшая награда, какую эльф мог получить за заслуги перед страной.

– Господин Манनावид, – приветствовал он магната, склонив голову в выверенном поклоне. – Рад, что вы нашли время посетить наше собрание.

– Для меня всегда огромная честь получить приглашение от героя войны, подобного вам. – Анлуадд даже не старался, чтобы эти слова прозвучали искренне. Генерал не обратил на его тон ни малейшего внимания. Оба понимали, что именно будет сейчас здесь происходить.

Инберрон указал рукой в сторону гостиной.

– Проходите, прошу вас. Мы начнём с минуты на минуту.

Не сказать, чтобы в гостиной было слишком многолюдно. Магнат быстро прикинул количество присутствующих.

«Десятка два всего, двадцать пять – самое большее. Из них собственно хозяев, членов „Партии ветеранов“, примерно с дюжину. Остальные – промышленники и банкиры».

Он вежливо поклонился знакомым, принял с подноса слуги фужер белого вина. Понюхал и решил воздержаться.

«Серьёзных игроков тоже не слишком много, в основном те, кто только готовится войти в высшую лигу. Скажем, о Лиэндевилле до войны вообще никто не слышал. Не будь у него рыбацких кораблей на севере и чахлах консервных заводиков, он бы так и прозябал в неизвестности. Повезло, просто повезло, когда всё продовольствие оказалось в дефиците».

Анлуадд вспомнил, как даже ему пришлось привыкать к рыбному меню, хотя в обычное время он терпеть не мог морепродукты. Ещё раз понюхал вино и решительно отставил фужер на один из столиков.

«Настоящих, серьёзных бизнесменов тут всего ничего. Вот, например, один из них, идёт сюда и улыбается во всю физиономию».

– Анлуадд Маннавид! – подошедший эльф протянул ему ладонь для рукопожатия. – Хорошо, что ты нашёл время приехать!

– Добрый вечер, Тед, – кисло отозвался на приветствие он, пожимая руку Теддельмиду Глеввину, бывшему судостроительному королю, переключившемуся ныне на производство разнообразных паровых экипажей, машин для сельского хозяйства и строительной техники. – Надеюсь, что твои настойчивые рекомендации принять это приглашение не были своеобразной шуткой. Одной из твоих любимых.

Глеввин ухмыльнулся.

– Ты слишком злопамятен. И чересчур подозрителен. Ума не приложу, как ты умудряешься вести дела, будучи таким параноиком.

– Наоборот. Моя, как ты изволил выразиться, паранойя позволяет мне избегать ненужных вложений. В том числе – впустую тратить своё время.

– Не переживай. На этот раз твои драгоценные минуты будут использованы с максимальной пользой. Если ты, конечно, не разучился верно оценивать перспективы и потенциальные выгоды.

– О чём ты? Какую выгоду можно извлечь на собрании второстепенной партии, не имеющей ни серьёзного политического веса, ни нормального лидера?

Теддельмид Глеввин загадочно улыбнулся.

– Потерпи немного. И смотри внимательно. Именно за этим я тебя позвал.

В гостиную вошёл генерал. Оглядел собравшихся, после чего кивнул одному из присутствующих эльфов, имени которого Маннавид не знал. Тот вышел в боковую дверь. Несмотря на то, что он был в штатском, военная выправка не позволяла ошибиться относительно его прошлого.

Генерал Инберрон прошёл к камину, повернулся к нему спиной и обратился к собравшимся.

– Уважаемые господа! Для нас, членов партии патриотов, большая честь, что вы нашли время и откликнулись на наш призыв посетить это собрание. Скажу прямо, мы рассчитывали на более представительное общество, но что поделать. Видимо, не все на деле так же преданы идее возрождения величия Империи.

«Или у них просто больше здравого смысла», – подумал Маннавид и покосился на Глеввина. Тот, однако, встретил вступительное слово хозяина дома вежливыми аплодисментами. Генерал продолжил:

– Не сомневаюсь, что все вы прекрасно осведомлены о положении, в котором ныне находится наша Родина. Уже больше сорока пяти лет минуло со времён позорного поражения, которое мы понесли в последней войне. Многие изменилось с тех пор. Напрягая все силы, эльфы смогли выплатить чудовищную контрибуцию, которую алчные захватчики навязали нам по «мирному договору».

Он подчеркнул презрительной интонацией последнее определение. Соратники по партии поддержали его недовольным ворчанием.

– Кроме этого мы смогли – во многом благодаря гению наших предпринимателей, – генерал вежливо поклонился гостям: – восстановить потенциал экономики, развернуть её на путь укрепления мощи нашего государства. Однако все вы понимаете, что на этом пути мы сейчас упёрлись в преграды, не позволяющие нам двигаться дальше. В препоны, что сковывают нас,

не позволяя обеспечить нашим детям, всем последующим поколениям эльфов то будущее, которого они достойны. Какого все мы заслуживаем.

Маннавид прикрыл глаза.

«Нет, Тед, это всё-таки твоя очередная глупая шутка. Ещё пять минут подобной патриотической трескотни, и я отправлюсь домой. Плевать мне, как это будет выглядеть».

– Все вы понимаете, что нынешняя система верховной власти давно перестала быть эффективной. Пост канцлера, учреждённый на замену императорской власти, был создан, как заявлялось, «в качестве временной меры». Во многом под влиянием дурного управления предыдущего императора, Гильэтивина. Мы помним об этом и знаем – с его душевной болезнью были связаны многие тогдашние просчёты, которые привели нас к катастрофе. Однако должен спросить вас – разумно ли из-за порочности одного эльфа отречься от системы государственной власти, которая прекрасно служила Империи на протяжении столетий? Уместно ли отказываться от спичек и сидеть в темноте, основываясь только на опасении, что они могут оказаться в руках одного неуравновешенного субъекта? То, что пост канцлера сработал во время переходного периода – несомненно. Однако сейчас он превратился в тормоз на пути прогресса. Вместо, по сути, клерка, заведующего исполнительной властью, нам сейчас жизненно необходим лидер. Кто-то, имеющий собственное видение пути, представление о будущем, которое мы хотим построить. Некто, кто готов применить всю свою энергию не ради очередного отчёта перед Высшим Советом, а ради достойного грядущего для всех эльфов.

Маннавид сделал движение к выходу, Глеввин успел поймать его за рукав. Прошептал на ухо:

– Задержись ещё немного. Просто поверь – это того стоит.

Анлуадд прошипел в ответ:

– Что ты несёшь? У этих болтунов никогда не было даже приличного оратора, а этот старый пень рассуждает о кандидатуре на пост императора!

Тедельмидд приложил палец к губам с многозначительным видом. Генерал меж тем продолжал вещать:

– Уважаемые господа, наша партия, «Партия ветеранов», настаивает на том, что пришло время кардинальных изменений. Мы не собираемся бороться за места в Совете, чтобы проводить там какие-то законы. Например, о том, сколько молока или хлеба должно входить в талоны на питание для эльфов, которые потеряли работу из-за того, что канцлеру не хватает мужества защищать интересы нашей страны на международной арене. Нет, мы планируем полностью изменить нынешний порядок вещей. Мы хотим вернуть нашей великой Родине цель, смысл существования, надежду на лучшее. Ради того, чтобы познакомить вас с перспективами этих перемен, мы и устроили это собрание. Да, нам потребуется ваша поддержка и влияние. Но будущее, которое мы хотим построить, наверняка будет достойным призом и для вас.

Инберрон повёл рукой в сторону боковой двери:

– Господа, позвольте представить вам нашего кандидата. Госпожа Арвеллина Мидиртродд!

Дверь отворилась.

Появившаяся в гостиной эльфийка производила необычное впечатление. То, что она была молодой, высокой и красивой, несомненно, имело значение в собравшемся мужском обществе. Однако чувствовалось что-то ещё, едва заметное, окружавшее её, словно магическая аура, нечто, что ощутили все присутствовавшие.

Анлуадд немного откинул голову в сторону Глеввина. Тед наклонил ухо к его губам.

– Мидиртродд? Из тех самых?

– Да.

– Странно. Я не слышал, чтобы у адмирала была дочь.

– Он её дядя. Отец Арвеллины – младший брат адмирала. Тоже военный моряк. Она родилась в самом начале войны, уже после того, как тот отправился с флотом на Латтфераин.

– Он жив? Я имею в виду – отец?

– Нет. Ильбакант Мидиртродд был одним из тех капитанов, кто отказался выполнить приказ о капитуляции флота. Его фрегат расстреляли и потопили на рейде Судгеата. Со всеми, кто был на борту.

Меж тем Арвеллина негромко поблагодарила генерала и обратилась к собравшимся:

– Дорогие соратники и уважаемые гости!

Маннавид почувствовал, как против воли затаил дыхание. Звучный, мелодичный голос молодой эльфийки не просто заполнил гостиную. Казалось, что она обращается прямо к нему, проникает в его ум и сердце, будто все присутствующие выпадают из этого очень личного, почти интимного разговора.

– Я безмерно рада, что вы нашли время прийти сюда. Это большая честь для нас – меня и моих товарищей по партии. Кроме того, я уверена, что сегодняшняя встреча будет иметь большое значение и для вас тоже. Сегодня мы намерены заявить – и вы станете первыми эльфами, кто узнает об этом – что «Партия ветеранов» готова добиваться возвращения нашей стране её утраченного достоинства. Мы берём на себя бремя тех задач, подступиться к решению которых пока ни у кого не хватало духа. Мы же заявляем, что нам эта ноша не просто по силам – для нас она желанна и легка. Принимая на себя ответственность за будущее нашей великой державы, за судьбу народа эльфов, мы откликаемся на зов, обращённый к нашей гордости. В этом голосе, который призывает нас к немедленным действиям, сливается наследие нашей расы, её героическое прошлое и надежда на великое будущее. Мы надеемся – с вашей помощью – дать этому зову конкретное имя и облечь его в реальные действия.

Арвеллина с достоинством поклонилась. Все присутствующие зааплодировали. Маннавид какой-то частью рассудка подивился той энергии, с которой хлопал он сам. Казалось, эта женщина обладала над всеми присутствующими особой властью. Уже вступившая в возраст очаровательной зрелости. Серые глаза, выющиеся тёмно-каштановые волосы, правильное лицо с высокими скулами. Строгое тёмное платье с высоким воротником не скрывало, а скорее подчёркивало стройность и гибкость фигуры. Двигалась Арвеллина с плавной грацией, каждый жест был точным и законченным.

Она продолжила:

– Во-первых, я и мои товарищи заявляем вам, что мы намерены добиваться пересмотра действующей системы государственной власти в Империи. Пост канцлера утратил смысл. Он был создан на время переходного послевоенного периода. Нам сейчас очевидно – это время прошло. Оставлять на постоянной основе временный пост – то же самое, что сидеть на стуле с отломанной ножкой и утверждать, что на самом деле всё так и задумывалось, что этот порядок вещей является наиболее естественным.

По гостиной пробежал смешок.

– Во-вторых, одновременно с упразднением поста канцлера мы намерены инициировать проведение выборов нового императора. Мы убеждены – только личность с твёрдым видением будущего имеет право руководить Империей. Не просто реагировать на возникающие проблемы и мелкие неурядицы, а вести страну твёрдым курсом – как капитан ведёт корабль сквозь непогоду.

Новые аплодисменты.

– В-третьих. Мы намерены решить проблему так называемых «рабочих движений». По нашему убеждению, вся эта деятельность связана с тем, что трудящиеся эльфы утратили ориентиры в жизни. Они не видят будущего, цели, к которой могли бы стремиться, поэтому погрузились в заботы о достижении сиюминутных выгод. О выживании – своём и своих семей. Уверена, что если мы сможем показать им перспективу, мир общего процветания, который

мы хотим построить – ради такой цели наши соотечественники будут готовы поступиться эгоистичными интересами. Тем более, что коренная перестройка экономики создаст множество новых возможностей, так что дело найдётся всем – и рабочим, и вам, господа.

На этот раз она остановила начавшиеся аплодисменты взмахом ладони. Величественным и не допускающим возражений.

– Кроме того, вам, предпринимателям, основе и опоре могущества страны, её становому хребту, я могу пообещать следующее. Грядут большие перемены. В политическом укладе. В экономике. Во внешней политике. Мы больше не намерены поддерживать беззубую позицию нынешнего правительства, пренебрегающего интересами собственной страны в угоду тем, кто когда-то попытался раздавить нашу гордость военной силой. Мы не намерены также мириться с ситуацией, когда эльфы оказываются подчас расой второго сорта в собственной стране. После прихода к власти «Партия ветеранов» непременно направит свою энергию на приведение к правильному балансу соотношения капиталов и производственных мощностей, находящихся в руках эльфов и богатств, сосредоточенных в руках прочих рас. Мы убеждены, что чудовищные диспропорции, сложившиеся в некоторых отраслях в пользу народов, которые никогда не вносили должного вклада в развитие Империи, в строительство её могущества и процветания – все эти дисбалансы должны быть исправлены. Ради благополучия всех и ради достижения мира и гармонии.

На этот раз аплодисменты прервать было невозможно. Все присутствующие без труда догадались, на кого намекала Арвеллина. Любой предприниматель с радостью приветствовал слова, за которыми угадывалась фраза «передел рынка».

Пока вокруг хлопали в ладоши, Маннавид снова наклонил голову в сторону Глеввина.

– Почему я о ней ничего не слышал? Ведь ни звука прежде не было, верно?

Тедельмидд кивнул.

– Почти так. После войны она до двадцати лет воспитывалась в закрытой школе при одном из монастырей Бриммердаля. Сам знаешь, какая это глухомань. Затем училась в университете, только не здесь, в столице, а в Лейделлионе. У неё, кстати, три учёные степени. Одна по международному праву, другая – по истории экономики. Так что репутация в определённых кругах у неё весьма высокая.

– А третья?

– Что третья?

– Ты сказал – «три учёные степени». Какая третья?

– А! Третья, ну – она нам с тобой не слишком интересна. Чересчур академическая область.

– И всё же, выкладывай.

– Материально-энергетическое взаимодействие.

– Серьёзно? Магия?

Тед хмыкнул.

– Ты же прекрасно знаешь, насколько это неточное и грубое определение. Она изучала вполне конкретную дисциплину, никаких пассов руками, знаешь ли.

– Возможно. Что ещё о ней известно?

– Десять лет проработала в дипломатическом ведомстве. Если тебя интересует совсем близкая история, то последние пять лет она занимала разные должности в нашем торговом консульстве в столице Эрдина, Линнедаге.

– Что знаешь о семье? Привязанности, слабости?

Тедельмидд Глеввин посмотрел на него, как на идиота.

– Ты говоришь так, будто собираешься ей манипулировать. У тебя что, и правда есть иллюзия, что это хоть кому-то под силу?

– Тогда скажи мне, какого демона мы тут делаем? Или ты предлагаешь слепо довериться личности, на которую мы повлиять не в силах? По-твоему, это разумная инвестиция?

– Отнюдь. Я утверждаю лишь, что закрыть глаза на *возможность* такой инвестиции было бы невероятной глупостью. В конце концов, я не призываю тебя переписать на её имя всё своё состояние. Лишь обращаю твоё внимание на очевидный потенциал. Всё остальное – вопрос торга и договорённостей. Как обычно.

Маннавид кивнул. Действительно, дальнейшее относилось к области переговоров. В случае чего всегда можно будет выйти из проекта. Обычные коммерческие риски, не более. Осталось только разобраться в деталях.

Арвеллина заканчивала своё выступление.

– Уважаемые господа! В следующие несколько недель мы проведём ещё ряд встреч. Возможно, они будут отличаться составом участников. Возможно, какие-то вопросы разумнее будет обсудить с кем-то из вас с глазу на глаз. В одном могу заверить всех – перемены состоятся. Мы уже начали действовать и в ближайшие месяцы вы увидите не фантазии или прожекты, а конкретные планы, которые вы сможете поддержать. Или наоборот – отступить в сторону. Что поделать, такую вероятность мы учитываем тоже. Но могу заверить – это не заставит нас отказаться от наших намерений, наших целей, нашей мечты. Просто добиваться их воплощения мы будем рука об руку с другими. С теми, чьи сердца не смогли противиться зову гордости, исходящему от предыдущих поколений эльфов. Во имя нашего общего великого будущего.

Она сдержано поклонилась под рукоплескания собравшихся. Генерал Инберрон выступил вперёд и склонился перед Арвеллиной Мидиртродд в таком поклоне, словно она уже была его императрицей. Никто из присутствующих даже не усомнился в уместности подобного жеста.

«Что ж, с одним тут не поспоришь», – подумал Маннавид, аплодируя вместе с остальными.

«Очевидный потенциал».

Участники собрания разошлись. Остались лишь хозяин дома и Арвеллина. Персона, с которой она намеревалась встретиться, не должна была попасться на глаза никому из посторонних.

Пока, по крайней мере.

В дверях комнаты, где она ожидала, появился генерал Инберрон.

– Госпожа Мидиртродд, он здесь.

Она кивнула. Генерал отступил в сторону, в комнату вошёл Руддрайг Бриттгерн.

Арвеллина поднялась с дивана ему навстречу.

– Добрый вечер. Рада вас видеть.

Бриттгерн подошёл к ней, почтительно поклонился и поцеловал руку.

– Госпожа Мидиртродд.

Отставной генерал пригласил всех к креслам возле круглого столика.

– Прошу вас. Час поздний, поэтому давайте сразу перейдём к делу.

Все расселись. Бриттгерн устроился удобно, перебросил ногу на ногу. Арвеллина откинулась на спинку кресла и разглядывала его, слегка наклонив голову. Инберрон начал с извинений.

– Господин Бриттгерн, надеюсь, что вы не в обиде. Мы ценим вашу помощь, но сейчас, на этапе завоевания поддержки... Не все одобряют наш с вами союз.

Руддрайг кивнул, не сводя с неё глаз.

– Не беспокойтесь, генерал. Мне, чтобы спать спокойно, совсем не обязательно видеть своё лицо на первых полосах газет. К тому же это обычное свойство общественной морали, а точнее говоря – лицемерия. Все понимают, что нужно вывозить нечистоты, но не каждый готов этим заниматься.

Мидиртродд спокойно выдержала его взгляд, затем ответила:

– Общественная мораль – весьма пластичная субстанция. Пройдёт совсем немного времени, и вы из маргинального движения превратитесь в опору Империи. Для меня же важно лично подтвердить, что все договорённости между вами и «Партией ветеранов» остаются в силе. Более того, мы намерены расширить наше сотрудничество. На взаимовыгодной основе, разумеется.

– Рад слышать.

– Что касается вашего нынешнего статуса – увы, но генерал прав. Наши потенциальные спонсоры слишком дорожат публичными предрассудками. В компании открытых националистов они будут чувствовать себя не в своей тарелке.

Бриттгерн развёл руками.

– То, что они называют национализмом, имеет иное, вполне благопристойное название – гордость. Мы всего лишь намереваемся разбудить это чувство в сердцах всех эльфов.

– Так же, как и мы.

– Что ж, прекрасно, – генерал почесал висок. – Господа, прежде, чем мы двинемся дальше, я должен задать один вопрос. Простите, Руддрайг, если он покажется вам неприятным. Госпожа Мидиртродд, вы уверены, что мы должны отказываться от потенциала поддержки некоторых кланов гоблинов? Многие из них также недовольны текущим положением дел в стране и...

– Нет.

Ответ прозвучал, словно удар клинка. Глаза Арвеллины холодно мерцали. Инберрон не выдержал её взгляда и потупился.

– Генерал, прошу вас, – она продолжила значительно мягче. – Я не ставлю под сомнение ваше стремление добиться наших общих целей. Но при этом не вижу смысла в лавировании. Да, мы можем вступить сейчас во временный союз с кем угодно. Обрести благодаря этому тактическое преимущество, увлечься политическим маневрированием. Только зачем? Наша цель вполне ясна и очевидна. Величие империи эльфов. Эльфов, господа. Можно отправиться к ней через лабиринт интриг или пойти напрямую, пробив мешающие нам стены. Не знаю, как вам, но мне прямой путь кажется предпочтительным вариантом.

– Но не отпугнёт ли это от нас умеренных сторонников?

– Господин Инберрон, история учит нас, что куда больший вред способна нанести нечёткая позиция лидеров, возглавляющих перемены. Народ в массе своей и особенно его «умеренная часть» – это те, кто не готов самостоятельно определять цели, к которым должно стремиться государство. Для душевного комфорта им важно лишь понимать, насколько быстро они смогут вернуться к своему обычному существованию, и будет ли оно более комфортным, чем сейчас. Вот и всё. Дайте им чёткую картину будущего и конкретный срок, когда оно наступит – и ни одна живая душа не поинтересуется деталями процесса.

Бриттгерн кивнул. Арвеллина продолжила, глядя на него.

– Кроме того, здесь есть принципиальный момент. Господа, опираясь на величие предков, мы не должны закрывать глаза на их ошибки. Надеюсь, что помимо политической борьбы, вы находите время интересоваться новыми научными идеями? Вы слышали о теории эволюции?

Генерал кивнул, а Бриттгерн ответил:

– Разумеется. Весьма претенциозная концепция, вам не кажется?

– Отнюдь. Она неплохо проясняет белые пятна в развитии естественных процессов. Более того, сами авторы теории с её помощью вполне успешно прослеживают возникновение своей собственной расы – людей.

– Не считаете же вы, что она способна объяснить приземлёнными процессами возникновение эльфов?

– Разумеется, нет. Хотя теория творения сейчас и находится под постоянной критикой, никто так и не смог предложить ей сколько-нибудь разумной альтернативы. Если логику возникновения людей от животных как-то возможно проследить – через сходство строения скелета, зубов и так далее – то покажите мне хотя бы одного потенциального кандидата на роль предка нашей расы? Или гоблинов?

Арвеллина хрустнула пальцами, разминая кисти рук.

– Однако мы здесь собрались не для научного диспута о происхождении видов живых существ. Я хочу обратить ваше внимание на другой аспект теории эволюции, а именно – борьбу за существование. Эта часть представляется мне наиболее значимой во всей этой концепции, тем более, что она подтверждается банальным здравым смыслом. Кто занимает главенствующее положение в определённой среде обитания? Самый грозный хищник. Кто получает возможность оставить потомство, продолжить свой род, добиться успеха и процветания своего вида? Тот, кто наилучшим образом приспособился к условиям. Вам не кажется, что через призму такого подхода некоторые события нашего прошлого обретают новое значение? Скажите мне, господа, вы помните из истории о временах первой экспансии эльфов на острова архипелага Латтфераин?

Оба мужчины кивнули.

– Хорошо, тогда вы непременно должны знать о том, что помимо гоблинов наш народ столкнулся там с племенами дикарей – примитивной разновидностью человеческой расы. А теперь скажите мне – есть в истории свидетельства того, что эта ветвь людей как-то повлияла на судьбу эльфов?

Собеседники промолчали, Арвеллина удовлетворённо кивнула.

– Разумеется, нет. По простой причине. Племена дикарей были полностью уничтожены в ходе экспансии.

Она устроилась удобнее, расправила плечи и продолжила.

– Теперь вернёмся к другой части истории – прибытию людей из-за океана. Ответьте мне – что принесло расселение человеческой расы на островах Доллеан нам, эльфам? Выгоду или поражение?

Ответ был очевиден. Генерал только развёл руками, Бриттгерн молча улыбнулся. Разговор с этой женщиной ему определённо нравился. Арвеллина продолжила.

– Представьте на секунду, что наши предки вместо проявленного гостеприимства просто уничтожили бы незваных визитёров. И продолжали бы топить их корабли всякий раз, когда они пытались высадиться на наших берегах. О, я вовсе не призываю к тому, что задачей эльфов было отправиться за океан и истребить весь род людской. Мы вполне могли бы жить и даже взаимовыгодно сотрудничать. Процветая при этом каждый в своей части мира. Это простая и понятная идея – территориальное доминирование, ареал обитания. Ни один лев не одержим идеей уничтожения всех остальных львов – до тех пор, пока они не нарушают границу его территории.

Она горько усмехнулась.

– Очень жаль, что предыдущие поколения эльфов не додумались до подобной теории столетия назад. Это позволило бы им избежать массы ошибок.

Некоторое время она молчала, затем продолжила.

– Игнорирование законов природы, господа – весьма опасное развлечение. Если мироздание демонстрирует нам правило, что выживает сильнейший или наиболее приспособленный –

вот первый урок, который следует принять на веру. Именно поэтому я настаиваю на том, что целью нашей политики должно быть не уравнивание в правах с остальными странами региона. Нет, наша задача – достижение безоговорочного доминирования. Наши правила, наш диктат должны стать единственными законами для этой части мира. Неважно, о чём будет идти речь – о размере торговых пошлин или о нашем праве на Дом Великой Богини.

В её глазах мерцали блики от огня в камине, придававшие взгляду Арвеллины хищное выражение.

– То же самое относится к гоблинам. Дело не в том, насколько они хороши или плохи сами по себе. Или в том, какие заслуги и какой вклад в историю Империи они могут привести в оправдание своего существования. Сам факт их наличия, третьей разумной расы, третьей силы, обитающей на территории, принадлежащей эльфам, всегда будет фактором риска. Скрытой угрозой для всех последующих поколений. Этот фактор или, как вы выражаетесь, господин Бриттгерн – «вопрос гоблинов» – должен быть исключён из дальнейших расчётов. Так или иначе.

Руддрайг кивнул.

– Я не просто согласен, госпожа Мидиртродд, я готов подписаться под каждым сказанным вами словом.

– Что ж, превосходно. Если по принципиальным вопросам между нами расхождений нет, можно приступить к обсуждению плана ближайших действий. Согласны?

– Вполне.

– Раз уж мы признали, что перемены необходимы, нет смысла ставить их в зависимость от «удобного случая». Господин Инберрон?

– Да?

– Сможем ли мы в ближайшие недели найти причину для массового, заметного выступления? Скажем, большой митинг на центральной площади?

Генерал задумчиво посмотрел в потолок.

– В Совете намечается обсуждение вопроса о пересмотре льгот для ветеранов. Думаю, что это подходящий повод.

– Превосходно. Нужно будет добавить ещё несколько актуальных историй, чтобы привлечь максимальное внимание. Что-нибудь, связанное с коррупцией. Массы всегда живо реагируют на эту тему. Желательно, чтобы во всех скандалах оказались замешаны гоблины. Крупные фигуры, снять которые с игрового поля желают наши сегодняшние гости.

– Думаю, что-нибудь найдём. По нынешним временам это не будет большой проблемой.

– Отлично. Господин Бриттгерн, нам также понадобится ваше участие. Увлечённая молодёжь, не слишком отягощённая жизненными проблемами. Идеалисты. В вашем «Союзе действия» найдутся такие?

Руддрайг расплылся в улыбке.

– Для меня честь, госпожа Мидиртродд, что вы так хорошо осведомлены о движении, которое я представляю.

– Недостаточная осведомлённость о деталях, господин Бриттгерн – это роскошь, которую мы сейчас не можем себе позволить. Так что скажете? Честно, без любезностей?

Он припомнил митинг в университете на исходе зимы и кивнул.

– Да. Полагаю, что у меня есть всё необходимое.

Глава 4. Газетные вырезки

«Знаете, мой отец никогда не любил газет. Он повторял: «Печатное слово – двигатель прогресса. Ежедневное печатное слово – ненасытный монстр, которому безразличны истина, смысл и польза.

Для него имеют значение только количество букв и регулярность их появления».

Из интервью Мэрруона Гасваллауна.

Газета «Вестник Фэйрхаэля», из статьи «Скрытая выгода, неприкрытая ложь», автор Эллиа Гиддеан:

«...важно понимать, что именно скрывается за тем или иным действием, совершаемым Высшим Советом. За последние годы можно было по пальцам пересчитать законы, действительно направленные на общее благо. Во всех остальных случаях приходится искать тайный, зато истинный и зачастую корыстный смысл.

Давайте посмотрим внимательно на самую горячую тему последних дней – предстоящие в ближайшие недели слушания по вопросу пересмотра пенсий ветеранам войны. Официальные власти пытаются убедить нас, что это совершенно безобидный, едва ли не технический эпизод. Мол, Совет просто собирает упорядочить имеющиеся выплаты, чтобы перераспределить их в пользу наиболее нуждающихся. Однако независимый взгляд со стороны подсказывает, что всё не так однозначно.

Для начала зададим простой вопрос: так ли уж важен этот пересмотр? Были ли в последнее время выступления со стороны ветеранов, заявляющих о своём недовольстве нынешним положением и требующих его изменения?

Нет.

Может быть, это запрос от общества в целом? Возможно, что сменилось восприятие всего, что связано с войной, наше понимание тех событий?

Отнюдь.

Тогда резонно задать вопрос: почему эту тему поднимают именно сейчас?

А вот тут, уважаемые читатели, «Вестник Фэйрхаэля» готов рассказать вам о нескольких весьма интересных фактах.

Некоторое время назад мы получили из надёжного источника информацию, что в правительстве обсуждают вопрос модернизации транспортной сети в предгорьях Берхаэвена. Предполагается отремонтировать имеющиеся железнодорожные пути и проложить несколько новых веток. План включает в себя также строительство ряда мостов и около двухсот миль шоссе-ных дорог с твёрдым покрытием.

На первый взгляд, ничего необычного. Однако посмотрим на ситуацию внимательней.

Для начала нам нужно знать, что в западных отрогах хребта Берхаэвен не так давно были открыты залежи полезных ископаемых – металлических руд, самородной серы и горючей смолы, которая может послужить заменой каменному углю. Казалось бы, прекрасная новость, сулящая этому региону развитие, а всей стране – новые рабочие места и экономический рост. Если бы не одно «но».

Обычно, когда происходит разработка новых месторождений или строительство заводов, вопросами инфраструктуры занимаются те промышленники или синдикаты, которые надеются извлечь прибыль из этих проектов. Государство вкладывается только в тех случаях, когда дело касается вопросов стратегических. В нашем же эпизоде достаточно наложить схему запланированных к постройке дорог (в распоряжении редакции такая есть) на карту открытых месторождений, как становится очевидно – правительство строит именно подъездные пути к новым

рудникам. Почему же на этот раз оно решило поучаствовать в, казалось бы, рядовом коммерческом проекте?

Здесь, уважаемые читатели, нам нужно добавить несколько фигур к картине.

Во-первых, права на разработку новых месторождений находятся в руках синдиката, где заправляет Руад Кетзун.

Во-вторых, план реконструкции и развития дорог предложил правительству министр транспорта и торговли Скельмхудд.

В-третьих, законопроект о пересмотре выплат ветеранам вынес на рассмотрение Высшего Совета представитель Эорфин Лемминдаль.

Какая связь, спросите вы? А вот тут начинается самое интересное.

Дело в том, что в бюджете нет средств на осуществление плана модернизации министра Скельмхудда. То есть получить финансирование можно только за счёт сокращения какой-то из имеющихся статей расходов. Случайно ли, что одновременно представитель Лемминдаль вносит идею пересмотра одной из них? Возможно, если бы не та деталь, что он в своё время был однокашником министра в период учёбы в университете столицы. Более того, обоих политиков связывают отдалённые родственные узы – младшая дочь Скельмхудда не так давно вышла замуж за племянника Эорфина Лемминдаля.

Особую пикантность ситуации придаёт тот факт, что синдикат Руада Кетзуна щедро финансировал предвыборную кампанию упомянутого члена Совета. Как мы помним, гоблины не имеют права занимать посты на верхнем уровне власти, однако весьма активно участвуют в избирательном процессе, вкладывая деньги в того или иного кандидата.

Также по удивительному совпадению Руад Кетзун несколько лет назад пожертвовал благотворительному фонду «Будущее нации» принадлежавшие ему угодья в северных предгорьях края Таттервен – одном из самых благодатных и плодородных районов Империи. Этот фонд занимается тем, что даёт работу на фермах молодым эльфам – часто совсем подросткам – чьи семьи оказались за чертой бедности. Иногда речь идёт о сиротах. Такие «добровольные помощники», как называет их программа фонда, получают крышу над головой, форменную одежду, питание и небольшую зарплату. Плюс, им разрешено брать часть продукции в натуральном виде, которую они могут либо передать в свои семьи, либо продать на рынке, выручив дополнительные средства. Произведённые же этими фермами продукты поставляются в государственные больницы, школы и сеть магазинов низких цен, где казна компенсирует часть торговой наценки, чтобы сделать товары доступными для малоимущей части населения. Прибыль, образующаяся в результате всей деятельности фонда, идёт на финансирование сиротских приютов и общественных школ.

Казалось бы, прекрасная идея, спасающая многих юных эльфов от голода, нищеты и соблазнов найти применение своим силам в криминальной среде. Однако стоит учитывать вот что.

Сельскохозяйственные артели, действующие под эгидой фонда, не считаются коммерческими предприятиями. Благодаря этому они не платят налогов и не обнародуют никакой строгой финансовой отчётности. Показатели, которые публикуются в ежегодных бюллетенях перед очередным собранием жертвователей, формируются по собственным правилам фонда, их невозможно подтвердить никаким внешним аудитом. Поскольку работники этих предприятий являются не наёмными рабочими, а так называемыми «добровольными помощниками», на них не распространяются действия законов, регулирующих трудовые отношения. Например, они выпадают из зоны влияния любых профсоюзов. Более того, поскольку большинство из них несовершеннолетние, то по закону они не смогли бы создать никакого союза для отстаивания своих прав, даже если бы захотели.

Скажите, уважаемые читатели, только у меня одной при взгляде на эту конструкцию возникают мысли о потенциальной эксплуатации детского труда?

Продолжим изучать ситуацию. Отсутствие открытой финансовой отчётности не позволяет оценить, какова на самом деле доходность от операций фонда. Он использует крайне недорогую рабочую силу и сбывает продукты по гарантированным государственным контрактам, для большинства из которых зафиксирована определённая цена – зачастую не учитывающая сезонные колебания, что приносит дополнительную прибыль. Расходы фонда и та часть средств, которая остаётся после «пожертвований» в пользу приютов и школ, тоже известны лишь очень узкому кругу лиц из его правления.

Вы спросите: какое отношение фонд и всё, что с ним связано, имеют к дорогам и выплатам ветеранам?

Чтобы ответить на этот вопрос, самое время добавить к картине последнюю фигуру.

Главой попечительского совета фонда «Будущее нации», тем лицом, кто принимает решения по всем вопросам его деятельности и контролирует все проходящие через него деньги, является супруга министра транспорта и торговли Иррестина Скельмхудд, собственной персоной.

Не кажется ли вам, что если взглянуть на ситуацию, зная обо всех этих фактах, то она обретает несколько иной смысл? У нас есть расчётливый гоблин Руад Кетзун, известный тем, что его интересует единственная вещь во вселенной – собственная прибыль. Внезапно он дарит превосходные сельскохозяйственные земли фонду, который возглавляет жена одного из министров правительства. Всё законно, в рамках обычной благотворительности. Затем тот же гоблин, опять-таки абсолютно в рамках закона, финансирует предвыборную кампанию кандидата в Высший Совет. Немного погодя Кетзун заявляет о начале промышленной разработки новых месторождений – и что вдруг происходит? Супруг главы фонда, столь щедро одаренного Кетзуном, выступает с идеей расширения инфраструктуры таким образом, чтобы она решила все транспортные проблемы нового добывающего региона, а его бывший однокашник, дальний родственник и, по совместительству, получатель финансирования из кармана того же Кетзуна, заявляется в Высший Совет с программой пересмотра выплат ветеранам. Которая потенциально способна освободить в бюджете средства, необходимые для строительства новых дорог.

Что в итоге? Кетзун благодаря такому «подарку судьбы» экономит миллионы талеров, получая готовую транспортную сеть. Теперь издержки, которые нужно было закладывать на её создание, можно спокойно переносить в раздел «дополнительная прибыль». Политики, обеспечившие такое благоприятное стечение обстоятельств, тоже вряд ли окажутся в проигрыше.

А вот заплатят за всё, похоже, ветераны войны...».

Газета «Наша борьба», из редакционной передовицы:

«...происходит именно то, о чём мы не устаём твердить все последние годы – ползучее, непрерывное наступление на права трудящихся. Вы видите в этом ущемление ветеранов? Мы видим ещё одно звено в цепи, которой имущие классы опутывают всё остальное население Империи. Вспомните, что происходило сразу после войны. Всю ответственность за неё поспешили свалить на императора Гильэтивина, на его якобы душевную болезнь. Как будто промышленники, банкиры и прочие богатеи не рассчитывали в случае успеха извлечь гигантские прибыли из эксплуатации природных ресурсов новых колоний. Единственными, кому война на юге не сулила ничего, были трудящиеся. Всё, чего мы добивались тогда – и продолжаем требовать по сей день – это право на достойные условия труда, справедливую его оплату и возможность отстаивать наши интересы. Однако именно нам пришлось вынести на своих плечах все тяготы страшного испытания. Наши братья и сёстры, наши сыновья и дочери бились, окружённые в аду джунглей, сражались на фронтах, заслонивших внутренние районы страны от орд агрессоров. Именно трудящиеся день и ночь строили оборонительные рубежи, работали на фабри-

ках и фермах. Благодаря бескорыстному самопожертвованию трудового народа наша Родина не пала под ударами захватчиков.

И что же мы получили взамен?

Годы бедности, когда казна выплачивала грабительские контрибуции по мирному договору. Навязывание чувства вины в рамках так называемой «коллективной ответственности» за «агрессивную политику». Постоянные призывы «затянуть пояса», «отложить требования до лучших времён» и так далее.

А что богачи? На какие «жертвы» пошли власть имущие?

Рухнул ли хоть один из довоенных синдикатов? Нет.

Пожертвовал ли хотя бы кто-то из них значительную долю своего состояния на нужды восстановления? Тоже нет.

Они рассчитывали нажиться на результатах войны и всячески к ней подталкивали.

Промышленные магнаты и финансовые воротилы процветали во время войны, производя и поставляя по завышенным ценам оружие и снаряжение правительству и товары первой необходимости всем остальным. Пользуясь военным положением, они смогли почти уничтожить движение трудящихся за свои права, отправив неудобных активистов на поля сражений или в тюрьмы, сфабриковав против них обвинения в «подрывной деятельности».

После войны они продолжали затыкать нам рот требованиями «сплотиться», «объединить усилия». «Не время думать о себе», – твердили они. «Борьба за права трудящихся – это проявление недопустимого эгоизма, когда Родина стоит на коленях», – кричали принадлежавшие им газеты. И в результате сейчас, годы спустя после подписания мирного договора, положение трудового народа едва ли не хуже, чем до начала Великой войны. Наши профсоюзы задавлены, наши партии не имеют представительства в Высшем Совете. Правительство не несёт перед нами никакой ответственности, принимая все решения исключительно в результате сговора с верхушкой промышленной и финансовой аристократии.

Так больше продолжаться не может.

Каждому трудящемуся должно быть ясно – отстаивая сегодня интересы ветеранов, мы отстаиваем и свои права, своё будущее, свои требования...».

Журнал «Занавес», из колонки светской хроники:

«Ни для кого не секрет, что редакция «Занавеса» всегда принимает близко к сердцу не только творческие успехи деятелей искусства нашей столицы, но и их личную жизнь, ибо здоровье и благополучие артиста – залог его возможности полностью раскрыть свой талант, отдаваясь служению публике.

Как нам недавно стало известно, небольшая коллизия приключилась в труппе уважаемого всеми ценителями прекрасного театра-варьете «Серебряный Лотос». Просвещённая публика наверняка знакома с двумя яркими украшениями этого храма утончённого эстетического удовольствия. Несравненной Нессой Перрстерин, чувственные танцевально-акробатические номера которой способны найти отклик в самой чёрствой душе. А также с великим мастером иллюзий – «Мистическим Бедвином», чьё искусство манипуляции предметами способно посрамить самых искущённых адептов практической магии.

Мы неоднократно рассказывали нашим постоянным читателям, что упомянутых талантливых особ в последние годы связывали узы более интимные, чем простое товарищество коллег по работе. По крайней мере, вряд ли можно представить, чтобы у коллег было принято выбрасывать время от времени чужие вещи с балкона на мостовую. И при этом вся улица могла слышать многочисленные пожелания от одного талантливого артиста другому отправиться в ад, а также «поцеловаться с демоном», причём не обязательно в уста.

Что поделывать, творческая натура подразумевает некоторый переизбыток экспрессии не только на сцене, но в обыденной жизни тоже.

К счастью, эти вспышки недопонимания и разногласий никогда не оказывались слишком долгими, и очаровательная пара вскоре продолжала радовать нас своими выступлениями и совместными появлениями в публичных местах. Чем всегда несказанно умиляла как читателей «Занавеса», так и нас самих, скромных работников пера.

Однако в последнее время до редакции стали доходить слухи, что в этом блистательном союзе наметился серьёзный разлад. Несколько раз замечали, как очаровательная Несса уезжала в неизвестном направлении в паровом экипаже без номера и с наглухо зашторенными окнами. Опознать водителя из-за надетых ветрозащитных очков и поднятого воротника тоже не представлялось возможным. Можно лишь с уверенностью констатировать, что это крупный, физически очень сильный мужчина. Отважная попытка одного из наших репортёров проследить маршрут таинственных поездок госпожи Перрстерин закончилась тем, что редакционный экипаж был заблокирован на одной из улиц промышленного района. Спешим уведомить любезную публику, что в результате происшествия репортёр не пострадал, а вот стёкла и резиновые шины экипажа пришли в полную негодность.

Поскольку точная цель поездок Нессы остаётся для нас загадкой, мы можем лишь утешаться тем, что её несравненное искусство от этих отлучек нисколько не пострадало. Наоборот, некоторые ценители утверждают, что в выступлениях звезды «Серебряного Лотоса» стало ещё больше эмоциональной и чувственной пластики.

Что же касается «Мистического Бедвина», то здесь ситуация прямо противоположная. Все знакомые с ним свидетельствуют (да и простейшая наблюдательность подтверждает это), что великий иллюзионист испытывает в последние недели сильный стресс. Несколько раз его видели спорящим о чём-то с госпожой Перрстерин, причём его стиль разговора выглядел униженно-просительным, а со стороны Нессы – весьма раздражённым. Однажды иллюзиониста заметили на улице уже под утро совершенно пьяным и в слезах. Он громко грозился, что «выведет их на чистую воду», но кого именно при этом имел в виду, понять из-за заплетающегося языка было решительно невозможно.

Увы, но факты и житейский опыт позволяют нам с солидной долей уверенности предположить, что время, когда эта очаровательная пара была спутниками в жизни, подошло к концу. Остаётся лишь тешить себя надеждой, что это расставание никак не скажется на их искусстве».

Альманах «Ёж», из заметки редактора Биррбаха Римхаадда «Волки! Волки!»:

«Как знает постоянный – и оттого любезный нашему сердцу (а также редакционной кассе) – читатель, мы всегда стараемся смотреть на происходящее в Империи через призму сарказма и юмора. По нескольким причинам, из которых стоит выделить, пожалуй, две.

Во-первых, ироничный взгляд на вещи – весьма полезный инструмент для снятия всякой шелухи, которой часто укутывают события те, кто в действительности за ними стоит. Борьба с коррупцией, внезапно обнаруженный вред молочных сливок или рассуждения о допустимой длине брюк для девушек, не достигших совершеннолетия – за каждой темой можно при известном старании найти кого-то, кто надеется извлечь из её раздувания личную выгоду. Иногда, правда, всё проще и мы отыскиваем в основе происходящего всего лишь очередного пациента для специалистов по душевным расстройствам. Что ж, бывает и такое. Но и это не отменяет пользы от снятия внешних наслоений, ибо, как согласиться каждый: банан в кожуре и без неё – два совершенно разных на вкус продукта.

Во-вторых, толика юмора способна скрасить даже грубые и прямолинейные вещи, напоподобие палки, которой вас огрели в тёмной подворотне, когда вы навеселе возвращаетесь из таверны. По крайней мере, после такого инцидента вам не придётся отчитываться перед супругой, сколько именно талеров вы потратили на посиделки с дружками. Все издержки можно будет списать на грабителей.

Попробуем же применить наш фирменный подход к происходящему в столице. Мне, например, ясно, что в шумихе, раздутой вокруг выплат ветеранам, интересы последних, как ни странно это прозвучит, находятся на последнем месте. Очевидно, что некие силы используют этот повод для каких-то своих целей. Наподобие того пастушка из сказки, постоянно прибегавшего в деревню с криками, что на отару овец, которую он пас, нападают волки. И лишь внимательность соседей, заметивших, что после каждого такого набега хищников из дома пастушка пахнет жареной бараниной, позволила вывести проходимца на чистую воду.

Так какую же мишень пытаются скрыть от нас за всей этой трескотнёй? Боюсь, что узнаем мы об этом лишь тогда, когда из-за болтовни начнут проступать конкретные действия. Отставка кого-то из членов Высшего Совета, чтобы занять освободившееся место? Вполне возможно. Борьба за кресло министра? Почему бы и нет. Более того, мы не можем исключать даже тот вариант, что вся кампания затеяна ради досрочной смены канцлера. Самое главное – помнить то, о чём мы писали уже не один раз.

Следите за деньгами.

Как только где-то за спинами политиканов начнут угадываться фигуры конкретных персонажей, обладающих финансами, связями и влиянием, это и будет верным признаком того, что начинает вырисовываться настоящая подоплёка происходящего. Ибо, как известно, на вечеринке заправляет не тот, кто громче всех произносит тосты, а тот, кто за неё платит.

И не забывайте при этом улыбаться. Тем, кто умеет смеяться, манипулировать сложнее всего. Непроходимая тупость чаще всего прячется за самыми серьёзными лицами».

Газета «Вечерняя звезда», из раздела криминальной хроники:

«Очередной пожар произошёл прошлым вечером в рабочем районе Дабхир. Сгорело общественное здание, в котором размещались многочисленные организации местных жителей – от детских кружков до дискуссионных клубов. Во время заседания одного из них, на котором обсуждался вопрос о предстоящих слушаниях в Высшем Совете, и произошло возгорание. Некоторые из очевидцев утверждают, что слышали звон разбитого стекла перед тем, как в подсобных помещениях вспыхнул огонь. К счастью, обошлось без жертв, хотя само строение полностью уничтожено.

Официальный представитель Службы городской стражи заявил, что пока преждевременно делать какие-то заключения. Следствие рассматривает и проверяет несколько версий случившегося – от неисправности механического оборудования, установленного в задней части здания, до поджога из хулиганских побуждений. Также вероятны мотивы личной мести, поскольку на собрании присутствовал один из лидеров профсоюза машиностроителей. Изучается и вариант злонамеренного уничтожения собственности – на земельный участок, находившийся под сгоревшим зданием, претендуют несколько строительных фирм. Сами же участники проходившей встречи почти единодушно убеждены в том, что этот поджог – попытка запугать активистов, чтобы помешать им выступить в защиту своих прав.

Нам удалось получить неофициальный комментарий от одного из сержантов городской стражи, выходца из этого района. Он попросил не указывать своего имени, поэтому мы ограничимся лишь инициалами – И. Л. Вот, что он сказал:

– Помяните моё слово, вся эта возня добром не кончится. Пока каждый занят делом – ходит на работу, исполняет свой долг, заботится о семье – всё идёт, как надо. Случается, конечно, всякая ерунда. Драки, кражи, семейное насилие. Но с этим мы, поверьте, неплохо справляемся. А вот когда начинают день и ночь свистеть в уши про «гордость», «гражданские права» и «ветеранов» – тогда точно жди беды. Ну и что ветераны? Я сам ветеран, и что? Не сижу, не ною про то, что страна мне мало денег платит. Работать надо, я так думаю. И всё хорошо у тебя будет. А что до ветеранства – так ведь сколько лет уже прошло. Пора бы забыть и просто жить дальше.

Редакция «Вечерней звезды» будет следить за развитием событий».

«Поздней ночью у служебного выхода из ресторана «Гарналь» подвергся нападению господин Бедвин Туиннар, известный по своим выступлениям в амплуа иллюзиониста на сцене варьете «Серебряный Лотос». Свидетели происшествия отсутствуют, однако, по словам потерпевшего, нападавших было несколько. Они не предъявляли никаких требований, просто нанесли ему несколько сильных ударов по лицу. Следствие пытается установить личности нападавших, но это представляется весьма непростой задачей, поскольку в момент нападения господин Туиннар был сильно пьян. Очевидно лишь, что это не было попыткой ограбления, поскольку все ценные вещи остались при пострадавшем. Служба городской стражи призывает всех, кто мог быть свидетелем самого нападения или каких-либо инцидентов между господином Туиннаром и посетителями ресторана «Гарналь» в промежутке между девятью и одиннадцатью часами вечера, сообщить об этом лично или письменно детективу Дейфигиру, в Службу городской стражи, дом №3 на площади Правосудия.

Редакция «Вечерней звезды» будет следить за развитием событий».

Глава 5. Глас народа

«Одно из немногих удовольствий, доступных на пороге смерти – возможность называть вещи своими именами. Так называемая „воля народа“ – самая опасная иллюзия, угрожающая государству».

Таредд Сеанимар. «Сто лет на службе Империи. Мемуары».

Весна полностью вступила в свои права. Деревья покрылись листвой – свежей, яркой и ещё не отмеченной избытком солнца. Трава с непреклонным упрямством пробивалась повсюду, пряча от глаз грязь, рытвины и мусор.

В центре столицы, на площади Империи, это не ощущалось так остро. Здесь, в окружении величественных зданий, у природы не было права расти и развиваться по своему усмотрению. Клумбы и вазоны начинали зеленеть и благоухать цветами не по указке календаря, а подчиняясь воле садовников.

Сержант городской стражи Игалах Леомханн втянул носом воздух. Ничего общего с запахом сирени, привычным для этого времени года в городских предместьях. Разноцветные цветочные шпалеры источали ароматы терпкие, насыщенные, кричащие. Не свойственные скромной природе этих мест. Поднимающееся солнце постепенно нагревало камень зданий и обширной открытой мостовой, а те начинали отдавать намертво ввевшиеся собственные запахи города и цивилизации – угля, креозота и металла.

Он ещё раз с сомнением осмотрелся. Центр города никогда ему не нравился. Здесь Леомханн чувствовал себя неуютно. Всё было слишком громоздким, построенным не для жизни, а ради создания неких образов. Величия государства, могущества власти, прославления предков. Обычный эльф со своими незатейливыми повседневными запросами и проблемами начал казаться себе песчинкой в гигантских часах, неспешно отмерявших века существования древней расы. Никому не пришло бы в голову заявиться сюда для чего-то простенького – например, чтобы пропустить в компании друзей кружечку-другую вина или сидра. Это было место для свершений, эпохальных событий.

Сержант пошевелил плечами под кирасой из толстой формованной кожи, потом оттянул пальцем ремешок каски и почесал под ним.

«Демоны чтоб вас всех взяли!».

День обещал быть жарким, а перспектива торчать под солнцем в полном защитном снаряжении не казалось слишком заманчивой.

«С другой стороны, – подумал он. – Пусть уж лучше всё это происходит здесь».

Ему до смерти надоел цирк, в который превратилась жизнь в столице, когда началась возня вокруг выплат ветеранам. С одной стороны, конечно, он был рад, что к этому приковано такое внимание. Будучи сам участником боёв на западном фронте и получателем пособия, он хорошо понимал, что любой «пересмотр» на самом деле означает «сокращение», а терять пусть даже несколько талеров месячного дохода – да кому ж такое будет по душе! Однако и то, во что вылилось обсуждение предстоящих дебатов, сержанту категорически не нравилось.

В его собственном, северо-восточном округе столицы, где находились многочисленные фабрики, и жило множество рабочих, каждый день в последний месяц что-то, да случалось. Митинги и собрания, заседания политических кружков и дискуссии в каждой таверне. Одновременно с активистами ветеранских организаций откуда ни возьмись набежали горлопаны всех мастей. Кто-то твердил о необходимости объединяться в профсоюзы и бороться за права всех трудящихся, а не только ветеранов. Другой говорил, что пора пересмотреть всю систему государственного управления, поскольку нынешняя насквозь коррумпирована и занята обслу-

живанием только собственных интересов. Третий вообще призывал к свержению любой формы власти и возврату к древнему, общинному укладу жизни.

Очень часто подобные споры перерастали в свару, заканчивающуюся мордобоем. Несколько раз возникали пожары, иногда здания выгорали целиком. Поговаривали, что в районе начали замечать группки эльфов не из местных, преимущественно совсем молодых. Знакомый трактирщик как-то вечером доверительно поведал Игалаху, что такие «выскочки», как ему показалось, целенаправленно разжигают склоки, рассеиваются по толпе, а потом с разных мест начинают выкрикивать провокационные лозунги. Что самое неприятное, одновременно ухудшилась и общая обстановка с преступностью. В принципе, так бывало всегда – стоило закипеть по любому поводу и немедленно, словно пена над мясным бульоном, всплывали жулики всех мастей. Однако на этот раз к участвовавшим кражам добавились акты вандализма – кто-то начал бить стёкла и громить витрины лавок. Резко возрос спрос на металлические защитные решётки и ставни.

Печалило и то, что жертвами разгрома обычно оказывались магазины, принадлежащие гоблинам. Из-за этого ему приходилось чаще, чем раньше, общаться с ними. Но закон есть закон и перед ним равны все граждане страны, так что куда деваться от обязанностей?

Из-за всей этой кутерьмы городская стража и лично сержант Леомханн весь последний месяц вынуждены были вкалывать, как проклятые. Сон, досуг, время, проводимое с семьёй – всем этим в той или иной степени пришлось пожертвовать.

Некоторое время назад стало известно, что в магистрат поступили уведомления сразу от несколько политических партий о том, что они намерены провести митинг накануне недели, когда должны были состояться дебаты в Совете. И все указали местом собрания именно центральную площадь. Городские власти не рискнули отказать. В конце концов, рассудили они, проще иметь одно, пусть и шумное сборище, чем десятки мест, в любом из которых могли разгореться беспорядки.

По этой причине нынче, утром выходного дня, сержант Леомханн вместе с прочими городскими стражами стоял в оцеплении, обеспечивая безопасность.

Утешало одно – сегодня всё должно закончиться. Вряд ли во время будущих слушаний законодатели рискнут полностью проигнорировать мнение улиц. Значит, будет какой-то компромисс. И тогда общий накал страстей постепенно пойдёт на спад.

Так было всегда, Леомханн хорошо знал подобный сценарий. Следовательно, оставалось продержаться этот день. Ну, может быть, ещё несколько. А потом жизнь снова войдёт в привычное русло.

Он покосился на стоящего рядом новичка, молодого стража Куэллина. Тот возбуждённо озирался, держа наперевес длинную деревянную дубинку.

– Верни палку на пояс, сынок.

– Чего?

– Повесь дубинку на пояс, говорю.

– Почему?

– Сейчас начнут подходить первые колонны. Никто не должен видеть, что ты нервничаешь. Закон не психует, он стоит твёрдо.

– Да я... я вовсе не нервничаю.

– Ага.

Леомханн ещё раз осмотрел площадь. У подножия лестницы, ведущей к зданию Высшего Совета, техники заканчивали возню возле большого деревянного помоста. Украшенный цветами и лентами, он напоминал сцену на деревенской ярмарке, с которой бродячие актёры развлекают праздную публику. Единственным отличием были два огромных раструба звукоусилителей, установленные по бокам. Сам усиливающий механизм прятался под помостом, на его авансцене возвышалась тонкая труба, заканчивающаяся небольшой раковиной, которая

будет улавливать речи ораторов. Выше, на полпути к дверям здания Совета, лестницу перекрывали заграждения, за которыми стояли плотные ряды городской стражи. Основные силы правопорядка были сосредоточены именно там. Такие, как Леомханн и Куэллин, мобилизованные на время митинга из участков стражи на окраинах, должны были редкой цепью прикрывать боковые проспекты и улицы, вливающиеся подобно ручьям в огромное озеро площади. Их задачей было следить за порядком на периферии.

Ближе к полудню начали появляться первые группы демонстрантов. Некоторые шли неровными кучками, явно собираясь просто поглазеть на происходящее. Были одиночки. Кое-кто, как отметил намётанным глазом Леомханн, уже успел по дороге подкрепиться кружкой-другой горячительного. Это сержанту совсем не понравилось.

Затем потянулись организованные шествия – одно за другим. С плакатами и транспарантами. Публика собиралась весьма разношёрстная. Разумеется, была солидная колонна от «Партии ветеранов», ведь грядущие изменения касались их напрямую. Но это не значит, что бывших участников войны не было в других группах. Ветеранов хватало в рядах рабочих, причём не только эльфов, но и гоблинов. На них косо поглядывали участники митинга, пришедшие под транспарантами «Движения достоинства». Появление самих националистов вызвало многочисленные неодобрительные выкрики и свист со стороны либералов. Несмотря на то, что митинг касался в первую очередь старшего поколения, в толпе мелькало много совсем молодых лиц.

Примерно через час после полудня площадь заполнилась и митинг начался. Первым на трибуну поднялся представитель от «Партии ветеранов». Он произнёс напыщенную речь, в очередной раз напоминая о прошлой войне, понесённых жертвах и долге Империи перед теми, кто не допустил её окончательного поражения. Прошедшие через звукоусилитель слова приобретали необходимые металлические нотки пафоса и драматизма, после чего разносились над всей площадью.

Следом получил слово оратор от профсоюза машиностроителей. Он заявил о солидарности с позицией ветеранов, но на полпути свернул на излюбленную тему противостояния эксплуататорам и коррумпированным чиновникам. Особо досталось от него синдикату Руада Кетзуна, все примеры ущемления прав рабочих почему-то были связаны исключительно с ним.

Третьим на трибуну поднялся Руддрайг Бриттгерн. Его появление встретила волна протестующего свиста и выкриков, однако лидер «Движения достоинства» в своём выступлении ни разу не вспомнил про обычные лозунги доминирования эльфов над другими расами. Вместо этого он произнёс сдержанную, но удивительно толковую речь. Поддержав в самом начале ветеранов, он вскоре переключился на общие проблемы страны. Поскольку Бриттгерн не юлил, а называл вещи своими именами, собравшиеся на площади вскоре стали приветствовать каждый высказанный им тезис одобрительным шумом. Руддрайг закончил призывом к «возрождению нации».

– Соотечественники! – взывал он к толпе. – Нам очевидно, что беды ветеранов являются лишь частью проблем нашей великой Родины. Поэтому я призываю вас объединиться для их решения. Обретя чёткие цели и направив все силы на их достижение, мы сможем добиться благополучия не для какой-то одной группы населения, но для всех жителей Империи. Для начала мы настаиваем на реформе государственного управления. Любому непредвзятому наблюдателю очевидно, что должность канцлера изжила себя. Время этого «временного» поста закончилось много лет назад. Сейчас канцлер превратился в простого чиновника, который решает сиюминутные задачи вместо того, чтобы определять достойные цели для развития страны. Нам же необходим такой лидер, какой поведёт эльфов по пути возрождения достоинства, который ради этого не побоится отстаивать интересы Империи на международном уровне. Времена изменились. Период унижения нашего народа должен остаться в прошлом. Будущее обязано принадлежать нам, нашей возрождённой державе. Поэтому мы требуем не только отказа

от пересмотра выплат ветеранам. Мы настаиваем на отставке канцлера и возрождении древнего титула императора, возвращения в систему государственной власти настоящего лидера, а не клерка на побегушках. Мы также призываем вас объединиться вокруг требования пересмотра условий мирного договора, заключённого в Антанаире. Прошло уже достаточно лет, чтобы считать все долги выплаченными, настало время вернуть своё законное место на мировой арене. Мы не должны сражаться за кость, которую бросают нам нынешние хозяева мира. Наследникам древней цивилизации стыдно грызться между собой за крохи мяса с этой кости. Великая и поэтому единственная достойная цель для ныне живущих поколений – пробуждение нашей страны, восстановление её могущества и непререкаемого авторитета. Возрождение нашей гордости.

После финала речи Бриттгерна площадь взорвалась овацией. Почти никто из следующих ораторов не говорил больше о проблемах ветеранов и пересмотре компенсаций. Каждый хотел добавить что-то к идее кардинальных изменений. Лишь представитель социалистов попытался напомнить, зачем они собрались на этот митинг. Он осторожно заявил, что значительные изменения начинаются с небольших шагов и призвал для начала предъявить Высшему Совету список умеренных, выполнимых требований. Однако его предложение потонуло в возмущённых выкриках и негодующем свисте.

Поднявшийся следом на трибуну оратор заявил, что подобные трусливые настроения – прямой путь к поражению. Он задал вопрос – кто определяет, какие требования разумны, а какие – нет? Почему собравшиеся должны сами затыкать себе рот? Ради чего они должны идти на самоограничения и стыдиться своих требований? Разве заявленные цели недостойны или в чём-то унижительны? С каких пор голос народа эльфов, которому с древних времён принадлежало право распоряжаться своей судьбой, стал чем-то неважным? Когда власть перешла от народа к кучке коррумпированных бюрократов? Свою речь оратор закончил призывом сделать митинг бессрочным и не покидать площадь, пока требование реформы власти не будет выполнено. До тех пор, пока Империя не обретёт нового, достойного лидера.

Толпа ответила на этот призыв восторженным рёвом и пришла в движение. С окраин площади донеслись свистки. Служители порядка начали выстраиваться в шеренги.

По толпе пробежала цепочка возгласов: «Они хотят нас выдавить отсюда!». Голоса выкрикивали эту фразу в таком порядке, как будто через равные промежутки среди собравшихся вспыхивали сигнальные огни. Масса народа загудела, словно потревоженное осиное гнездо и волнами пошла навстречу городской страже.

Сержант Игалах Леомханн стоял, крепко расставив ноги, и ритмично постукивал дубинкой по раскрытой левой ладони в защитной перчатке. С тыльной стороны перчатку на костяшках пальцев закрывала кольчужная накладка. Сержант исподлобья рассматривал двигающуюся в их сторону неровными толчками толпу и слушал причитания Куэллина, стоявшего от него справа в цепи.

– Богиня, да что ж такое твориться, а? – бормотал себе под нос молодой эльф. В свою дубинку он вцепился двумя руками, но всё равно было видно, как дрожит её конец. Лицо новобранца под козырьком каски покрылось испариной.

– Чего они хотят?

– Надавать нам по заднице, чего же ещё, – Леомханн сплюнул перед собой и прикинул расстояние. Редкая цепочка конных стражей была впереди шагах в пяти, а за ней до надвигающейся толпы – ещё шагов двадцать пять, не больше.

– Но зачем? Это же митинг ветеранов. Ты ведь сам ветеран, верно, сержант? Так какого демона они на нас идут?

– Идут, потому что мы тут стоим. И им сейчас насрать, ветеран я или нет. Хоть бы у меня вся грудь медалями была увешана.

– Но зачем, зачем мы тут стоим? Если они хотят уйти, почему мы их не пропустим?

– Ты что, ничего не понял? Они как раз никуда не собираются уходить с площади.

– Н-но почему же они на нас идут тогда?

– Заткнись, сопляк, и стой на месте. – Толпу от ряда конных стражей отделяло уже не больше десяти шагов. – Не вздумай упасть, затопчут насмерть. Понял меня?

– П-п-понял.

– Не стучи зубами. Держись рядом. Я прикрою.

Сержант наклонился немного вперёд, перенёс вес на левую ногу. Положил дубинку на плечо, чтобы сразу пустить её в дело, когда потребуется. Сжал свободную ладонь в кулак. Выдохнул так, чтобы слышала вся цепь:

– Всем стоять, приготовиться!

Сидевший перед ними на лошади страж вскинул вверх руку с дубинкой, прокричал:

– Стойте! Именем закона приказываю вам остановиться!

Толпа замедлила шаг, но останавливаться явно не собиралась. Продолжала надвигаться на них, топчя брусчатку мостовой тысячами ног.

Конь фыркнул встревожено, попятился от приближающейся стены тел, звонко стукнул подковами по камню. Всадник удержал его, толкнул в бока пятками.

– Немедленно остановитесь! Вы нарушаете зако...

Из толпы вылетело несколько камней. Один врезался верховому в грудь, другой со звоном ударился о каску. Ещё один угодил в коня.

Тот шархнул. Страж вцепился в повод, чтобы не свалиться. Из-за спин переднего ряда толпы выскочили фигуры. Нижнюю часть лиц у них закрывали платки, завязанные, как у разбойников в дешёвых приключенческих романах. В руках атакующие сжимали палки, бывшие ещё недавно древками плакатов. У нескольких сержант успел заметить железные прутья.

Мгновение спустя боевики окружили всадников. Те колотили направо и налево дубинками, пытаясь отбиться. Конный страж напротив сержанта рванул повод, чтобы развернуть лошадь, растолкать окружающих. Леомханн заметил, как один из нападающих ударил коня по ногам железным прутком. Тот заржал, взвился на дыбы. Несколько рук тут же вцепились в пояс всадника, в портупею, и потащили его вниз. Страж свалился с седла, исчез в толпе и тут же в том месте над головами замелькали палки.

Сержант выругался. Толкнул в плечи соседей слева и справа:

– Вы и следующие за вами! Живо стройтесь в клин за мной! Остальные – сомкнуться и держать строй!

Он рванулся вперёд, прикрывая лицо левым предплечьем в толстом кожаном наруче. С ходу огрел поперёк спины какого-то эльфа, оказавшегося у него на пути, и тут же наотмашь врезал его соседу дубинкой по руке, в которой он держал палку. Тот завопил во всё горло. Вокруг заорали в ответ:

– Бьют! Они нас бьют!

Леомханн знал, что у него в запасе всего несколько секунд до того, как толпа переключится на них и просто затопчет. Он наклонился и врезался в кучу, сгрудившуюся над местом, где упал конный страж. На его счастье, конь, отчаянно брыкавшийся и ржавший неподалёку, рассеивал толпу, не давал ей сомкнуться.

Сержант действовал, как во время драки в таверне – никакой техники, никакого изящества. От души бил дубинкой, тут же добавлял кулаком и отбрасывал противника в сторону. Несколько раз ему доставалось тоже, но каска и кожаный панцирь пока спасали. Вопли позади подсказывали, что стражи за его спиной тоже трудятся, не покладая рук.

Какой-то щуплый эльф попытался ударить его сбоку железным прутком. Леомханн заметил движение краем глаза в последний момент, парировал резко, отклонив выпад. Тут же перехватил дубинку двумя руками и коротким тычком ударил того в лицо, прямо в закрытый плат-

ком рот. Под повязкой хрустнуло, и щуплый завизжал. Сержант ткнул его второй раз, в грудь, повалил на тех, кто напирал сзади. Отхлынувшая толпа освободила место, где упал всадник.

Тот лежал скорчившись, прижимая к груди правую руку, а левой закрывая голову. Один из нападавших пытался стащить с него шлем, другой замахивался и бил, бил, не переставая отобранной у стража дубинкой, будто орудовал киркой. Орал что-то неразборчивое с придыханием, лупил, не глядя – по бокам, по ногам, по поднятой руке.

Леомханн налетел на него сзади, сшиб с ног. Другой, что срывал с упавшего шлем, сам шарахнулся в сторону. Сержант широко махнул дубинкой, отгоняя остальных. Выкрикнул яростно, как когда-то давно, сходясь в рукопашной на бруствере редута:

– Убью гадов!

Нырнул вниз, подхватил избитого стража под плечи, потянул наверх. Тот застонал и плюнул кровавыми брызгами с разбитых губ.

«Вот твари!».

Он перехватил его левой рукой, почти взвалил себе на плечо. Выдохнул:

– Отходим, живо! Прикрывайте нас!

Потащил раненого в сторону улицы. Вокруг орали дурными голосами, стучали удары, ржали лошади. Леомханну вдруг стало страшно. Показалось, что ещё немного – и он услышит выстрелы. И чужие голоса будут кричать на незнакомом языке, а острые жала штыков снова с жутким хрустом вопьются в живые тела.

«Да что же это!».

Шеренга стражей расступилась, пропуская мечущегося коня без всадника, Леомханн нырнул следом за ним. Не останавливаясь, потащил раненого к паровому экипажу неотложной помощи, дежурившему шагах в пятидесяти от оцепления. Сердце бухало в груди, отдаваясь ударами в кирасу, в горло, в виски.

Целитель, совсем молодой парень, подбежал к ним, подхватил раненого с другой стороны.

– Сюда. Опускайте здесь, возле машины. Сейчас я его осмотрю.

Сержант поймал его за плечо, хотел приказать – и не смог. Горло выдало только хрип. Он помотал головой, резко вздохнул пару раз. Наконец выдавил.

– Нет. Проваливайте отсюда. Грузите раненых и уезжайте.

Целитель возразил:

– Но...

– Заткнись, мальчишка, и делай, что я говорю! Скорее убирайтесь, хотя бы на пару кварталов. Мы их не удержим.

Он оглянулся. К ним вели ещё нескольких пострадавших стражей. У одного, без каски, половину лица заливала кровь. Лошади без седоков металась по улице, лишь один всадник из пяти смог выбраться с площади верхом. Цепь пятилась назад, отмахиваясь от напиравшей толпы дубинками. С той стороны летели камни и проклятия.

Леомханн снова повернулся к целителю:

– Живо! Сажай их, как хочешь, хоть вповалку, и уносите ноги.

Через полминуты они закончили. Водитель, бледный, весь в поту, постоянно оглядывался назад и трясущимися губами твердил:

– Быстрее, быстрее! Шевелитесь!

Сержант едва сдержался, чтобы не дать ему в зубы. Наконец экипаж сорвался с места и покотился прочь. Леомханн повернулся. Шеренга стражей уже отступила шагов на тридцать от выхода с площади. Он выругался.

Потом перехватил дубинку покрепче и побежал в строй. Вклинился в цепь, бросил взгляд по сторонам. Узнал рядом Куэллина, у того на скуле багровела свежая ссадина.

Сержант едва успел заметить летевший ему в голову камень и увернуться от него.

Выкрикнул команду:

– Отходим! Медленно, не бежим! До следующего перекрёстка! Пошли!

Цепь продолжила пятиться.

Напиравшая толпа остановилась, разразившись торжествующими криками. Вслед отступающим стражам полетели камни и палки. Почти сразу за этим послышались возгласы:

– Баррикада! Нужно строить баррикаду! Тогда они не сунутся сюда!

– Верно! Правильно! Эй, крушите витрины, тащи мебель!

Зазвенели разбитые стёкла. Возле входа в один из магазинов тут же возникла заминка. Какой-то молодой эльф в повязке на лице оттолкнул в сторону явно нетрезвого детину. Тот возмутился:

– Эй, ты чего!

Молодой прошипел:

– Тебе что, мало магазинов гоблинов? Весь центр ими засижен, как куча навоза мухами.

Иди их разноси!

– Да какая тебе разница, сопляк, а? – Детина явно разозлился.

– Большая, – ответил молодой, и рядом с ним незаметно образовалась плотная группка таких же, как он. С лицами, закрытыми платками и железными прутьями в руках.

– Мы не громим своих. И другим не позволим.

Детина подался было вперёд, но вовремя оценил, что ситуация складывается не в его пользу. Скривился и плюнул презрительно.

– Да мне без разницы.

Отвернулся и запустил камнем в окно второго этажа.

– Круши их, ребята! Всю мебель – на улицу.

За его спиной один из группы молодых наклонился к вожаку:

– Ну что, Сет, что дальше-то делаем?

Тот неодобрительно оглянулся.

– Для начала – не называем никаких имён, дубина, как договаривались. А дальше – всё по плану. Строим баррикады и следим за порядком. Пошли.

Глава 6. Сомнения

«Слушать, думать и говорить искренне. Вот в чём секрет. Умные мужчины ценят это. На всех прочих не стоит тратить время».
Несса Перрстерин. «Сильные мира сего».

Вечерний воздух проникал сквозь приоткрытое окно, вливался в узкий промежуток между бархатными портьерами, прохладными волнами обдувал разгорячённую кожу. Смешивался с приятной истомой мышц, отходивших от недавнего напряжения, с мягким покалыванием в затылке, оставшемся после возбуждения. Шум города, приглушённый небольшим садом за окнами, казался слабым и далёким.

Анлуадд Маннавид любил это место. Небольшой дом входил в число тех, что принадлежали ему не напрямую, а через одну из подконтрольных фирм. Скромная резиденция, объект инвестирования. При этом он находился в очень удачном месте. Рядом с деловым центром столицы, так что приглушённое биение её пульса всегда ощущалось здесь отдалённым гомоном толпы, гудками кораблей, плывущих по Груинне, свистками паровозов, доносившихся с центрального вокзала за рекой. И одновременно это был укромный уголок, спрятанный между двумя кварталами, сразу за небольшим парком. Ещё одним удобством было то, что квартал справа целиком занимало министерство транспорта и торговли. В бесконечно кружащемся вокруг него потоке экипажей, посетителей и служащих было очень легко затеряться.

Идеальное место для встреч, о которых никто не должен знать.

Он закинул руку за голову, посмотрел налево.

Несса лежала на животе и ощипывала виноград с грозди на серебряном блюде, наполненном фруктами. Блюдо вместе с графином вина и двумя бокалами помещалось на низком столике возле кровати.

Заметила его движение, повернула голову, улыбнулась.

– Хочешь?

Он улыбнулся в ответ.

– Если не жалко.

– Для тебя, мой милый – нет. Открой рот.

Виноградина была плотной, с толстой кожей и сладкой. Своеобразный вкус, отдававший далёкими заморскими краями. Разумеется, ведь в это время года зрелый виноград можно привезти только с другого конца света.

Несса поднесла к его лицу ещё одну ягоду. Он снова послушно открыл рот. Она сделала обманное движение, словно отпускает виноградину, звонко рассмеялась, когда он попался на уловку. Потом взяла виноградину в губы и передала её ему вместе с поцелуем.

Губы у неё были сладкие и жаркие.

Он прижал ладонь к щеке Нессы, провёл вверх, зарылся пальцами в пряди волос. Она приподнялась над ним, её глаза в сумерках казались совсем тёмными.

– Ты чем-то обеспокоен сегодня.

Это прозвучало как утверждение, а не вопрос.

– Так заметно?

– Ещё бы. И это не ваша обычная мужская привычка, когда вы сразу после обладания женщиной начинаете думать о том, как теперь завоевать весь остальной мир. Тебя что-то гложет постоянно.

Отпираться не имело смысла, да и не хотелось.

– Неопределённость.

Она наклонила голову, заинтересованно изогнула брови, затем подвинула поближе подушку, легла на неё грудью, а подбородком оперлась на его плечо.

– Расскажи.

– Это всё на самом деле скука смертная. Политика.

– Ничего страшного. Если мне станет скучно, я скажу. Обещаю.

Анлуадд задумался. Полминуты спустя Несса мягко постучала пальцем ему по груди.

– Увиливаешь от ответа.

– Просто не знаю, с чего начать.

– Тебя беспокоит вся эта возня в центре? Митинг, беспорядки?

– Вовсе нет.

– А вот меня – да. Говорят, там разгромили все магазины.

– И что?

– Один из них мне нравился. Там продавали шикарные платья.

Он покосился на неё.

– Странно. Не думал, что там есть что-то в твоём стиле.

– Да? Думаешь, что я не могу выглядеть, как дама из высшего общества?

– Уверен, что можешь.

– То-то же. Тогда что? Требования ветеранов? Какое тебе до них дело?

Анлуадд пожал плечами.

– Абсолютно никакого. Да и не в ветеранах там дело на самом деле.

– А в чём же?

– Власть, милая, власть. Вся эта каша заварилась с одной целью – убрать канцлера.

Несса молчала несколько секунд.

– Речь об императоре? Новом?

Он кивнул.

– Ну что же, это хорошо. Давно пора. Страна с нынешним канцлером похожа на хроющую собаку.

– Да? Почему?

– Может только лаять. И всё. А в остальном даже за кроликом не угонится.

Анлуадд улыбнулся.

– Весьма ёмкое сравнение.

– Главное, что верное. Но дело же не в этом, да? Тебе предложили кого-то поддержать, а ты не знаешь, стоит ли это делать?

– Как ты догадалась?

– Ты – важная персона. Вряд ли бы о тебе забыли.

– Спасибо.

– Это не лесть, милый. Это признание фактов. Твой статус всегда учитывается в расчётах.

– В твоих тоже?

Она приподнялась на локте и посмотрела ему в глаза. Серьёзно.

– Разумеется. Я же не юная наивная девушка.

Он пошевелил рукой, на которой она лежала, коснулся пальцами её бедра.

– Спасибо.

– За что на этот раз?

– За честность.

Несса фыркнула.

– Мне нет никакого смысла водить тебя за нос. У нас с тобой максимально открытые и доверительные отношения.

– И это мне нравится. Помимо всего... остального.

Он легонько ущипнул её за кожу. Несса игриво качнула бёдрами.

- Ну, так возвращаясь к твоему кандидату. Она красивая?
- Как ты догадалась, что это она?
- Будь это мужчина, ты бы уже наверняка просчитал его и не мучился сомнениями.

Верно?

Анлуадд кивнул.

«Она умница».

– Красивая. И ещё в ней есть что-то помимо этого. Какая-то скрытая энергетика.

– Уверен? Просто обычно вы, мужчины, какими бы взрослыми и опытными не стали, всё равно не можете воспринимать женщину отдельно от её половой принадлежности. Даже если умом вы способны разложить остальное на отдельные части, понять мотивы, интересы. Стоит вам её потом увидеть, и вся картина снова смазывается. Сколько ей лет?

– Примерно, как тебе.

– Ого! Ну, тогда всё ясно.

Он поморщился.

– Ничего подобного. Да, она хороша собой и это большой плюс, когда дойдёт до народной поддержки. Но повторю – в ней есть что-то ещё. То, как она держит себя, как говорит, какое впечатление производит на окружающих. Не на меня одного.

– Скажи мне, сколько раз ты с ней встречался?

– Один.

– На этой встрече были другие женщины?

– Нет.

– Вот видишь! Собралась компания мужчин, наверное, выпили немножко – было такое?

– Я не пил.

– Допустим. И всё же. Вам, соборищу самцов, показывают красивую женщину, и вы тут же ощущаете странную энергетiku...

– Несса, я говорю серьёзно...

– Я тоже! Первый взгляд мужчины на женщину – всегда оценка её, как полового партнёра, если только она не годится ему в матери или в бабушки. Хотя и тут бывают исключения.

Анлуадд покачал головой.

– Несса, ты совсем недавно сказала, что хорошо представляешь, кто я на самом деле. Как думаешь, смог бы я достичь своего положения, если бы не научился отделять эмоциональные впечатления от трезвой оценки?

Она замолчала, потом легонько поскребла ногтем его кожу.

– Извини.

– Не за что. Возможно, ты права. Было бы неплохо тебе увидеть её самой.

Несса удивлённо подняла брови.

– Каким это образом?

– Если всё пойдёт, как задумано, у тебя скоро будет масса возможностей.

– Значит, уже есть план? Но ты пока не решил, стоит ли тебе садиться в этот поезд?

– Вот именно.

– Тогда поступи просто. Представь, что ты можешь потерять, сев в него.

– Всего-то?

– Конечно. Простые решения – самые лучшие. Я, например, всегда так делаю. Помнишь нашу первую встречу?

Он кивнул.

– Твой громила-шофёр передал мне записку. Кстати, меня здорово позабавила вся эта таинственность, как в авантюрных романах – письмо без подписи, без указания адреса, куда он меня должен отвезти.

– Но ты согласилась.

– Да.

– Было страшно?

– Любопытно. Лекарство от страха я всегда ношу с собой.

Она кивнула в сторону кресла, к которому была прислонена трость. Маннавид теперь знал точно, что в ней прятался стальной клинок.

– И не забудь про два кинжала в сапогах.

Он помнил. Когда на втором их свидании дело дошло до постели, она показала ему два небольших ножа и пояснила, что выросла в условиях, когда девушке нужно было иметь под руками парочку весомых аргументов в пользу права самой делать выбор, с кем ей нравится общаться, а с кем – нет.

– Но риск всё равно был.

– Конечно. В этом-то всё и дело. В умении оценить риски и перспективы.

На этот раз удивлённо поднял брови он. Его любовница рассуждала, словно биржевой маклер.

– Что ты так округлил глаза? Твоё письмо было написано на хорошей бумаге, ровным почерком. Не похоже, чтобы его писал психопат. Громила был здоровенным, конечно, но – а каким ещё должен быть посыльный? По крайней мере, он был чист, от него пахло хорошей парфюмерией. Плюс свежие манжеты и воротничок. А также дорогие перчатки и обувь.

– Ты наблюдательна. Из тебя бы вышел неплохой детектив.

– Милый, из меня могло бы выйти много чего, но мне нравится тот вариант, что есть сейчас. Не обо мне речь. Я всё это рассказываю просто, как пример. В тот момент, когда я оценила ситуацию, твоего посыльного и потенциальные риски, то подумала – что я потеряю, если поеду? В самом плохом случае – жизнь, если меня смогут застать врасплох. Во всех прочих вариантах шансы выкрутиться были достаточно высоки. Потом я подумала, чего лишусь, если не поеду. А вот тут был подвох.

– Какой?

– Я не знала! В этом всегда главная загвоздка. Когда отказываешься от чего-то неизвестного, никогда не знаешь, чего можешь лишиться. Возможно, это лучший шанс в твоей жизни. Может быть – проигрыш или потерянное время. Узнать об этом можно, только если удастся получить больше информации. Ты, например, знаешь, что можешь потерять, если откажешься поддержать её?

Он пожал плечами.

– Скорее всего – ничего. К счастью, я нахожусь на том уровне, что с моим статусом будут считаться в любом случае – как ты и сказала.

Она кивнула.

– Хорошо. А что ты приобретёшь, если поддержишь эту кандидатуру? Что-то можно предположить?

– Обычные вещи взамен политической поддержки. Расширение влияния, первоочередные заказы, государственные контракты. Возможно – пост в правительстве.

– Последнее я бы исключила из расчётов.

– Почему?

– Если вдруг она окажется плохим лидером, отдуваться за ошибки придётся всем. Хуже того, вину за общие просчёты могут взвалить на кого-то одного. На тебя, например. Если ты не будешь частью системы, такого не случится.

Некоторое время он смотрел на неё молча, а потом притянул к себе и поцеловал.

Сказал серьёзно:

– Я рад, что поручил тогда Мирддону разыскать тебя. И тому, что ты приняла моё приглашение.

Она кокетливо стукнула его пальчиком по носу.

– Мне тоже нравится, как всё получилось. Есть ещё что-то, что тебя во всём этом беспокоит?

– Да. Её амбиции.

– Что с ними не так?

– Я не знаю, насколько далеко она готова зайти.

– А если предположить крайний вариант?

– Дело может кончиться войной.

– Так серьёзно?

– Почти наверняка.

– И каковы шансы на успех?

– В войне? Никогда не угадаешь. Эта капризная сволочь играет по своим правилам. Её легко разбудить, а вот предсказать исход очень сложно. Слишком много факторов.

– Тогда сосредоточься на той части, которая может коснуться лично тебя. Не думаю, что ты или кто-то из твоей семьи попадёте в армию.

Он усмехнулся.

– Это крайне маловероятно.

– Хорошо. Тогда подумай, как война скажется на твоих делах.

– Я это знаю и так, по опыту прошлой драки. Увеличение государственных заказов, запрет на профсоюзы. В случае победы – освоение новых рынков.

– То есть ты в любом случае в плюсе?

– Не в убытке, как минимум. Да, возможно, что опять будут ограничения в уровне жизни, снова придётся переходить на рыбное меню.

Он демонстративно поёжился. Несса рассмеялась:

– Ты эгоист и неженка. Не готов поступиться комфортом ради величия Родины.

– Предпочитаю более материальные вещи. Вроде гарантированной нормы прибыли.

Она оперлась предплечьями на его грудь, положила голову на руки.

– В этом наше с тобой преимущество. Мы реалисты. Оба любим простые практические материи.

Стенные часы отбили время. Несса покосилась в их сторону.

– Богиня, уже так поздно!

Подалась вперёд и чмокнула его в щёку.

– Мне пора, милый.

– Конечно. Мирддон отвезёт тебя в театр, потом вернётся за мной.

– Спасибо.

Она выскользнула из постели, прошла по комнате, грациозно потянулась. Анлуадд наблюдал за ней с наслаждением. Потом поинтересовался как бы невзначай:

– «Мистический Бедвин» тебя больше не беспокоит?

Несса обернулась.

– Нет.

Потом добавила.

– Знаешь, мне до сих пор немного неприятно, каким образом твои громилы с ним обошлись. Он, конечно, в последнее время был страшным занудой, и я сама искала удобного случая, чтобы избавиться от него, но всё же...

Он махнул рукой.

– Ребята Мирддона были с ним аккуратны, как с ребёнком. Ничего не сломали. А что касается лица, так ведь он всё равно выступает в маске. Просто его истерики стали привлекать слишком много внимания. Мне не хотелось, чтобы за тобой постоянно таскались репортёры. Нужно было его уговорить, раз и навсегда. Это был наиболее рациональный способ решения проблемы.

В ответе, падавшем с улицы на её лицо, он увидел, что Несса улыбается.

Он проследил, как она скрылась за дверью ванной комнаты, стройная, гибкая и волнующая. Услышал шум воды, откинулся на подушку, заложив за голову руки. Подумал:

«Удачно я тогда выглянул в окно. Очень удачно».

На сердце у него было спокойно, впервые за все последние дни.

Глава 7. Вопрос цены

«Политика – квинтэссенция торговли. Торговцы древности нанимали для своих караванов охранников, которые затем стали королями. Сила опирается на деньги, деньги процветают под защитой силы. В конце концов круг замыкается».

Таредд Сеанимар. «Сто лет на службе Империи. Мемуары».

Вино сегодня можно было пить без опаски – его доставили прямиком из личных запасов Маннавида. Аренду зала для приёмов в закрытой части лучшего делового клуба столицы оплатил Тедельмидд Глеввин. Вышколенная прислуга, нанятая Лиэндевиллем, сновала между гостями, разнося напитки и лёгкие закуски.

Несмотря на то, что за окнами было уже по-летнему жарко, в зале царила приятная прохлада. Закачиваемый системой вентиляции воздух проходил вначале через камеры в подвале, где ледяные блоки были сложены в гигантскую решётку. Проводить такую важную встречу при открытых окнах было бы неоправданным легкомыслием.

Анлуадд был весел и общителен, расхаживал между гостями и успокаивал недовольство новичков – в точности, как Тед во время первого собрания. Многие из присутствующих на этот раз прибыли сюда по его личному приглашению. Не то чтобы он настолько заботился об их процветании. Просто это была разумная стратегия. Распределение рисков на большее число участников на случай неудачи и сохранение сложившейся структуры деловых связей в случае успеха.

Накануне они обсудили все варианты с Тедельмиддом с глазу на глаз. Под конец разговора Анлуадд поинтересовался:

– Тед, ты же понимаешь, чем всё это может закончиться?

Тот хмыкнул:

– Войной? Искренне на это надеюсь. Если она сможет вернуть Империи порты на юге или хотя бы часть из них, я буду знать, что не зря ввязался в игру.

Пояснений не требовалось. До Великой войны Глеввин владел долей во всех судостроительных компаниях страны, а крупнейшие верфи Судгеата, расположенные в устье Миддеана, принадлежали ему целиком. Анлуадд знал, насколько болезненно приятель переживал утрату этих активов, сколько горечи на самом деле пряталось за его внешним благодушием.

– То есть – никаких сомнений?

– Абсолютно. И мне в любом случае понадобится вся сталь, которую ты сможешь выплавить. Я ведь могу на тебя рассчитывать?

Анлуадд улыбнулся и протянул ему руку.

– Полностью. Я в деле.

Поразмыслив перед этим на досуге, он пришёл к похожим выводам. Правда, его гораздо больше интересовали угольные месторождения Талламхира. Возвращение их под контроль Империи значительно снизило бы долю цены на уголь в себестоимости его продукции. Что обязательно увеличило бы то, что всегда интересовало Маннавида больше всего.

Гарантированную норму прибыли.

В этот раз генерал Инберрон облачился в парадный мундир с золотым шитьём. Правда, от наград опять отказался. Ограничился орденой колодкой и «Звездой Империи». Речь, произнесённая им, была совсем краткой. Лидер «Партии ветеранов» лишь поблагодарил «избранных друзей» за помощь в организации встречи, поприветствовал новых гостей и объявил «нашего кандидата».

Появление Арвеллины Мидиртродд снова произвело тот же эффект. Маннавид, помня о рассуждениях Нессы, изо всех сил старался изгнать из сознания любой сексуальный подтекст. Несмотря на это, сложно было избавиться от чувства, что её присутствие изменило общую атмосферу в зале – свет, звук, нечто неуловимое.

Арвеллина была одета в летний наряд – лёгкое платье бежевого цвета, рукава до середины предплечий, а более короткая юбка открывает туфли из светло-коричневой замши. Волосы собраны в плетённый пучок на затылке, из украшений – только необходимый минимум. Простые серьги с продолговатыми жемчужинами и скромное ожерелье на шее, на этот раз не скрытой воротником. Косметика создавала именно ту иллюзию, когда кажется, что ей не пользовались вовсе, настолько естественной казалась её внешность.

Она не стала произносить пафосных речей. Поблагодарила собравшихся, с теплотой в голосе отметила, что рада видеть уже знакомые лица. У Маннавида в этот момент опять возникло чувство, что она обращалась лично к нему, игнорируя всех остальных.

Затем Арвеллина предложила гостям садиться. Все расселись по креслам и диванам, выстроенным в полукруг, слуги расставили на столиках подносы с фруктами и закусками, графины с вином, после чего удалились.

Анлуадд отметил, что на этот раз Арвеллина не была единственной женщиной среди присутствующих. В зале оказались также трое эльфиек, представлявших крупный бизнес – две сестры, владевшие на пару примерно половиной рынка всей производимой в Империи шерсти и наследница горнодобывающей династии из Бриммердаля, с абсолютно нетипичной для северянки внешностью. Индиллира Банрионн была жгучей брюнеткой, что гораздо больше подошло бы уроженке Эсолентгсхора. Лишь голубые глаза мерцали холодным северным светом. Несмотря на то, что она была ровесницей Маннавида, в её волосах ещё не угадывалось ни одной седой пряди, да и в целом Индиллира выглядела значительно моложе своих лет.

Ещё одна женщина прибыла на встречу со стороны «Партии ветеранов». Очевидно, что ей было немало лет, скорее всего около двухсот. Тем не менее, фигура её до сих пор не утратила формы, седые волосы стянуты в гладкий узел. Никаких украшений, на лице от виска до середины щеки тянулась белёсая нитка старого шрама. Одетая незнакомка была в старомодный мундир без эполет и каких-либо знаков различия. Маннавид помнил, что в своё время подобную форму носили офицеры контрразведки.

Арвеллина сразу перешла к делу.

– Итак, господа, как вы знаете – или уже догадались – целью «Партии ветеранов» на этой встрече будет получение помощи от вас. За последние недели мы сами смогли добиться многого. Совет отклонил законопроект о пересмотре выплат ветеранам, а кроме того, инициировал расследование в отношении его автора – представителя Леминндаля. Также ревизионная комиссия казначейства объявила о внеплановой проверке в министерстве торговли и транспорта. Все прекрасно понимают, что цель этих действий – выявить след возможного участия в последних событиях хорошо известного вам Руада Кетзуна.

По лицам собравшихся пробежали кривые усмешки.

– Думаю, что присутствующие здесь не питают иллюзий относительно того, что подобный след удастся отыскать. Старый гоблин слишком осторожен, чтобы его можно было поймать на такой ерунде.

На этот раз к усмешкам добавилось согласное бормотание и перешёптывание.

– Сразу хочу вас заверить – нас весьма мало заботит успех или неудача начатых расследований. У меня и моих товарищей по партии нет заблуждений относительно природы коррупции. Также нас не интересует охота на крыс. Мы рассчитываем – с вашей помощью – полностью перестроить систему. Достичь этого можно единственным способом. Восстановить, а затем завоевать высшую форму исполнительной власти в стране. Императорский пост.

Арвеллина выдержала точно отмеренную паузу, затем продолжила.

– Для этого у нас сейчас есть всё необходимое. Отмена слушаний в Совете, привлечение внимания к беспомощности нынешней власти канцлера, к циничному эгоизму политической элиты – всё это обеспечило нам широкую поддержку в народе. Митинг на площади Империи продолжается, и его участники не намерены сдаваться. Более того, мы знаем, что с разных концов страны в столицу съезжаются группы неравнодушных граждан для того, чтобы принять в нём участие.

Один из гостей пробурчал что-то себе под нос. Арвеллина повернула голову в его сторону.

– Пожалуйста, если вы хотите что-то сказать – говорите. Организовывая эту встречу, мы надеялись на честный, открытый диалог.

– Госпожа Мидиртродд, нам хорошо известна не только внешняя сторона, о которой вы говорите. Я думаю, все присутствующие осведомлены, что митинг на центральной площади не является стихийным сборищем, как об этом трезвонят в газетах. Что есть организованная поставка продуктов для собравшихся, вывоз нечистот, медицинская помощь, даже ротация участников. Что якобы добровольные группы из провинций едут сюда потому, что кто-то оплатил им билеты, выдал еду в дорогу и деньги на карманные расходы. Всё это мы знаем. Как и то, что часть этих «активистов» прибывает в столицу вовсе не для участия в митинге, а чтобы устроить провокации и беспорядки.

Арвеллина даже бровью не повела.

– У меня не было в планах скармливать вам газетную пропаганду. Разумеется, что «Партия ветеранов» вместе с поддерживающими нас патриотическими движениями занимается технической стороной организации протестов. А вы бы предпочли стихийный бунт? Пьяные толпы на улицах, громящие магазины? Горящие баррикады?

– Но признайте, – подал голос ещё один гость. – Без погромов и баррикад всё же не обошлось. Окрестности площади Империи пострадали.

– Да. Но скажите мне, знаете ли вы, кому в основном принадлежали разгромленные магазины?

Собравшиеся переглянулись. Арвеллина удовлетворённо кивнула и продолжила.

– Вы уже всё поняли. Почти весь ущерб пришёлся на предприятия гоблинов. Деловые интересы эльфов пострадали в самой незначительной степени. Максимум – парочка разбитых витрин. Более того, мне известно, что владельцам-эльфам никто не препятствовал в доступе к их имуществу, в возможности вывезти товар в другое место. Наоборот, я знаю, что добровольцы, обеспечивающие порядок на площади, помогали им в этом.

– Вы хорошо осведомлены о деталях, – проворчал кто-то.

– Конечно. Раз уж «Партия ветеранов» взялась контролировать этот процесс, мы обязаны вникать во все подробности, иначе вместо достижения конкретных целей получим неуправляемый хаос. Теперь что касается тех «активистов», которые якобы едут в столицу, чтобы провоцировать и громить. Думаю, вы догадываетесь, что не всем в Совете по душе наши требования. Тем, за чьими спинами стоит капитал гоблинов, мы вообще, как кость в горле. Их вполне устраивала нынешняя прогнившая государственная система, в которой они могли манипулировать казёнными деньгами, правами трудящихся эльфов и набивать свой карман. Разумеется, что они не будут сдаваться без боя.

– И что вы намерены предпринять?

Арвеллина улыбнулась. Великолепной, лучистой улыбкой.

– Вы задали прекрасный вопрос. И ответ на него подчеркнёт отличие нашего движения от всех прочих политических сил. Мы не «намерены», как они, мы уже действуем. Через членов «Партии ветеранов», работающих в Службе городской стражи, мы собираем информацию обо всех потенциальных провокаторах. Или передаём её им, если узнаём первыми. Наши доб-

ровольцы следят за всеми такими «гастролёрами» и при первых признаках нарушения закона сообщают стражам.

– Должно быть, у вас много добровольцев, раз вы успеваете делать столько дел сразу.

– Когда я говорила о «широкой поддержке», это не было бравадой, вы уж поверьте.

Снова подал голос первый, скептически настроенный гость:

– Ну хорошо, допустим, что текущие протесты в столице под вашим контролем. Что мешает вам самостоятельно взять власть? Просто отправить толпу с площади на штурм здания Совета? Им для этого достаточно пройти не больше ста шагов по лестнице.

– И получить в итоге – что? Повод для действующей власти применить силу? Возможные жертвы? Дать нашим противникам беспроигрышный шанс заявить в любой момент о нелегитимности нового правительства? Сложности с международным признанием? Гражданскую войну, наконец? Нет, господа, нас интересует абсолютная прозрачность и законность. Соблюдение, по возможности, максимального числа процедур.

– Ваш митинг не очень хорошо вписывается в понятие «законность».

– Во-первых, это не «наш митинг». Это проявление накопившегося стихийного протеста, раздражения от несправедливости, от жизни без надежды на достойное будущее. Мы лишь придали всему этому подобающую форму и указали способ решения. Во-вторых, митинг проходит на вполне законных основаниях, магистрат получил запрос и подтвердил право его проведения.

– Но митинг идёт уже третью неделю!

Арвеллина усмехнулась.

– Если вы дадите себе труд прочитать любую официальную бумагу, относящуюся к этому делу – запрос, решение магистрата – то вы найдёте там только одну дату. Начало митинга. Нет ни единого слова о сроках его окончания. Более того, ни один закон Империи не содержит каких-то ограничений на естественное право народа эльфов на собрания и выражение своего мнения.

Индиллира Банрионн рассмеялась.

– Мне нравится ваш подход к делу. Но давайте я задам один вопрос, который тревожит здесь всех, но который почему-то стесняются задать. Меня всё это пока почти не коснулось, мои предприятия, хвала Богине, находятся достаточно далеко от столицы. Но вот у тех, кто ведёт дела здесь, наверняка уже начались проблемы. Я говорю о том, что те, кто торчат сейчас на площади Империи, не выходят на работу. Ваш политический протест наверняка аукнулся кое-кому из присутствующих непредвиденной и несогласованной стачкой.

Кое-кто из присутствующих закивал головой.

Арвеллина согласилась:

– Да, это действительно проблема. Мне жаль, что происходящее доставляет вам неудобство, но другого способа исправить положение нет. Вы же не думаете, что Высший Совет зашевелился бы, не имея под носом такого наглядного стимула? Особенность нынешней политической системы в том, что её участники всегда рассчитывают решить возникающие вопросы путём подковёрной возни и маневрирования. Серьёзных, радикальных перемен таким способом достичь невозможно, тут нужна сильная встряска. В том числе и по этой причине мы собрали вас сегодня. Помогите нам провести нужные решения, и страна вернётся к нормальной жизни. А вы получите необходимую компенсацию.

Все оживились, но Индиллира снова высказалась первой.

– Ну, наконец-то! Кажется, сейчас мы перейдём к делу. Поэтому сразу сформулирую вопрос – зачем нам всё это? Ради чего мы должны поддержать вас?

Арвеллина посмотрела на неё внимательно. Без улыбки.

– Я ценю вашу иронию, госпожа Банрионн. Не буду сейчас углубляться в рассуждения о том, что никто из нас не существует в пустоте. Что никакие деньги и влияние не спасали

никого от расхождения с ходом истории. Что требуемые естественными процессами изменения всегда происходят, так или иначе. И что искусство политического лидера, мыслителя или предпринимателя в том и заключается, чтобы вовремя заметить, понять назревающие перемены, и направить свои усилия в одну сторону с ними. Обычно история не сохраняет нам имён тех, кто пошёл против её течения. Это всё слишком отвлечённые темы, что тратить на них ваше драгоценное время. Скажу проще, языком, который понятен всем присутствующим. Деньги. Вот плата за вашу поддержку. Сразу после прихода к власти мы намерены расчистить экономическое пространство Империи, снять с доски лишние фигуры.

– Вы имеете в виду кого-то конкретного?

– Да. Более того, у приглашённых на эту встречу есть уникальная возможность. Вы сможете выбрать, какие из фигур упадут первыми. Единственное условие – речь должна идти о гоблинах.

Стало тихо. Все переглядывались какое-то время, потом кто-то поинтересовался:

– Верно ли я понимаю...

Арвеллина не дала ему закончить:

– Абсолютно. Вы называете имена своих конкурентов, мы выводим их из игры. Вы получаете их долю рынка, производственные мощности – по упрощённой процедуре. Всё, кроме наличных денег и остатков на счетах. Это пойдёт на другие цели.

– Какие, если не секрет?

– Для вас – не секрет. Да и в дальнейшем мы не планируем скрывать наши планы. Наоборот, мы намерены провозгласить их открыто, зная, что эти идеи зажгут в сердцах эльфов тот огонь, которого там не доставало все последние годы. Наша цель, господа – возрождение Империи, восстановление влияния, возврат всех земель, когда-либо отторгнутых от территории, принадлежавшей нашим предкам. И в итоге – достижение твёрдого, безоговорочного доминирования нашей расы в этой части мира.

Снова несколько секунд молчания. Затем кто-то заметил тихо.

– Весьма... амбициозный проект.

– Да. Но в то же время – весьма вдохновляющий, вы не находите? Такой, который придаст смысл существованию всего нынешнего поколения эльфов. Для вас же он в первую очередь означает, что промышленность страны, её деловой сектор, будут обеспечены заказами на долгие годы вперёд.

Это все поняли и без её слов. В зале почувствовалось возбуждение, словно дохнуло электричеством перед грозой.

– Такой обширный проект потребует колоссальных инвестиций, – осторожно сказала одна из сестёр.

Арвеллина утвердительно кивнула.

– Несомненно.

– И что же послужит источником финансирования?

– Не что – кто. Мы столетиями позволяли гоблинам наживаться, пользуясь всеми возможностями Империи, которую они не создавали. Я не собираюсь осуждать давнее решение императрицы Умбреидды, в своё время оно было абсолютно оправданным. Но из-за того, что оно было сохранено на постоянной основе, тот тактический выигрыш обернулся стратегическим просчётом. Гоблины, этот народ без родины, раса, не имеющая понятия о патриотизме, подмяли под себя слишком много областей жизни. Их не сковывает ни культура, ни философия, ни этические нормы. Они рассеяны по свету и, в отличие от эльфов, никогда не становились предметом агрессии со стороны людей. Теперь пришло время отдавать долги. Не сразу, постепенно, но мы твёрдо намерены выдавить гоблинов из экономической жизни Империи, из самой её структуры. У них больше нет ничего, что не могли бы с успехом предложить эльфы. Никаких уникальных знаний, навыков или отраслей. Время гоблинов должно закончиться, их

собственность передана в руки нашего народа, а оборотные средства направлены на действительно великие цели. Они должны заплатить – и они заплатят.

– Вряд ли гоблинам понравится такой подход.

– В новом государстве, которое мы построим, мнение гоблинов не будет входить в число факторов, имеющих вес.

– Как же вы собираетесь с ними поступить? С самими гоблинами?

Арвеллина пожала плечами.

– Мы заставим их делать то, ради чего они когда-то по легенде были созданы Великой Богиней – работать. Старый добрый ручной труд. Дешёвая рабочая сила. То, что будет очень востребовано в деле возрождения страны.

Возбуждение в зале возрастало, некоторые гости о чём-то перешёптывались друг с другом. Маннавид заметил весёлые глаза Глеввина. Тед подмигнул ему.

Наконец гость-скептик задал ещё один вопрос.

– Госпожа Мидиртродд, вы отдаёте себе отчёт, что подобные намерения неизбежно привлекут международное внимание? Что любая попытка вернуть часть прежней территории может быть расценена, как нарушение мирного договора?

Арвеллина вежливо улыбнулась.

– Я довольно много лет проработала на различных должностях по дипломатической линии и уж поверьте мне на слово – возможные международные последствия мы изучали в первую очередь. Хочу вас заверить: мир сейчас сильно отличается от того, каким он был сорок пять лет назад. Мир людей – особенно. Если помните, одним из ключевых факторов нашего поражения оказалось то, что союзные войска Эрдина и Дилинджари получали поддержку из-за океана. И не только материальными ресурсами, но и живой силой. Если бы не эти свежие экспедиционные корпуса, вряд ли противнику удалось бы прорваться через перевал Эрреард и отсечь южные провинции – Беаннтануад и Эсоленгсхор – от основной части Империи. А именно это привело к военной катастрофе. Сейчас ситуация в корне изменилась. На континенте людей идёт большая война. Точнее говоря – серия войн. Там задействован целый клубок разнообразных факторов, но я не хочу тратить ваше время, подробно разбирая здесь причины конфликта. Вкратце же ситуация выглядит так – большинству людей на этой планете сейчас не до нас. И вряд ли они выпутаются из собственных противоречий в ближайшие лет десять-двадцать.

Это во-первых.

Во-вторых, в этой части света наш давний конкурент или, если выражаться без обиняков, наш главный враг – королевство Эрдин – сейчас испытывает немалые экономические трудности. Несмотря на все свои амбиции, они получили не слишком много выгоды по итогам Большой войны, все самые лакомые куски забрала себе империя Дилинджари. Сейчас же из-за конфликтов за океаном объёмы морской торговли упали, и экономика Эрдина находится в кризисе. Людских же ресурсов для серьёзной войны у них просто нет. Мужество наших солдат пробило в циклах рождаемости королевства такую дыру, которая будет зарастать ещё несколько поколений.

Она слегка поклонилась в сторону генерала Инберрона, отдавая дань уважения ветеранам прошлой войны. Затем продолжила:

– В-третьих, не забывайте о таком факторе, как время. За тот его промежуток, что прошёл после перемирия в Антанайре, у нас изменилось не слишком многое. У людей же сменилось целое поколение. Даже два, если считать тех, кто успел родиться после войны и дорасти до зрелого возраста. Для них нынешний порядок вещей кажется естественным и устоявшимся, они принимают своё доминирующее положение, как нечто постоянное, что не требуется защищать. У нас эльфов, память значительно длиннее.

Маннавид почувствовал, что интонации Арвеллины на последних фразах неуловимо изменились. Эта молодая ещё женщина, знавшая о войне только по рассказам, тем не менее, имела с ней личные счёты. За отца, которого никогда не видела. За дядю, истёкшего кровью на мостике флагмана. За всё, что последовало потом.

– Подытоживая сказанное, можно утверждать, что сейчас наступило благоприятное время для подобных действий. Наши потенциальные противники заняты собственными делами, разобщены или ослаблены. Кроме того, они размякли и просто не готовы к решительному столкновению. Единственная сила, которая способна хоть как-то противостоять нам – империя Дилинджари. Но она находится далеко и вряд ли решится выступить против нас в одиночку. Для успешных боевых действий им придётся решать слишком много задач. Одна только логистика снабжения войск на таких расстояниях от метрополии будет безумно сложной. Ну, и кроме того.

Она сделала паузу и осмотрела всех присутствующих.

– Вы же не думаете, что мы будем действовать напролом? Разумеется, первые наши шаги будут тщательно продуманы и максимально защищены с позиции международного права. Мы приложим все усилия к тому, чтобы наши оппоненты не смогли собрать против нас сколько-нибудь значительную коалицию.

Арвеллина откинулась на спинку кресла, дала возможность всем осмыслить сказанное и пошептать с соседями. Затем продолжила:

– Господа, вот перспективы, которые мы хотим предложить в обмен на ваше сотрудничество. Ещё раз перечислю кратко. Передел рынка в вашу пользу. Твёрдая власть, нацеленная на развитие, постоянное расширение государственных заказов. Возвращение под крыло Империи утраченных земель, той собственности и ресурсов, которые ранее принадлежали вам на этих территориях. Возрождение международного влияния, установление новых, справедливых в нашем отношении правил торговли. Новые рынки, новые источники дохода. Всё это вы получите, если поможете нашим усилиям.

Настало время поддержки, и Маннавид подал голос:

– Чего конкретно вы от нас ждёте? Чем мы можем помочь?

Арвеллина поблагодарила его улыбкой.

– Господа, от вас мы ждём любой помощи. Чем скорее нам удастся заставить Высший Совет принять нужные решения, тем быстрее вы начнёте получать обещанное с нашей стороны. Два первоочередных шага, которые необходимо сделать – сместить канцлера и восстановить императорский пост. Затем выборы. Для этого нам понадобится мощное давление по всем фронтам. Ваши связи и влияние в Совете. Принадлежащие вам газеты – для формирования необходимого общественного мнения. Агенты в профсоюзах, чтобы продемонстрировать волю к переменам со стороны рабочего класса. Поддержка со стороны других политических партий. И, разумеется – деньги. Взносы в пользу «Партии ветеранов», на ту самую техническую поддержку протестов, о которой мы говорили вначале.

Индиллира Банрионн заметила:

– Вы просите нас сделать непростой выбор. Некоторые из присутствующих тесно связаны с политическими схемами, в которых поддержка канцлера – одна из основ.

– Я это знаю. Как и то, что канцлер занимает свой пост уже сорок пять лет потому, что является компромиссной фигурой. Он никому не мешает и всех устраивает. Однако при этом он почти ничего не может предпринять. Любой значительный шаг, сделанный им, нарушает баланс и приводит к конфликту. И именно поэтому нынешняя политическая система так напояминает болото. Мы предлагаем вам сделать выбор между сохранением текущего состояния, которое перестало удовлетворять почти всех, и движением вперёд – с чёткими целями, понятными перспективами и очевидными выгодами. Для достижения чего-то значительного всегда

приходится ломать старые схемы и отказываться от того, что больше не способно приносить пользу.

– Как вы намерены обойтись с самим канцлером? Стоит ему лишиться поста, и очень многие захотят навесить на него всех собак. Будет расследование?

– Зачем? Нам не нужен мученик или потенциальный лидер оппозиции, томящийся в тюрьме. Нет, мы планируем предложить канцлеру место посла Империи в Ульгере. Там мы сможем использовать его международную репутацию и связи с политической элитой Альгердорма. Это будет лучшим вариантом для всех.

Индиллира кивнула, такой размен её устраивал. Арвеллина ещё раз обвела зал взглядом.

– Господа, мы не настаиваем на немедленном ответе. Понятно, что вам необходимо время, чтобы обдумать всё, что вы здесь услышали, оценить свои выгоды и перспективы, осознать своё место в той версии Империи, которую мы хотим построить. Прошу об одном – не затягивайте со своим решением. Сейчас наилучший исторический момент для исторических перемен. Присоединяйтесь к нам. Поддержите нас. Вместе мы сможем построить лучший мир для эльфов. Живущих сейчас и всех последующих поколений.

Она поднялась с кресла и поклонилась. Маннавиду показалось, что аплодисменты вокруг звучали весьма вдохновляюще.

После того, как гости разошлись, в небольшом кабинете, примыкавшем к залу для приёмов, остались генерал Инберрон, пожилая эльфийка со шрамом на лице и Арвеллина Мидиртродд.

Генерал поздравил её с блестяще проведённой встречей, она в ответ озабоченно проворчала:

– Надеюсь, они не будут раздумывать слишком долго. Нам нельзя терять темп. Акция протеста не должна стать привычной, тогда на неё просто перестанут обращать внимание.

Эльфийка со шрамом кивнула.

– Согласна. Даже если по нашей указке газеты изо дня в день будут трубить об этом, скоро первые страницы начнут пролистывать, не читая. Нужно постоянно подбрасывать новые темы, иначе интерес угаснет. Предлагаю организовать несколько силовых акций на периферии митинга. Чтобы это выглядело, как провокация или попытка нападения со стороны противников перемен. Все знают о приезжих в столицу, и такие инциденты воспримут, как нечто ожидавшееся. Это даст пищу газетчикам и поддержит настрой протестующих. Позлит их.

Арвеллина покачала головой.

– Я только прошу вас, полковник – действуйте очень осторожно. Нельзя, чтобы в ответ толпа взорвалась. Мы не должны утратить контроль над ситуацией, не нужно давать канцлеру предлог объявить военное положение и ввести в столицу войска. Тогда нам придётся всё начинать сначала – искать повод, разогревать протесты, раскачивать общественное мнение. Пожалуйста, очень аккуратно подбирайте размер иглы, которой собираетесь тыкать их в бок. Активистов вам хватает?

– Да. Наше сотрудничество с господином Бриттгерном оказалось весьма продуктивным. Его молодёжные отряды – это то, что нужно. Даже жаль будет отказываться от такого инструмента, когда всё закончится.

– Не беспокойтесь, есть кое-какие идеи насчёт их будущего. Генерал, теперь поговорим о вас. У меня есть очень важное поручение по вашей части.

– Слушаю, госпожа Мидиртродд.

– Я прошу вас отойти на время от непосредственного партийного руководства. Передайте свои дела кому-нибудь из помощников, а сами сосредоточьтесь на подготовке к первым

военным операциям. Да, вы не ослышались. Будем исходить из того, что наши гости сделают правильный выбор и всё пойдёт по плану. Тогда я рассчитываю, что до конца лета канцлер покинет свой пост, и будут назначены выборы. К зиме всё должно закончиться. То есть через полгода. К этому моменту передо мной должны лежать детальные планы военных операций. Я не собираюсь тратить ещё год на бюрократическую возню – выстраивание вертикали управления, выбор исполнителей и так далее. Пост главы Генерального штаба – ваш. Собирайте тех, с кем будете работать, встречайтесь, обсуждайте – пока неофициально. Объясните им перспективы, попросите о поддержке тех, кто остался на службе. Конфиденциально, разумеется.

Губы генерала тронула улыбка.

– С радостью займусь этим. Кто будет объектом подготовки?

– Для начала нужно навести порядок на заднем дворе, за хребтом Берхаэвен. Всех этих предателей и бандитов к югу от Мортюка надо убрать с карты ко всем демонам ада. До них никому нет дела, поэтому международного резонанса не будет. Мы же сможем обкатать там нашу армию, проверить, на что она сейчас способна, отыщем слабые места и исправим их до того, как начнётся серьёзная игра. Так что планируйте последовательно две кампании. Первая цель – республика Мендурия. Задача – полный разгром, уничтожение любого сопротивления, изъятие оружия у населения и установление нашего тотального контроля. Больше никакой независимости, никаких союзнических отношений. Эти мерзавцы вонзили нам нож в спину, воспользовавшись нашей слабостью – теперь они получают урок. Пусть те «друзья Империи», что сохранили верность на севере, тоже его осознают. Империя милостива к союзникам и беспощадна к предателям. Планируйте полномасштабную операцию, все ресурсы закладывайте в расчёты с запасом. Мне нужна быстрая, наглядная победа, которая послужит источником вдохновения для всей страны.

Эльфийка со шрамом уточнила:

– Восточные предгорья Берхаэвена – довольно специфическое место. Сложный ландшафт, изолированные долины, узкие перевалы и проходы. Численный перевес в некоторых местах может оказаться бесполезным.

– Не страшно. Есть техническое решение, которое я планирую представить на одной из следующих встреч с нашими олигархами. Его я хочу показать только тем, кто твёрдо решит поддержать нас. И оно делает оборону в узких проходах полностью бессмысленной.

– Что это?

– Увидите. Обещаю, вам понравится. Теперь поговорим о второй цели. Вы уже догадались, что это форт Алдеан и вся та разбойничья псевдореспублика, которая смердит вокруг него. Здесь задача ещё проще – выжечь эту заразу калёным железом, а тех, кто уцелеет, закопать в кандалы и отправить на их же собственные рудники. Так мы получим доступ к тамошним ресурсам и возьмём под контроль восточный вход на перевал, ведущий в сердце Эсоленгсхора. Какого-то местного населения, которое может оказаться нам полезным в дальнейшем, там нет. Поэтому готовьте жёсткую операцию, выжженная земля всё равно мало чем отличается от их обычных природных условий.

Инберрон усмехнулся.

– Там это будет не слишком сложно. Достаточно взять под контроль источники воды, а их совсем немного. Всё, что есть живого в тех местах, в течение недели или приползёт к ним, или сдохнет в пустыне.

– Мне нравится ход ваших мыслей, генерал, именно в таком ключе и действуйте. На старте нам понадобятся быстрые победы – яркие и эффектные, о которых газеты будут писать взахлёб. Вопрос цены тут несущественен. Первое впечатление имеет слишком большое значение, чтобы на нём экономить.

Глава 8. Дурные предчувствия

«Нынче принято считать, что мой старший брат обладал каким-то особым даром предвидения. На самом деле он всего лишь старался поступать правильно».

Из интервью Лейтивен Гиндиллир.

Глеаннхаль хорош в любое время года, а подготовка к празднику Середины лета и вовсе превратила его в ожившую иллюстрацию к сказке. Древние столбы на въезде в поместье украсили гирлянды из цветов, между липами на аллее повисли бумажные фонарики.

Всю дорогу, пока паровой экипаж вёз их от станции, Эйслинн была во власти предвкушения, однако на полпути вспомнила кое о чём, и повернулась к Сейтеннину:

– Сет, послушай меня, пока мы одни. Ты – наш гость, но не забывай о приличиях. Они распространяются не только на членов семьи, но и на всех прочих обитателей имения. Если тебе кто-то не нравится, держи своё мнение при себе. Распоряжаться будешь у себя дома.

Тот ухмыльнулся:

– Эйси, к счастью в нашем доме нет места для гоблинов или простолюдинов. Но не переживай, я буду нежен, кроток и пушист, как ягнёнок. Клянусь.

Тэйриэнна, сидевшая рядом с ним, чуть заметно качнула головой и возвела глаза к небу. Эйслинн решил удовлетвориться таким ответом, и высунулась в окно, подставляя лицо ветру.

Ссориться ни с кем не хотелось. Совершенно.

Наконец экипаж миновал аллею и, шурша гравием, остановился перед главным крыльцом. Эйси распахнула дверцу салона, выскочила наружу, в два прыжка взлетела по ступенькам и оказалась в объятиях отца, вышедшего навстречу. Тот подхватил её за талию, поднял в воздух и закружил вокруг себя. Она подогнула колени, как в детстве, потом подтянулась и звучно чмокнула его в щёку.

– Привет, папа! Я дома.

Килледон Гасваллаун широко улыбнулся:

– Да уж, твой вес ни с чем не спутаешь. Здравствуй, милая!

Из-за его спины послышался голос:

– Так-так, а вот и наша дочь выбрала время, чтобы заглянуть к родителям.

– Мама!

Она выскользнула из рук отца, обнялась с матерью. Затем Иделисса взяла лицо дочери в ладони, покачала головой и сказала серьёзно:

– Я так беспокоилась за тебя, солнышко. Там у вас в столице творится невесть что.

– Не стоит волноваться, госпожа Иделисса, – подал голос Сейтеннин, поднявшийся на крыльцо и здоровающийся с хозяином дома. – Всё не так страшно, как пишут в газетах. Эльфам ничего не грозит, да и скоро всё это закончится. Я уверен.

– Ах, Сет, надеюсь, что ты прав. О, Тэйриэнна, здравствуй, милая. Ты выглядишь всё лучше и лучше.

Позже, когда они поднялись наверх, Эйси швырнула чемодан на кровать в своей комнате и пошла к Тэйри. Та разбирала вещи, горничная Линетта помогала развешивать платья в шкафу. Эйслинн уселась на стол у окна, ела черешню из вазы и болтала ногами. Иделисса Гасваллаун сидела на стуле и расспрашивала девушек о новостях. Заметила мимоходом:

– Сейтеннин сильно изменился с зимы. Выглядит повзрослевшим.

Тэйриэнна покачала головой.

– Если бы так и было, госпожа Иделисса. Мне кажется, что он просто чудовищно важничает. Похоже, что Сет стал какой-то большой шишкой в этом своём «Союзе действия».

– Разве это плохо? Думаю, он всегда хотел, чтобы его заметили. Половина его прежней агрессии крылась в том, что никто не воспринимал его всерьёз. По крайней мере, у меня сложилось такое впечатление.

– Наверное, вы правы. Он действительно стал значительно спокойнее в последнее время. Правда, завёл привычку разговаривать намёками и напускать на себя такой таинственный вид, что иногда просто хочется треснуть его по затылку. И ещё постоянно пропадает где-то. Иногда целый день. Иногда – ночью. Родители беспокоятся, а я вижу, что со всей этой политической активностью он совсем забросил учёбу. Как Сет собирается в будущем заканчивать университет – ума не приложу.

– Что поделаеть. Он уже взрослый и ему самому решать, что выбирать и как отвечать за свои поступки. Надеюсь, что у вас самих всё в порядке?

– Конечно, – Эйси помахала в воздухе хвостиком от черешни, затем закинула в рот новую ягоду. – Можно сказать, что мы с Тэйри лучшие в выпуске. Или будем в их числе. Так что осталось дожидаться осени и...

Она изобразила движение, словно взмахнула крыльями.

Иделисса кивнула.

– Славно. Планы не изменились?

Эйси помотала головой.

– Нет. Мой куратор из министерства транспорта и торговли на днях подтвердил, что держит для меня место. Говорит – на будущее лето планируют большую экспедицию на северо-востоке, в окрестностях Нуррдола. Вроде бы изучают возможность строить железную дорогу. Потребуется подробное картирование местности, перепадов высот, геологическая разведка и всё остальное. Куча работы для топографов.

– Отлично! А у тебя, Тэйри?

Та поморщилась.

– У меня всё не так сладко. Никто не знает, чем кончится нынешний кризис. Если вдруг кто-то из министров или сам канцлер уйдёт в отставку, целая толпа служащих потеряет работу. И у них будет стаж, связи, влияние. Кто в таких условиях посмотрит на только что выпустившегося администратора?

– Не переживай, милая. Может быть, наоборот, откроется что-нибудь неожиданное. В крайнем случае, ты всегда можешь сначала сделать карьеру за пределами Фэйрхаэля. Помнишь наш прошлый разговор? Моя семья пользуется уважением в столице провинции, Айсинделе. Мы без труда организуем тебе собеседование с нужными персонами.

– Спасибо, госпожа Иделисса, надеюсь, что этого не понадобится.

– Что ж, решать тебе. Просто помни о такой возможности. Ну, что вы намерены делать сейчас?

Эйслинн пожала плечами:

– Я бы съела чего-нибудь лёгкого и отправилась на прогулку. Верхом, вокруг Глеаннхаля. Обожаю его в такую погоду.

– Если не устала с дороги – на здоровье. Тэйри, а ты?

– И я не против.

– Вот и хорошо. Тогда заканчивайте с вещами и переодевайтесь. А я попрошу Меллину приготовить вам что-нибудь.

Полчаса спустя Тэйриэнна поняла, что её представление о «лёгком» перекусе фундаментально расходится с мнением кухарки Гасваллаунов. За крохотный промежуток времени, пока они переодевались для прогулки, Меллина умудрилась приготовить столько всякой вкусня-

тины, что стоило попробовать буквально по кусочку, по ложечке от всего, и пожалуйста – льняные летние бриджи для верховой езды сделались подозрительно тугими в поясе. Они с Эйси еле смогли отговориться от дальнейшего чревоугодия, клятвенно заверив кухарку, что по возвращении с прогулки непременно съедят и выпьют всё, что она поставит перед ними на стол. После чего выбежали из дома на задний двор.

Киаррана они нашли возле конюшни. Тот с помощью молодого эльфа-конюха выводил наружу трёх осёдланных лошадей. Эйси спросила:

– А где Сет?

По лицу Аррана пробежала тень, он покачал головой:

– Сказал, что не хочет. Попросил у господина Килледона разрешения пострелять из арбалета по мишеням.

Эйси пожала плечами:

– Его дело.

Вскочила в седло, поправила на голове соломенную шляпу с широкими полями, подтянула под подбородком её ремешок.

– Садитесь скорее, я покажу вам лучшие места.

Толкнула нетерпеливо коня пятками в бока, тот заплясал на месте.

Пока Тэйриэнна взбиралась в седло, Киарран стоял рядом, придерживал кобылу под уздцы и за стремя. При этом всё время норовил смотреть куда-то в сторону. Устроившись в седле, она сделала вид, что расправляет верхнюю, декоративную юбку, наклонилась в его сторону, коснулась руки:

– Что с тобой?

Он вздрогнул, вскинул на неё глаза, улыбнулся вымученно.

– Ничего, всё хорошо.

Пошёл к своей лошади.

Она тайком вздохнула.

«Не умеешь ты врать, Арри. Не мне, по крайней мере».

Когда двинулись к выезду из поместья, она пристроилась рядом, посмотрела на него долгим взглядом. Он старательно делал вид, что не замечает. Пришлось протянуть руку и тронуть его за плечо.

– Что случилось, милый? Нет-нет-нет, даже не пытайся. Твоё пожимание плечами не срывает, ты же знаешь. Рассказывай.

Тот в ответ вздохнул.

«Богиня, вот опять! Совсем взрослый, а ведёт себя порой ну просто, как мальчишка. Что же тебе так мешает сказать первое слово?».

Она снова коснулась его плеча и постаралась улыбнуться самой ободряющей улыбкой, какой только могла.

– Арри, пожалуйста. Ты же знаешь, что я не отстану.

– Тэйри, мне иногда кажется, что всё бесполезно.

– Что именно?

– Ты и я... Мы. Наши с тобой отношения.

Повыше сердца шевельнулось что-то холодное.

– Почему?

– Понимаешь, твоя семья... Я ведь прекрасно понял, на кого намекал сегодня Сет, когда говорил про «гоблинов и простолюдинов».

«Вот же засранец!» – подумала она, чувствуя, как щёки начинают гореть.

«Сет, говнюк ты этакий, всё время забываю про твой поганый язык. Я-то научилась пропускать мимо ушей большинство сказанных тобой слов, а вот остальные... Ну, я тебе ещё устрою! Дома, когда вернёмся. Не буду здесь портить праздник».

– Арри, милый, какое это имеет значение?

– А разве не имеет? Если бы дело было только в Сете. Мне не показалось, что при нашей встрече с твоими родителями они сильно обрадовались. Они явно рассчитывали на другую партию для тебя.

– Ну, знаешь ли. Если несколько поколений твоих предков служат имперскими чиновниками, то в какой-то момент мозги становятся немного набекрень. Все эти идеи насчёт карьеры и выгодных союзов, престижа и прочего. Вот только меня это не касается. Хоть мне и пришлось пойти им на уступки в части образования, специальность «административное управление» – самое большое, на что они могут рассчитывать. Я не собираюсь участвовать в их играх или оправдывать чьи-то ожидания. Хвала Богине, мы не люди. Это у них принято торговать своими детьми, чтобы выгадать место или продвинуться на ступеньку выше в иерархии. Моя жизнь принадлежит мне, и я как-нибудь сама решу, с кем хочу её провести. А я хочу быть рядом с тобой, как можно дольше. Ясно?

Последний вопрос прозвучал совсем неласково. Тэйри всерьёз разозлилась.

«Ишь чего придумали! Не одобряют они. Будто мне есть до этого дело! Вот начну работать и первым же делом съеду от них всех подальше. А не найду работу в столице, перееду в Айсиндель, как говорит мать Эйси. И Арри тоже хорош!».

Она отвернулась от Киаррана, надулась и ехала молча. Наконец, он не выдержал:

– Тэйри?

– Чего?

– Ты сердишься?

– О, а ты наблюдательный!

– Прости, если расстроил.

– Арри, я тебя иногда не понимаю. Что значит «прости»? Что значит: «Сет чего-то не одобряет»? Какого демона? Ты же взрослый мужчина, почему мнение какого-то сопляка имеет для тебя такое значение?

– Но он же член твоей семьи!

– Но он не мой собственник! Мнение Сета может убираться в задницу, как и сам Сет.

Лицо Киаррана слегка вытянулось.

– Что ты так на меня смотришь? Для меня имеет значение только одно мнение на свете. Твоё. Докажи, что относишься ко мне так же серьёзно. Что только моё мнение важно тебе, когда мы говорим о нас.

Он растеряно хлопал глазами. На его счастье в этот момент впереди раздалось ржание. Эйслинн картинно подняла своего коня на дыбы в проёме задних ворот имения, за которыми расстилались поля. Выкрикнула:

– Эй, вы! Влюблённая парочка! У вас впереди два дня. Хватит, чтобы держаться за руки, прятаться по углам и шептаться под луной. А сейчас я вас умоляю – не будьте занудами! Догоняйте!

Она дёрнула повод, разворачивая коня, пришпорила его, и тот с места сорвался в лёгкий, красивый галоп. Из-под копыт полетели облачка пыли.

Тэйриэнна оглянулась на Киаррана, застывшего в нерешительности.

«Милый, я тебя люблю, но иногда ты такой растяпа! Ну, ничего, мы это исправим».

Ей вдруг стало смешно смотреть на его одновременно растерянную и несчастную физиономию. Тэйри рассмеялась и показала ему кончик языка, а потом пришпорила кобылу и помчалась догонять подругу.

Навстречу жаркому летнему ветру, насыщенному ароматом цветущих трав.

Киарран отыскал Гасваллауна-старшего примерно за час до ужина. Тот был в библиотеке, сидел за столом, обложившись книгами. Солнце, клонившееся к закату, заливало стол и всю комнату золотистым светом, в котором вспыхивали искорками плавающие в воздухе пылинки.

– Господин Килледон? Можно?

– Арран! Конечно-конечно, проходи.

Гасваллаун заложил в нужном месте книги стальную линейку, закрыл её, отложил в сторону. Указал на мягкий стул перед столом:

– Присаживайся.

– Господин Килледон, мне нужно с вами посоветоваться.

– Ну, если это не касается строительства, в котором я ничего не смыслю – пожалуйста.

Слушаю тебя.

– Нет, речь совсем о другом. Меня сильно беспокоит то, что сейчас происходит в столице.

Гасваллаун поднял брови.

– Ты о митинге? О беспорядках? Вроде бы газеты пишут, что они ограничены только площадью Империи. Да и Сет утверждает, что это неопасно и скоро закончится.

– Боюсь, что Сет не замечает кое-чего. Или его просто устраивает, как идут дела.

– Так что тебя беспокоит?

– Гоблины. Точнее говоря – отношение к ним.

Хозяин дома не сказал ни слова, только наклонился вперёд и оперся локтями на стол.

– Понимаете, господин Килледон, я знаю, что гоблины никогда не были любимой частью общества. Сколько бы столетий они не жили с нами бок о бок, многие всё равно смотрят на них с пренебрежением. Ну, вы понимаете – все эти шутки, анекдоты, мелкая бытовая враждебность. Я сейчас говорю не об открытых националистах или расистах, а об обычном уровне отношений. Между соседями, на службе, на улице.

– Но сейчас происходит что-то другое, верно?

– Вот именно. У вас здесь тоже?

– Слава Богине, у нас – нет. Но я слышу разговоры, когда выезжаю на станцию или в Айсиндель. Кое-что читаю между строк в газетах. И мне важно было услышать об этом из первых уст. От того, чьему мнению я могу доверять. Так что творится в столице на самом деле?

– Понимаете, это как утечка расплавленной смолы. Медленно, не спеша расплзается какая-то липкая лужа. Вроде бы вот только что можно было пройти, а потом вдруг замечаешь, что песок уже пропитался и ты увяз. И только молишься, чтобы успеть выбраться, пока где-нибудь на землю не упал огонь, от которого вся эта лужа вспыхнет. Самое забавное, что напрямую никто ничего не говорит – ну, вы понимаете, как иногда в рабочих районах бывает спьяну, когда кому-то просто хочется почесать кулаки. Тогда да, первым делом вспоминают о гоблинах, какие они плохие, жадные – ну и всё остальное, вплоть до Предательства. Сейчас по-другому. Почти никаких открытых выступлений, никакой явной пропаганды. Только идёт сплошной поток в газетах, когда любой жадный капиталист – обязательно гоблин. Или если речь о закулисном интригане, который манипулирует политиками в Совете – то это снова гоблин. Без прямого указания на расу, но имена-то все знают! Вы слышали, что когда начались беспорядки на площади Империи, вокруг неё разгромили немало магазинов? А то, что почти все они принадлежали гоблинам? Своеобразная избирательность, вы не находите? Да и перед этим по всем районам города, особенно в рабочих кварталах, целая волна прошла. Разбитые витрины, поджоги. Или сам митинг. Там же поначалу собирались говорить про выплаты ветеранам. Разумеется, что пришли и гоблины тоже – те, что повоевать успели. Так вот, их всех

к концу первого дня беспорядков просто выгнали с площади. Сказали, что им тут не место, здесь решают дела «империи эльфов».

Килледон Гасваллаун задумчиво смотрел поверх головы гостя, рассеяно постукивал указательным пальцем по столу, отмеряя равные промежутки. Киарран продолжал:

– Ну и вы же понимаете – рано или поздно этот гнойник должен был если не лопнуть, так хотя бы раздуться. Я буквально на днях слышал, что начались случаи, когда гоблинов стали останавливать на улицах, оскорблять, обзывать, задирать тех, что помоложе. Газеты об этом молчат, городская стража тоже не торопится что-то делать, да у неё сейчас и так забот хватает. Но мне всё это очень не нравится.

Гасваллаун кивнул:

– Мне тоже.

– Вот об этом я и хотел посоветоваться. У меня есть кое-какие знакомства среди них, и я не знаю, как поступить. Может, стоит предложить им на время уехать куда-нибудь из столицы? Переждать волнения в провинции?

– А ты полагаешь, что вся эта история ограничится Фэйрхаэлем?

Киарран развёл руками:

– Честно говоря – я не знаю.

– Сравнивая твой рассказ с тем, что вижу у нас, я не был бы столь уверен. Мне кажется, сюда эта волна просто ещё не докатилась в полную силу.

– Но почему так происходит?

– Когда что-то идёт не так, есть два пути: разобраться, где ты ошибся сам или найти виноватого снаружи. Второй вариант обычно более популярен, потому как далеко не все готовы признавать, что источник проблем – в них самих. А гоблины всегда были удобной мишенью. Даже если бы они были нищими и бесправными, как до реформы императрицы Умбреидды, то и тогда нашли бы, что им приписать. А теперь, когда часть из них располагает деньгами, связями, влиянием...

Килледон потёр переносицу, затем продолжил:

– Тем более, если кто-то решил немного пощипать их богатства, у этой идеи будет много последователей.

– Но тогда, возможно, всё дело ограничится схваткой наверху. Передел сфер влияния, кто-то выйдет из бизнеса.

– Возможно. А может, и нет. Видишь ли, Арран, ненависть – капризная штука. Похожа на содержимое куриного яйца. Просто извлечь наружу и почти невозможно вернуть назад.

– Так что вы посоветуете?

– Боюсь, ты мало что сможешь сделать. Но если есть кто-то, кто колеблется, кому не хватает лишь последней песчинки на весах – поговори с ними. Убеди на время перебраться куда-то в спокойное место. Хорошо, если это будет какая-нибудь глухомань, ещё лучше – если есть возможность уехать из Империи вообще.

– Вы думаете, всё настолько серьёзно?

– Я не знаю. Могу лишь повторить твои слова – мне это не нравится. Совсем не нравится.

Солнце село час назад. В том месте, где оно скрылось за горизонтом, дотлевали золотисто-оранжевые отсветы, обещая на завтра такой же прекрасный день, что и сегодня. Воздух постепенно наполнялся прохладой, пением сверчков и кваканьем лягушек, долетавшем с пруда позади конюшни.

Килледон Гасваллаун стоял на заднем крыльце, курил и размышлял. Точнее говоря – смотрел перед собой невидящим взглядом и механически, как автомат, подносил к губам сигару, так же механически затягивался и выдыхал дым.

Над дорожкой перед крыльцом неслышно промелькнуло несколько теней – нетопыри вышли на охоту. Летевший куда-то в неурочное время по своим делам крупный жук наткнулся на облако табачного дыма и метнулся в сторону. Его басовитое гудение отвлекло Килледона от раздумий, он посмотрел на столбик пепла на сигаре, затем в сторону хозяйственного двора. Потом раздавил окурок в мраморной пепельнице, стоящей на перилах, и пошёл к конюшне.

Как обычно по ночам, там был только старый гоблин Рорах Бодарзун. При виде хозяина дома он поднялся с табурета и постарался выпрямиться, насколько возможно.

– Добрый вечер, господин капитан!

– Доброй ночи, Рори. Есть минутка? Нужно поговорить.

– Для вас, капитан – в любое время.

Гоблин поднял табурет, стоявший у стены, протёр рукавом сидение, поставил перед Гасваллауном. Тот сел, почесал висок, пригладил волосы. Рори, усевшийся перед ним на краешек второго табурета, пошевелил толстыми пальцами.

– Что-то случилось?

– Нет. – Килледон покачал головой. – И я не хочу, чтобы что-то случилось. Поэтому, Рори, у меня есть предложение. Лично для тебя.

Гоблин сглотнул, лиловая шишка на кончике его носа дёрнулась.

– Рори, я думаю, что тебе лучше уехать.

Рорах сокрушённо вздохнул.

– Я знал, что этот день настанет. Не надо ничего объяснять, капитан. Я стар, но глаза у меня ещё есть. Это время рано или поздно должно было прийти...

– Рори, ты меня не понял.

– Что ж тут не понять, капитан. Конечно, любой другой сделает ту же работу в два раза быстрее, чем я. Самое время освободить для них место. Сейчас, пока лето, пока...

Гасваллаун протянул руку и положил конюху на колено. Сказал, глядя прямо в глаза:

– Рори, ты на самом деле ничего не понял. Я тебя не выгоняю.

Тот растерялся.

– Тогда что? Я сделал что-то не то? Кто-то жаловался?

– Нет, Рори, всё в порядке. Это никак не связано с тобой. Почти. Всё дело... не знаю, как сказать. Что-то происходит. Вокруг. Боюсь, что для тебя и твоего народа скоро настанут непростые времена.

Рорах посмотрел на него непонимающе, потом вдруг кивнул.

– Во-о-н вы о чём, капитан! Всё из-за этой политики?

– Вот именно, Рори. Только из-за неё.

– Но как же? Зачем мне куда-то ехать? Это же всё столица, какое нам до этого дело? Здесь, в Глеаннхале?

– Я боюсь, что всё, что там сейчас происходит, рано или поздно расплзётся на всю страну. Может добраться даже сюда. Будет лучше, если этот шторм ты переждёшь на берегу.

Конюх нахмурился.

– Всё равно я не понимаю, капитан. Знаю, нас не слишком любят. Но мы привыкли. Я привык. Что поделать с тем, кто ты есть. Я ведь никогда не жаловался, верно?

– Я знаю.

– Тогда какой во всём этом смысл? Да и куда я поеду? Родственников у меня почти не осталось, а те, что есть, живут сейчас... Вы знаете. Теперь это уже не Империя.

– Знаю. И к ним тебе ехать не придётся. Я напишу несколько писем своим бывшим однокашникам. Некоторые из них сейчас в торговом флоте, кто-то осел в Антанаире, кто-то перебрался в Альгердорм. Попробую подыскать тебе место у них.

– Вы же знаете, матрос из меня нынче вряд ли выйдет.

– Уверен, что там и на берегу хватит работы.

Гоблин снова покачал головой:

– Я, конечно, благодарен вам, капитан, за заботу. Но только к чему все эти хлопоты? Суета, переезд? Вы уверены, что всё так серьёзно?

– Рори, когда-то моя нерешительность стоила жизни многим. Отдай я приказ покинуть корабль раньше... Ты помнишь. Не хочу повторять тех ошибок. И ещё – не беспокойся о расходах. Твой переезд я оплачу сам.

Конюх возмущённо замахал руками:

– Что вы, капитан! Даже не вздумайте! У старого гоблина припасено кое-что на чёрный день, вы мне платили даже слишком хорошо.

– Вот и прибереги деньги на тот самый «чёрный день». Считай, что это я отправляю тебя на работу. Ну, не знаю, в другой дом, что ли. По своей воле отправляю, а значит – должен оплатить твой переезд. Так положено поступать по отношению к работникам, так и будет.

Гоблин вздохнул.

– Капитан, с вами невозможно спорить.

– Вот и не спорь, старший канонир Бодарзун. Доверься командиру и выполняй приказ.

Рорах долго смотрел в пол конюшни, словно считал разбросанные по нему соломинки. Потом вытер уголок глаза пальцем, вынул из кармана штанов клетчатый носовой платок и высморкался. Поднял взгляд на Гасваллауна.

– Зря вы всё это затеяли, капитан. Я уже слишком стар, чтобы чего-то бояться.

Килледон наклонился вперёд и снова похлопал старика по колену.

– Зато я, Рори, ещё недостаточно стар, чтобы плевать на судьбу друга. На того, кто сражался бок о бок со мной. Кто водил под уздцы пони, когда моя дочь училась держаться в седле. Ещё раз повторю – ты тут не причём. Считай это проявлением моего эгоизма.

Глава 9. Искра

«Если бы наши предки не приручили огонь, мы бы до сих пор ничем не отличались от животных».

Руддрайг Бриттгерн. «Величие эльфов».

Было жарко, хоть солнце и скрылось за домами уже пару часов назад. Площадь Империи и окружающие её здания, впитывавшие в себя тепло весь долгий день, теперь отдавали его обратно. Пахло нагретой краской, чем-то гниющим и нечистотами из передвижных сортиров.

Кейнамарр, эльф средних лет, в обычное время работавший грузчиком в порту Фэйрхэля, вскарабкался на баррикаду, нашёл своё любимое место – мягкий стул за перевернутым на бок прилавком. Стул был хорошим. Удобным и дорогим. Подороже, чем вся обстановка спальни в квартире Кейнамарра. Он положил на него глаз сразу после строительства баррикады, выдернул из общей кучи мебели и пристроил в сторонку, пока никто не переломал его резные ножки, не распорол или не прожёт обивку. Остальным объяснил – пригодится. Удобно сидеть, наблюдать за улицей. Полезная вещь, одним словом. На самом деле он рассчитывал как-нибудь незаметно умыкнуть его домой, когда всё это закончится. Поставить в общей комнате. Хоть какой-то прибыток в хозяйстве в обмен на недели, потраченные на сидение на площади. Глядишь, и жена скорее перестанет ворчать, если он вернётся не с пустыми руками.

То, что она недовольна, было очевидно. Ещё днём, когда она приходила навестить его, забрать грязные вещи и отдать выстиранные. Всё время только и бубнила про то, что вместо того, чтобы, как обычно, навестить детей в Эстархале на праздник Середины лета, ей пришлось торчать дома «из-за всего этого». И так скривилась при упоминании «всего этого», словно говорила о крысе, которая сдохла под задней дверью.

«Не понимает».

Кейнамарр вздохнул и отхлебнул большой глоток из бутылки с сидром. Посмотрел за баррикаду, на улицу, притихшую, затаившуюся в темноте на подступах к завалу из мебели. Здесь не работали даже уличные фонари. Говорили, что городские власти перекрыли газовые магистрали «ради безопасности». Так что единственными источниками света теперь были две переносные лампы, подвешенные на шестах по краям баррикады. Их света хватало лишь на то, чтобы освещать мостовую на пару шагов. Дальше улица утопала в вязкой, душной летней темноте.

Он сделал ещё глоток и вернулся мыслями к жене.

«Не понимает и не одобряет».

С одной стороны, её можно понять. Когда весной они собирались пойти колонной от профсоюза портовых рабочих на митинг, никто и представить не мог, во что это выльется. Что они будут сидеть тут уже полтора месяца. Но ему объяснили – и он понял. Надо держаться, стоять до конца. Они уже продавили этих взяточников, добились отмены слушаний по выплатам ветеранам. Значит, могут добиться и всего остального.

«А она не понимает».

Кейнамарр отпил ещё глоток. Было немного обидно. Ведь он не бросил её и дом на произвол судьбы. Точно знал, что и от профсоюза и ещё откуда-то им приходит помощь. Что какие-то молодые эльфы обходят дома тех, кто сидит здесь, на площади. Разносят продукты, раздают пусть небольшие, но деньги. Расспрашивают о том, что нужно, помогают. Он знал, что протестующие сменяли друг друга, если в этом возникала нужда, но сам отказался. Был дома единственный раз, две недели назад, чтобы помыться, как следует, и выспаться на нормальной постели, а не на тюфяке в палатке. Жена тогда смотрела с надеждой, но он сказал – нет. Нужно назад. Пусть домой идут молодые, те, у кого есть малые дети. А он вернётся.

Будет стоять до конца.

Честно говоря, сидение на площади уже начинало утомлять его самого. Первые дни было шумно и весело. Они строили баррикады, ждали чего-то, слушали речи, готовились отбиваться от стражей, защищать своё право быть услышанными. Много пили. Он впервые за долгие годы снова чувствовал себя юным, в жилах клокотала энергия, воздух казался пряным и ароматным, как молодое вино на празднике Предзимья. Потом они узнали об отмене слушаний в Совете и ощутили невероятную эйфорию, вкус победы, возможностей, близких свершений.

А потом всё будто завязло.

Ораторы продолжали приходить, произносили зажигательные речи, но прежнего отклика уже не вызывали. Обитатели лагеря сменяли друг друга, но всё больше становилось таких, кто говорил, что отправится домой на день, максимум на два, а потом непременно вернётся – и не возвращался. Привычных лиц на площади становилось всё меньше. А знакомиться с новичками ему почему-то не хотелось. Слишком многие из них выглядели нездешними и говорили как-то иначе.

Но он был упрям. Раз решил, что останется – значит, так оно и будет.

Кейнамарр выпил ещё и посмотрел в другую сторону, на лагерь. На площади горели костры, вокруг них сидели эльфы, кто-то слонялся от одного огня к другому. Где-то хохотали, выкрикивали ругательства. Откуда-то доносилось пение. Пели старую, заунывную солдатскую песню.

«Ветераны».

С них всё началось. Сообща добились своего, отстаивали их права. После этого они могли бы развернуться и уйти, решив, что их цель достигнута. Кто-то так и сделал. Но многие остались. Особенно эти, из самой «Партии ветеранов» – крепкие ребята, суровые и твёрдые. Как камень. За недели сидения здесь он познакомился со многими из них, послушал разговоры. Узнал много нового. Особенно про гоблинов. Эти мелкие уродливые создания и так никогда ему особо не нравились, а после того, что он услышал и прочёл в листовках, которые раздавали тут же...

«Нет уж, вот вернусь домой, и с тех пор его двери будут для вас закрыты. Пусть вам помогают такие же, как вы. Вас много, вы разбежались по всему свету. Вот и клянчите теперь помощь у своих братьев и сестёр, банкиров и купцов, нажившихся на разорении вашей собственной Родины! А я вам больше руки не подам. Никогда».

Он сделал несколько глотков, почувствовал, что в голове закружилась приятная хмельная карусель.

Посмотрел на саму баррикаду.

И вдруг осознал, что на ней кроме него нет ни одной живой души.

Это было странно.

Обычно на каждой баррикаде, закрывавшей выход на площадь с примыкавших улиц, несло вахту не меньше десятка наблюдателей. Порядок был уже устоявшимся за недели митинга, привычным. Дежурили по часам, сменяли друг друга. Кроме того, он отлично помнил, что когда подошёл сюда с бутылкой сидра и полез к стулу, здесь кто-то был. Вроде бы те молодые ребята, что обычно ходили с повязанными на нижнюю часть лица платками. Он их сначала в шутку называл «сопляки-романтики», но потом перестал, когда ему объяснили, что некоторые из них принадлежат к известным семьям и не хотят, чтобы их родители, кое-кто из которых заседал в Совете, узнали, что их сыновья встали на сторону народа.

Теперь же на баррикаде не было никого.

В душе шевельнулось беспокойство, Кейнамарр вытянул шею и приподнялся. За прилавком, со стороны пустой улицы послышался шорох. Он осторожно высунулся наружу.

Из бархатной темноты выскакивали фигуры, одетые в чёрное, головы и лица замотаны тряпками, только на руках белели повязанные ленты. В руках у нападающих были палки и бутылки с обмотанными тлеющей паклей горлышками.

Баррикада затряслась, когда десятки ног ударили по ней, взбираясь наверх. Кейнамарр вскочил на ноги – и растерялся. Звать на помощь? Бежать? Ударить бутылкой первого попавшегося противника по башке?

Над краем перевёрнутого прилавка возникла голова. В узкой щели между повязанными платками блеснули глаза, отразив костры, горевшие на площади. Кейнамарр перехватил бутылку за горлышко, замахнулся, не замечая, что сидр плещется наружу, течёт по руке, но сбоку уже вылетела дубинка, ударила его по предплечью. Он почувствовал острую боль и услышал хруст. Бутылка выскользнула из ладони, полетела в сторону, со звоном разбилась о стену здания. Тот, что карабкался со стороны прилавка, поднялся над ним по пояс и ткнул Кейнамарра кулаком под дых. Он согнулся и тут же следующим ударом его сшибли вниз. Он скатился с баррикады, несколько раз ударившись об острые углы мебели, затем грохнулся навзничь на булыжники мостовой. Удар вышиб из него дыхание, в глазах помутилось, но он успел увидеть на фоне чёрного неба дуги искр от пакли на бутылках, полетевших в сторону площади. Звякнуло, хлопнуло, со стороны лагеря протестующих пыхнуло оранжевое зарево, и заорали голоса. Чёрные фигуры нападавших соскакивали с баррикады и, перепрыгивая через Кейнамарра, неслись в ту сторону, размахивая дубинками. С его точки зрения, снизу, они выглядели перевёрнутыми и нелепыми, словно он видел дурной сон.

Затем в его глазах потемнело. Окончательно. Он потерял сознание и больше не увидел ничего. Ни того, как напавшие на лагерь штурмовики атаковали и избивали тех, кто оказался на этом краю площади, грома попутно всё, что попадалось под руку. Как тут же ушли обратно, за баррикаду, в темноту ночи, пока к месту нападения не успела подойти помощь. Как горели палатки, и пылала сама баррикада. Вместе с тем замечательным и удобным стулом, который ему так нравился.

Руддрайг Бриттгерн дождался, пока его боевики высадутся из грузовых закрытых экипажей и построятся перед ними. Грузовики принадлежали разным предприятиям и были любезно предоставлены в качестве «акта поддержки» их владельцами. Все фирмы были известными, никому не пришло бы в голову останавливать их фургоны для проверки.

Полувоенную дисциплину в «Союзе действия» Бриттгерн придумал и ввёл сам. И страшно гордился собственной идеей. Нет лучшего способа держать молодняк в узде, чем выстроить его в шеренгу. Ясно давая понять, кто тут старший, а кто подчинённый. Начни разговаривать с ними на равных, и завтра у них появится желание обсуждать твои приказы, а послезавтра они вообще решат, что лучше знают, как надо вести дела.

Он вышел перед строем и заложил руки за спину. Руддрайг знал, какое впечатление сейчас производит. Ничего лишнего в костюме – чёрный сюртук с глухим воротником-стойкой, чёрные брюки, заправленные в начищенные сапоги.

Просто. Лаконично. Значительно.

Он повернул голову налево, коротко кивнул. С правого фланга строя к нему направился, по-военному чеканя шаг, командир группы.

Сет Трайгтреттон.

«Я не ошибся в этом мальчишке. Он просто упивается доставшейся ему властью».

Сет остановился перед ним, отсалютовал.

– Операция прошла успешно! Среди группы пострадавших нет! Задание полностью выполнено!

Бриттгерн кивнул:

– Отлично. Секретность?

– Не нарушена. Наших лиц никто не видел.

– Листовки?

– Оставили и на площади, и на улице перед баррикадой.

– Хорошо, – он указал Сету на место по правую руку от себя. Затем обратился к строю: – Господа, поздравляю с успехом. Сегодня вы сделали важный шаг на пути к победе в нашей борьбе.

Он заметил, что один из молодых эльфов в первом ряду чуть заметно покачал головой.

– У кого-нибудь есть вопросы? Сомнения?

Бриттгерн смотрел на паренька в упор, хотя вроде бы обращался ко всем. Наконец тот не выдержал, вытянул руку вверх. Совсем по-детски, как в школе.

– Разрешите?

– Разумеется.

– Меня беспокоит вопрос. Правильно ли мы поступили? Ну, всё же, там, на площади – там же эльфы. Достойные граждане, есть ветераны, даже герои войны. Правы ли мы, причиняя им такое?

Бриттгерн покосился на Трайттреттона:

«Ну, Сет, а ты что об этом думаешь?».

Затем спросил вслух:

– Кто-нибудь желает ответить на этот вопрос?

– Позвольте мне.

«Я знал, что ты об этом попросишь».

– Конечно, Сет.

Тот вышел на полшага вперёд, заложил руки за спину, так же как Бриттгерн.

– Я понимаю сомнения некоторых из вас. «Правы ли мы?», «Допустимо ли действовать так жёстко?», «Ведь это же наши братья-эльфы, наши ветераны, более того – наши соратники по борьбе». Отвечу на эти сомнения так. Наша борьба, которую мы ведём, та битва, в которую мы вступили – это не игра. Это жёсткое противостояние, схватка за будущее всех эльфов. Это война. Сражаясь в такой войне, нельзя забывать о соотношении великой цели и тех жертв, на которые мы можем и должны пойти, чтобы её достичь. Ведь если мы проиграем, то всё будет напрасно. В том числе и усилия тех, кто незначительно пострадал сегодня во время нашей вылазки. Знай они об истинном смысле того, что мы делаем, и я уверен – большинство из них согласилось бы добровольно на такую жертву. Потому что в их груди бьются такие же сердца, что и у нас – сердца патриотов. Жаль, что в интересах нашей победы, нашего общего дела мы не можем открыть им, кто мы и во имя чего действуем. Но я уверен, что когда сегодняшняя акция подтолкнёт тех, кто колеблется, к решительным действиям, когда вспыхнувший гнев народа эльфов приведёт нас к победе, весь этот незначительный ущерб покажется ерундой, не имеющей значения на фоне великой цели, к которой мы стремимся.

Сет отступил назад, покосился на Бриттгерна. Тот ответил одобрительной улыбкой.

«Ты далеко пойдешь. Очень далеко».

Затем обратился к строю:

– Думаю, что Сет дал прекрасный и убедительный ответ. Добавлю лишь, что как только мы добьёмся успеха и решим стоящие перед нами задачи, все те, кто пострадал во время сегодняшней акции, получают достойную компенсацию. Обещаю, что прослежу за этим лично. А теперь – вольно!

Он повернулся к Сейтеннину. Сказал негромко:

– Отправь его домой. Ты понял, кого я имею в виду. Не стоит ему сейчас появляться на площади. Ты был убедителен, но рисковать тем, что у него вдруг развяжется язык, я не намерен. Потом придумаем его какое-нибудь занятие, не такое ответственное.

Сет кивнул. Руддрайг продолжил:

– Ну, а сами – отдохните и возвращайтесь на место. Ваше отсутствие не должно бросаться в глаза. Кроме того, помни, о чём я говорил – оттаскивайте за штаны особо рьяных, кто будет подбивать других штурмовать Совет. Нам сейчас нужно раскачать страну, а не давать канцлеру повод ввести военное положение.

Он положил юноше руку на плечо.

– Иди. Я знаю – ты меня не подведёшь.

Глава 10. «Волей свободного народа эльфов»

«Компромисс в политике возможен до тех пор, пока все стороны играют по правилам. Тот, кто отменяет их, переворачивает игровой стол. Это смелый шаг, но и опасный. Причём в куда большей степени».

Таредд Сеаннмар. «Сто лет на службе Империи. Мемуары».

Он ещё раз перечитал первые строки документов, лежащих перед ним. Оба начинались одинаково: «Волей свободного народа эльфов, переданной в распоряжение Высшего Совета Империи для наилучшего управления делами страны в интересах всех её обитателей...» и так далее, на протяжении нескольких обязательных абзацев, подчёркивающих, что всё делается не просто так, а ради «всеобщего блага». А вот дальше начинались расхождения в нюансах и возможных последствиях.

Канцлер Империи Таредд Сеаннмар поднял глаза от бумаг и посмотрел в окно кабинета по левую руку от себя.

«Детали. Как всегда, когда конечный смысл одинаков, всё упирается в детали».

Смыслом обоих документов было одно – восстановление поста императора и выборы. Только в одном случае он, канцлер, уходил в отставку сам и присоединялся к этому решению, а в другом его снимали с поста решением Высшего Совета.

То, что такой исход весьма возможен, он понял давно, ещё с месяц назад, когда митинг на центральной площади не прекратился после отзыва законопроекта о пересмотре выплат ветеранам. Если поначалу можно было надеяться, что заявленные требования о его отставке – не более, чем демонстрация крайних позиций, с которых впоследствии можно будет отступить в процессе политического торга, то потом стало очевидно, что именно они и являются настоящей целью. Кто-то просто использовал тему ветеранов, чтобы протолкнуть собственные идеи.

Как он со своим почти столетним опытом работы в государственном аппарате умудрился проморгать такое? Потерял хватку? Стал невнимательным, утонул в рутине политического маневрирования? Постарел, размяк? Или всё сразу?

Скорее всего, он продолжал надеяться, что ситуацию удастся разрешить привычным способом. Договорится со всеми, чем-то или кем-то пожертвовать, перераспределить посты в правительстве, квоты влияния в Совете. Срабатывало же это в течение последних сорока пяти лет, пока он возглавлял исполнительную власть. Так почему бы не случиться подобному и на этот раз?

Оказалось, что нет. Кто-то неожиданно поднял ставки и потребовал не кусок власти, а всю её. Целиком.

Следовало признать – партию разыграли блестяще. Он понятия не имел, кто выступил стратегом, но то, как всё было сделано, вызывало уважение. Когда митинг на площади Империи стал выдыхаться, и канцлер уже начал надеяться, что всё вот-вот рассосётся само собой, произошло то самое ночное нападение, после которого обстановка снова обострилась. Более того – на этот раз полыхнуло по всей стране. Во всех столицах провинций возникли подобные же «стихийные» митинги. Как обычно, наиболее остро выступили северяне в Нуррдэ, где всегда были сильны позиции горняцких профсоюзов. В столице провинции, Риффдине, протестующие не только заняли центральную площадь, но и захватили здание суда. Поскольку сил местных стражей правопорядка не хватало, канцлер приказал командиру гарнизона взять ситуацию под контроль. Тот отказался, заявив, что устав армии Империи требует от него защищать страну от внешних врагов, а не вмешиваться во внутренние дела. И это был первый серьёзный знак, что опора на вооружённые силы может не сработать. Вторым стало то, что военное ведомство вместо того, чтобы отстранить строптивого коменданта от командования, ответило

на запрос канцлера пространным заявлением о том, что они проведут «тщательное расследование».

Это означало, что армейская верхушка не намерена встречать в происходящее, и будет выжидать, наблюдая за ситуацией. А она продолжала стремительно ухудшаться.

В крупнейшем городе Империи, Лангриксте, вспыхнула забастовка портовых рабочих. Которая моментально ударила по всей стране. Здесь сходились два главных речных маршрута – широкий и полноводный Миддеан, великая водная магистраль, текущая с севера на юг, и его западный приток, Груинне, на котором выше по течению стояла столица, Фэйрхаэль.

Теперь обе реки на несколько миль от своего слияния оказались забиты баржами, которые отказывались принимать в порту. Железная дорога, разумеется, не смогла справиться с возросшими объёмами грузов. Над всей транспортной системой нависла реальная угроза коллапса.

В самой столице обстановка накалилась до предела. В рабочих районах стали возникать местные постоянные митинги. Пока без баррикад и открытого противостояния властям, но эту черту можно было перейти в любой момент. После нападения на центральный лагерь нашли листовки с довольно неуклюжими лозунгами в поддержку самого канцлера. Некоторые фразы, вроде требований «вернуться к работе и не лезть в дела, в которых вы ничего не понимаете», звучали, как настоящая провокация.

По анонимному сообщению, поступившему в Службу городской стражи, удалось довольно быстро обнаружить типографию, где могли быть отпечатаны сами листовки. Работники отпирались изо всех сил, но среди готовых к переплавке печатных форм нашлись разломанные фрагменты набора, совпадавшие с текстом.

Типографию закрыли, её владельца, какого-то гоблина, заключили под стражу.

Почти сразу после этого канцлер ощутил, что изменилось настроение самого Совета. Если раньше шёл привычный внутренний торг, то теперь начиналась борьба за новую структуру, во главе которой окажется личность императора. Главными переменными в уравнении становились будущие кандидаты и выгоды партий, которые станут их поддерживать.

Таредд Сеаннмар оставался формальным главой Империи, но игра, по сути, велась уже без его учёта. Оставалось лишь устранить эту двойственность ситуации.

Он понял, что время настало, когда накануне получил официальное уведомление от секретаря Совета Олуэнн Линногрис о «намерении группы представителей встретиться с канцлером». Понял, потому что его не просили о встрече, а ставили о ней в известность. Потому что, если бы оставался хоть один шанс, Олуэнн пришла бы к нему одна, как прежде, а не в сопровождении «группы представителей».

Он провёл вечер и ночь в раздумьях. Смирился со своей участью. Сегодня его интересовали лишь детали процесса.

«Итак, один итог и два пути. Если я откажусь от добровольной отставки, меня снимут решением Совета. Это значит, что почти неизбежно будет назначено официальное расследование, и все двусмысленные политические сделки, все скользкие решения могут быть – и наверняка будут – истолкованы против меня. Последствия: тюрьма или ссылка. С одной стороны – смерть политической карьеры, с другой – призрачная возможность стать лидером будущей оппозиции. Правда, для этого должно пройти какое-то время, и новая власть должна наделать ошибок. Во втором случае, если я уйду добровольно, меня почти наверняка отпустят с миром, но на политике опять же придётся поставить крест. Потерпевший поражение лидер никому не интересен. И что тогда? Тихая, размеренная жизнь в поместье? Невинные радости вроде живописи и написания мемуаров? Без искры, без азарта, без ощущения пульса жизни, борьбы? Борьбы ради чего? Зачем я всё это делаю? Из эгоизма или ради каких-то убеждений? Кстати, об убеждениях. Есть ведь третий путь. Сопротивляться. Отказаться от сделки. Обратиться за поддержкой, объяснить, что путь, на который зовут эти реваншисты, почти наверняка закон-

чится новой войной. Только имею ли я на это право? Что лучше – бои на внешних границах или потенциальная гражданская война внутри Империи? Как там у них сказано?».

Он снова повернулся к столу, скользнул взглядом по написанным на листах бумаги словам, нашёл древнюю формулу, содержащую в себе символ государственной власти.

«Настоящим документом Совет объявляет о подготовке к выборам на императорскую должность, чтобы вручить право управления от лица народа, его изначальной свободы, власти над собой и местом, где он обитает, в руки того, кто наилучшим образом распорядится этой властью для процветания и счастья всех эльфов перед лицом Великой Богини».

«Всех эльфов. Народа. Изначальной свободы».

По крайней мере, ему не придётся нести ответственность за принятые решения.

«Волей свободного народа эльфов. Ну что же, если вы на этом настаиваете».

Он поднял голову. Встретился взглядом с Олуэнн Линногрис. Еле заметно кивнул, отодвинул в сторону тот документ, где его снимали с поста решением Совета. Вслух произнёс:

– Хорошо. Во имя всеобщего блага. Ради мира в стране. Я согласен. Полагаю, вы уже заготовили текст моего обращения с просьбой об отставке?

Олуэнн поднялась со стула, подошла к столу и протянула ему ещё одну папку.

– Мудрое решение, Таредд. Я не сомневалась, что ты его примешь.

Он ответил немного вымученной улыбкой, раскрыл папку и начал читать.

Глава 11. Вырезки

«Если ищете надёжное средство, чтобы избавиться от здравого смысла, эйфория подойдёт лучше всего».

Таредд Сеаннмар. «Сто лет на службе Империи. Мемуары».

Газета «Вестник Фэйрхаэля», из статьи «На пути к возрождению», автор Эллиа Гиддеан:

«...Один из величайших дней в истории, событие, свидетелями которого мы имеем счастье быть. Наконец-то наша страна вырывается из объятий безвременья, пробуждается от зачарованного сна, в который её погрузил не злой волшебник из сказок, а печаль, уныние и утрата ориентиров будущего. Не будет преувеличением сказать, что жители столицы, как и все граждане Империи, с огромным воодушевлением восприняли известие о назначении выборов на императорский пост. Лагерь на площади, ещё недавно бывший очагом противостояния, превратился в эпицентр народного праздника. Сами бывшие протестующие и присоединившиеся к ним горожане разбирают баррикады и вывозят мусор. Разбитые окна и витрины закрывают многочисленные флаги Империи. На сцене, с которой совсем недавно ораторы призывали не сдаваться и продолжать борьбу, теперь звучат песни в исполнении самых именитых артистов и слова благодарности тем, кто не побоялся бросить вызов государственной машине. Сейчас, когда всё закончилось, можно с уверенностью сказать, что этот протест был не вспышкой экстремизма, а проявлением лучших качеств эльфов, квинтэссенцией их древнего духа, высшей формой народовластия в действии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.